ISSN 0130—8009

ПИОНЕР

3'90

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1990
Издательство «Правда»

3

ЧИТАЙ В МАРТЕ

Аэростат был размером с индийского слона. С. 6.

Птичий рынок. С. 34.

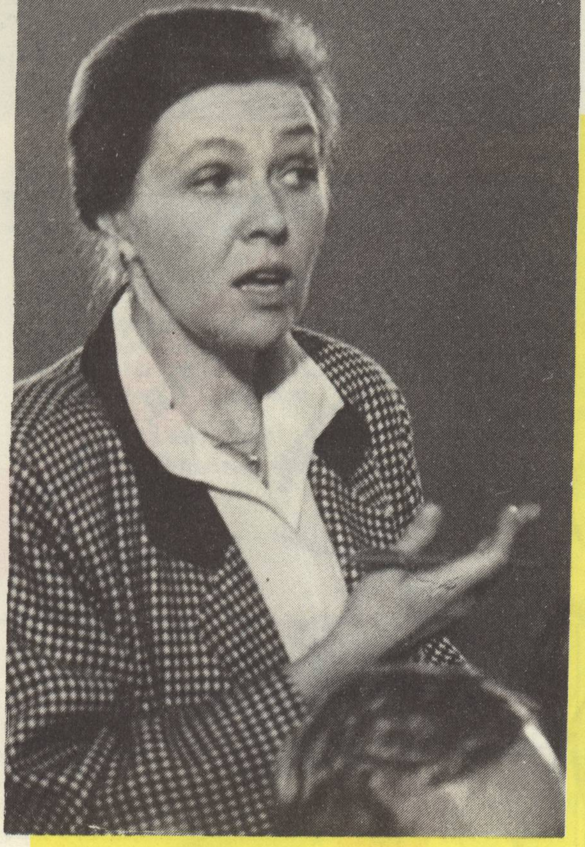
С. 44.

Каким бы ни выдался март, он всегда для нас — ожидание какого-то необыкновенного счастья и ласкового весеннего солнца. Можно запамятовать про наступление каникул, даже про свой день рождения, да мало ли о чем мы забываем порой в суматохе, но о том, что 8 Марта — женский день, про это забыть просто невозможно. Потому что об этом помнят все.

Женщина — хранительница семейного очага. Женщина — великая труженица. Женщина — символ любви, доброты, заботы и милосердия. Сколько теплых, красивых и правильных слов будет сказано в эти дни о них, наших бабушках и мамах, сестренках и подружках, наших учительницах, снисходительных и строгих, справедливых и придирчивых. Но почему некоторые из нас произносят эти слова только в канун 8 Марта? И почему забывают о них сразу же после праздника? Как часто грубым словом, невниманием и безразличием мы обижаем тех, кому в Международный женский день готовы подарить всю Вселенную?

Давайте задумаемся над этим. И, поздравляя дорогих нам женщин, девушек, девочек с праздником, даря им цветы и улыбки, будем помнить о добром, чутком и бережном отношении к ним всегда. Ведь от этого вся наша жизнь станет радостней, светлей и красивей.

Милые бабушки, мамы,
сестренки, подружки,
с праздником!

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

...Моднее, чем самая модная шляпа

Юлия Васильевна Белянчикова приехала в Финляндию и едва сошла с поезда — с удивлением услышала: «Смотрите, вот русская телезвезда, берите скорее автограф!»

Этот случай Белянчикова считает одним из самых смешных в своей жизни. Много лет она ведет по телевидению программу «Здоровье» (а теперь и главный редактор журнала с тем же названием). Репортажи из больниц, споры с медицинскими светилами... Встревоженное лицо, редко вспыхивающая улыбка. Быстрый, немного задыхающийся голос. Всегда кажется, что она появляется на экране по вызову «скорой помощи». Портрет, согласитесь, очень далекий от «звездного». Но ведь финны-то называли Юлию Васильевну «звездой» серьезно...

— Наверное, потому,— размышляет Белянчикова,— что я говорю о здоровье, а в некоторых странах, нет, пожалуй, даже во многих, сейчас на здоровье мода... Мода повальная. Перед ней меркнет мода на шляпы и автомобили. Неплохо, если бы эта мода завоевала поскорее и нашу страну.

Мы подумали и попросили **ЮЛИЮ ВАСИЛЬЕВНУ БЕЛЯНЧИКОВУ** поговорить о такой хорошей моде подробнее.

У нас в журнале «Здоровье», как и у вас, много писем, от которых душа холодеет: и от оступившихся девчонок, и от тех, для кого «норма жизни» — наркотики, водка, драки...

Но сегодня — праздник. Март, мимозы и подснежники. Время радоваться. И говорить о здоровье — о том капитале, который надо умножать.

Сколько себя помню — чуть заговоришь на съемках передачи с ребятами о пользе бега или вреде курения, на экране потом с ужасом видишь скучные лица.

Давайте сделаем так. Я просто поговорю о каких-то своих встречах, а «полезные наставления», цифры, факты мы вмонтируем в текст как бы между прочим — по принципу телерекламы. Даже самая коротенькая реклама, мелькнувшая посреди фильма или любой передачи, отложится в уме, запомнится. Ну вот, для примера — что-то, не имеющее прямого отношения к моей последней фразе.

Однажды известный актер Гойко Митич чуть не умер во время съемок эпизода «трубка мира»: ему стало плохо от первой же затяжки.

В русской сельской общине в старину девушку не брали замуж, если узнавали, что она употребляет алкоголь.

...Так вот, о встречах. Мы были на съемках в одной из московских школ, то ли в седьмом, то ли в восьмом классе. Вопреки моей просьбе девочки в вечернем макияже, мальчики пахнут парикмахерской. Это ангелы. Они не то что не курят, не пьют, они все знают о «факторах риска», все понимают. Между тем все здание школы прокурено, из форточек валит голубой дым. Приходится идти на маленькую провокацию. «Почему ты закурила в восемь лет?» — спрашиваю одну из девочек. «Не в восемь, а в одиннадцать»,— «возмущается» та. «А кто раньше всех?» «Аукцион» начинается — потом все равно можно сказать, что пошутили, а молчать скучно. Переходят в наступление: «А теперь агитируйте, что одна сигарета укорачивает жизнь на 15 минут!» Но удалось все-таки поговорить не только о вреде (и так все знают), а о причинах. Не курить — значит быть «белой вороной», закуривают, если «подруга отбила мальчика», если «хочешь похудеть»...

Около 50% школьников из-за изъянов здоровья никогда не станут геологами, хирургами, водителями, журналистами, не говоря уж о профессии парикмахера и официанта.

«Звезда» рока Мадонна пробегает каждое утро пять миль.

Профессор Н. Амосов: «За те долгие годы, что я бегаю утром в парке, к пяти энтузиастам, которых я уговорил, присоединились всего два человека, но за все время мы не наткнулись ни на одного школьника».

Не хочу обижать вас, ребята, ставя кого-то в пример. Вы любите поныть, пожаловаться, что жизнь «невыносима». А вот я хочу рассказать о «сладкой жизни» японского школьника. Эта небольшая страна сейчас обогнала мир во многих отношениях. По уровню знаний, особенно в математике и в естественных науках, японских школьников ставят чуть ли не на первое место в мире.

Чтобы поддерживать такой уровень, они начинают закаляться с четырех лет. Ведь большие умственные нагрузки требуют большой физической выносливости. И, если это не шутка, даже младенцы учатся по команде сжимать и разжимать кулачки...

Нигде так рано не готовят детей к будущей карьере, потому-то считается, что роль семьи тут огромна, особенно роль мамы (внимание, девочки!). Японских мам прозвали «кёику-мама», что значит «обучающая мать».

День у японца с ранних лет загружен до предела. Трех-, четырехлетние ребята ходят в дошкольные учебные заведения, где их учат правильно говорить, жить в коллективе, уважать учителя.

Учась в школе, маленький японец ходит еще в «юку», как бы отдельную от основной школу. Там учат сдавать экзамены — вернее, хорошо их сдавать, потому что юному японцу придется сдавать экзамены чуть не всю жизнь: чтобы попасть в хорошую, престижную школу, затем в колледж, университет, а потом «экзаменационный ад» продолжат фирмы, предприятия, министерства.

Хорошая школа, владение каким-либо видом спорта позволяют (внимание, девочки!) удачнее выйти замуж... Что это, если опять не экзамен!

Профессор Н. Амосов в утренней разминке некоторые упражнения повторяет до 1000 раз.

У людей со слаборазвитой мускулатурой в пять раз чаще случаются психические срывы.

Пифагор был не только знаменитым математиком, но и олимпийским чемпионом Древней Эллады по кулачному бою.

Но размах борьбы за здоровье, если не сказать, настоящий бум, особенно заметен в США. Американские школьники, побывавшие у нас в стране, преподносят как лучший анекдот случай, когда их юные русские друзья... удрали с урока физкультуры!

В тени рокеры, металлисты. Успех ждет «юппи» — молодого горожанина, целеустремленно двигающегося вверх по лестнице карьеры. Достичь чего-то имеет шанс лишь внешне привлекательный человек (спорт, диета). Угрюмый, нервный, расхлябанный или, скажем, чревоугодник — все это приметы неудачника. В коротких роликах по ТВ лучшие «звезды» рока, кумиры-культуристы предостерегают от спиртного. В парках с четырех утра до полуночи можно увидеть бегающих трусцой или «быстроходящих».

Мик Джаггер, солист рок-группы «Роллинг стоунз», которому предрекали смерть от наркотиков, рекламирует отказ от них и в свои 46 лет бегает каждое утро не меньше часа.

Более 10 миллионов женщин в Западной Европе, США и Канаде — участники движения «Наблюдатели за разумным весом», возглавляемого некоей Бернис Уэстон, которая в прошлом весила около ста килограммов.

«Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты» — вот модная поговорка для тех, кто следит за собой.

Знаменитый русский ученый В. М. Бехтерев: «От алкоголика рождается (на каждые 100 человек) — 10 уродов, 8 идиотов, 15 больных падучей, 5 алкоголиков, а из 100 самоубийц алкоголиков ровно половина».

...Согласитесь, модой на здоровье увлечены у нас пока немногие. И дело не только в недостатке стадионов или бассейнов. Вот что говорит Николай Михайлович Амосов: «Для здоровья одинаково необходимы четыре условия: физические нагрузки, ограничение в питании, закалка, время и умение отдыхать. И еще пятое: счастливая жизнь!»

Вот тебе и раз! Счастье-то понимают все по-разному. Для кого это деловой успех, будущая карьера, для кого — семья и дети, для кого...

Так вот — опять о моде. Если есть мода на отношения, кто же ее законодатель? По-моему, девочки.

Когда-то мне показалось немного смешным, как вела себя мама одной хорошей семьи, в которой меня поселили. Это было как раз в той поездке, в Финляндии, где меня «объявили» русской телезвездой. Дети и мама были спокойны и ласковы, каждый делал, что хотел, целый день. Но каждый вечер дети обязаны присутствовать на семейном ужине. Зажигаются две свечи. Подается картошка в мундире... Со стен со старых портретов глядят прадеды и прабабушки. В углу темнеет старый-престарый сундук, который мы давно бы выбросили. Но это не простой сундук. С ним предки плавали по морям на разных кораблях. Может быть, и столу, и стульям много лет — дерево темное, наверное, очень прочное. Такой вот прочный дом, прочная мама... Прочные порядки. Неслышно исчезли со стола чашки-тарелки (это без грома, без споров сделали девочки), а сын потихоньку спросил меня, есть ли что-нибудь для стирки, потому что у них завтра с папой стиральный день. Подумалось: это они так стараются, наверное, потому, что я гостья. Но ведь всем известно, что «подделать» домашний уклад, порядки домашние не так-то просто, мелочь какая-нибудь — нет, да выдаст... Что, и тут мода — на скучные домашние дела? Нет, объяснили мне девочки, скучными они вовсе не кажутся. Разве лучше, если потом, в замужестве, все развалится из-за того, что они выросли неумехами?

Все это так просто, что, наверное, не требует напоминания. А может быть, надо было бы слишком много рассказывать о том далеком доме, где пришлось побыть, чтобы передать вот это ощущение надежности — стен, крыши, человеческих отношений... Наверное, много таких домов и у нас. И тут бывают гости-чужестранцы, и они увозят с собой тепло такого очага: наверное, это и есть «народная дипломатия», как теперь мы называем такой обмен гостями.

Получается все-таки, что мода есть и на дом, вернее, добрый дом, здоровый образ жизни. Как в этом убедить? Не знаю. Так и хочется сказать — надо внедрить. Ведь привыкли мы все «внедрять».

Не думаю, что дело это легкое. Моду не внедряют, модой увлекаются...

Владимир КОЖЕМЯКИН

Вовка

Познакомьтесь-ка с Вовкой,
Парень он ничего,
И, конечно, «морковкой»
В классе дразнят его.

Толстый чуточку Вовка
И не очень-то скор,
Но совсем не морковка,
Он скорей помидор.

Физкультурница Вовку
Укоряла не раз
За его подготовку —
Вовка в спорте не ас:

В баскетбол не умеет
И в футбол не стучит!
Вовка тихо краснеет
И угрюмо молчит.

Похудеть он пытался,
На диете сидел —
Овощами питался,
Но еще потолстел.

Доброты Вовка редкой —
Не обидит жука.
Может, муху газеткой
Лишь прихлопнет слегка.

В дневнике много хлама,
От пятерок он чист.
Вовка, скажем-ка прямо,
Не совсем «хорошист».

И, конечно, девчонки
Дружат вовсе не с ним.
Вечно Вовка в сторонке,
Словно злой нелюдим.

— И зачем вы такого
Описали в стихах?
Скучный он, бестолковый,
В общем, парень не «ах»!

Не стихи, а наброски...
А зачем описал?
Просто с Вовкой мы тезки!
Вот я все и сказал.

Гафрики

По небу летела корова
И мне прокричала: «Здорово!»
Крылатой корове я крикнул в ответ:
«Привет! Где бы взять молока на обед?»
Корова не слышит, летит в облака.
Да — нечего ждать от нее молока...

* * *

В Африке есть логово
Крокодила злогово,
А еще есть в Африке
Маленькие гафрики,
А у нас на севере,
Как на чудо-девере,
Много всякой разности
Прозябает в праздности.

* * *

К прилавку подошла старуха.
На месте сыра было сухо.
Она спросила: «Где же сыр?»
Но продавец — надменный сир,—
Ей ничего не отвечал,
И только в клюве
Сыр торчал.

Черепаха

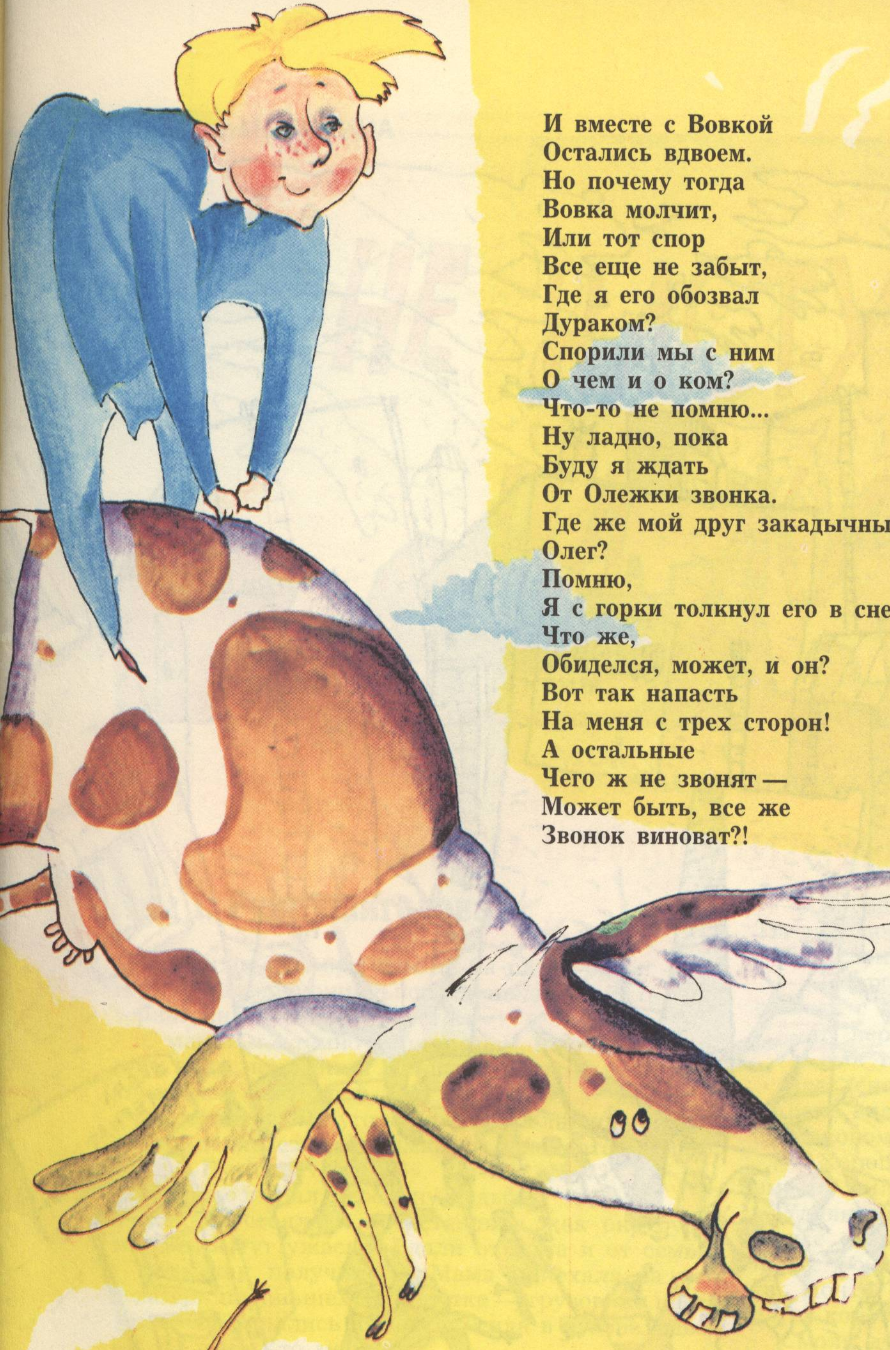
Я нашел черепаху
В осеннем лесу,
Она ямку копала у пня.
Я домой черепаху в корзинке несу,
Черепаха глядит на меня.

Видно,
Кто-то в лесу
Ее летом забыл,
Видно, здесь отдыхала семья...
Я нашел черепаху,
Ее полюбил,
И теперь черепаха моя!

Ну и пусть
Не собрал я опят в этот раз,
Я схожу за грибами потом.
От зимы
Черепаху сегодня я спас,
И теперь
У нее будет дом.

Вот осталось чуть-чуть,
Вот сейчас я войду,
Скажет дед:
«Покажи-ка улов!»
И тогда
Черепаху
У всех на виду
Из корзинки
Достану без слов...

В тот же миг
Вся родня
Соберется в кружок,
А потом
Папа спросит меня:
«Ты случайно не в Африку
Бегал, дружок,
За грибами
На целых полдня?!»

Звонок

Мой телефон —
Целый вечер — молчок,
Мой телефон —
Словно рот на замок.
Может быть,
Просто сломался звонок,
И до меня
Дозвониться не смог
Петька, мой друг,
Чтоб позвать на каток?
Вспомнил,
Мы с Петькой
Поссорились днем
И вместе с Вовкой
Остались вдвоем.
Но почему тогда
Вовка молчит,
Или тот спор
Все еще не забыт,
Где я его обозвал
Дураком?
Спорили мы с ним
О чем и о ком?
Что-то не помню...
Ну ладно, пока
Буду я ждать
От Олежки звонка.
Где же мой друг закадычный
Олег?
Помню,
Я с горки толкнул его в снег.
Что же,
Обиделся, может, и он?
Вот так напасть
На меня с трех сторон!
А остальные
Чего ж не звонят —
Может быть, все же
Звонок виноват?!

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Рыцари

Когда-то
В средние века
Повсюду жили рыцари,
И жизнь была их нелегка
В железной амуниции.
И вот
Полтыщи лет назад
Не стало их на свете,
Но пионерский наш отряд
Не согласился с этим.
Назначен «рыцарем» Петров,
«Оруженосцем» — Пенкин,
Они дерутся —
Будь здоров! —
На каждой переменке.
И Казаков,
И Лосев Стас
О рыцарстве мечтали —
Теперь они приходят в класс,
Как роботы,
В металле.
Гордились рыцари собой,
Мечами и доспехами,
Играли рыцари
С судьбой
И на турниры ехали,
И там
Полтыщи лет подряд
Они сражались смело,
И пионерский наш отряд
Продолжил это дело.
Спортивный превратили зал
В ристалище отличное:
Орлов Кускова оседлал,
А Курочкин Пшеничного,
На каждом
Толстый слой «брони»
С картонными плечами,
И машут с гиканьем они
Фанерными мечами.
Клокочет «рыцарский» вопрос...
И вдруг,
Как пробуждение:
Петров Шатровой преподнес
Цветы
На день рождения.
Прекрасный рыцарский обряд
Был совершен Петровым!
Теперь не станет наш отряд
Совсем средневековым.

СЛАВА ТРУДУ
СЛАВА
ХЛЕБ
ШКОЛА ИНТЕРНАТ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗ..

Марина МОСКВИНА **Рисунки В. БУРКИНА.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КТО СЛИМОНИЛ УШАНКУ?

Глава 1. Рукиушиголова

— Пррум-пум-бум-бум-па-ра-ри-ра-ррам! — грянул на церемониальной площади «Юность» интернатский духовой оркестр.

С мамой и с темно-коричневым, не очень видавшим виды чемоданом Женька стояла на краю и не сливалась с толпой. На чемодане — жестком, с пластмассовыми уголочками, с большими неблестящими железными замками — начертан шифр: «Женя Путник, 7 кл. «В». Шк-инт. № 73».

Шифр означал перемену судьбы.

Женька стояла и представляла, как она будет мыкаться тут ужасно. Вдали от дома и от семьи.

Ведь как получилось? Мама приехала за ней в лагерь пораньше. На попутке — грузовике цвета хаки! Они мчались в Москву, сидя в кузове, вдвоем, на каком-то мешке.

По обочинам дороги леса! Птицы распевают. До чего же приятно человеку возвращаться к своим домой. И Женька запела, заголосила негритянскую песню, прямо на английском языке, который она самостоятельно изучала по пластинкам. Этот блюз они пели с папой. И Юрик, ее старший брат, пел с ними, подыгрывая на губной гармошке:

«Как увидишь, что я иду, открой окно пошире!..
Как увидишь, что я иду, открой окно пошире!..
Как увидишь, что я ухожу, склони голову и плачь...»

— Я ухожу из библиотеки,— сказала мама.

— Куда? — спрашивает Женька.

— Папа едет работать в Приэльбрусье... на три года... Я бы хотела... поехать с ним... первое время... наладить быт...

— А мы? — спрашивает Женька.

— Юрик поступил в техникум. Он у нас взрослый... а тебя... мы с папой... НЕ-НА-ДО-ЛГО... решили устроить в интернат.

— Что?!!

— Да он специальный, с английским уклоном. Ты так любишь английский!

— Я ненавижу английский!

— Попробуем? Вдруг тебе понравится? А на субботу с воскресеньем домой.

— К черту субботу с воскресеньем!

— Как ты разговариваешь?!!

Недалеко от их дома был один интернат. Женьке из окна видно, как они гуляют за забором, во всем одинаковом, приютские.

— Хорошо. Тогда у папы,— сказала мама,— вместо жилплощади будет к о й к о м е с т о.

Удивительно, как иногда несуразные, просто нелепые слова могут заставить человека решиться на то, что он не сделал бы даже под дулом пистолета. Почти всегда эта фраза — непривычная на слух, короткая и ударная, как прямой хук в нос.

Смолк духовой оркестр. Люди стали строиться по классам.

— Седьмой «В» — на медосмотр!

— Иди, я посторожу чемодан! — говорит мама. Вид у нее какой-то растерянный. Вроде сама не рада, что все это затеяла.

— С вещами! По росту! Стройсь! Шагом марш!..

Новички нервничают, старожилы спокойны.

Новички оглядываются, старожилы глядят вперед.

Один из третьего класса — бабушка его провожала, плакала — крикнул ей во весь интернатский двор:

— Бабуль! Выше голову! Шурке привет и всем! Скажи — встретимся, обязательно встретимся!..

Странный человек в меховой ушанке шествует по площади с картонной шахматной доской.

— Тр-рум-пум-бум-бум-пу-ру-ру-ру-рру-м!..

Отваливают под марш «Прощание славянки» от пристаней корабли. Длинной вереницей выстраиваются в спальном корпусе у медпункта.

— Руки! Уши! Голова!.. Руки, уши, голова... Рукиушиголова...

— А голову-то зачем? — спрашивает Женька.

---

* Журнальный вариант.

— А чтоб вшей не натащили!..

Тысячерукое, тысячеухое, пятисотголовое существо движется из медпункта в раздевалку, где станут храниться пятьсот пальто, шапок и чемоданов, тысяча башмаков, лыж, варежек и лыжных палок...

Оттуда — в спальни — розовые стены, розовые шторы, розовые покрывала. Все в спальнях ядовито-розового цвета.

В подсобке нянечки двуручной пилой чего-то пилят — за спиной не видно.

— У нас директор,— говорит одна,— у него знаешь какой вкус? ЧТОБЫ ВСЕ БЫЛО В ТОН.

«Чего они там пилят?» — подумала Женька.

—...А у Гапонова из девятнадцатого интерната ВСЕ НЕ В ТОН! Стены зеленые, шторы красные! Наш ему: «К зеленым стенам, Иван Сергеич, шторы должны быть обязательно зеленые. Чтобы ребятам было не тяжко». А тот: «У меня, Владимир Петрович, шторы на стенах, как маки на лугу!»

Вжик-вжик, знай себе распиливают, не злодеяние ли совершают? Такой у Женьки был характер: ни мимо чего неясного ей не могла пройти спокойно, а только разузнав, что все в порядке, что никого не обижают и нету признака злодейств.

Двуручною пилой распиливали няни розовый рулон туалетной бумаги.

Из спален — в школу — через переход с большими окнами от потолка до полу. Здесь строятся перед обедом классы. Нигде так беспрестанно не строятся, как в интернатском переходе. И нет другого такого места, где больше, чем тут, сосредоточился бы запах супа из столовой.

С новой силой тоска навалилась на Женьку — она любила питаться не по часам. В отрыве от кухни и домашнего холодильника растущий организм ее трубил тревогу и пробуждал кошмарный аппетит, который ей достался в наследство от великого любителя поесть — Женькиного папы.

— Как кушать хочется! — семь раз на дню по воскресеньям, заискивающе глядя на маму, восклицал папа, хлопая в ладоши и потирая руки.

Еду он предпочитал сготовленную мамой от начала и до конца и на дух не переносил пакетики и полуфабрикаты. Пакетики он называл мумией супа. «Такие пакетики,— говорил папа,— можно найти только в саркофагах фараонов».

А до чего он обожал ветчинный рулет! Как-то раздобыл по случаю батон с названием «Рулет деликатесный»!.. Принес домой, счастливый, держа батон, словно ребенка, прижатого к груди. А когда тот в конце концов кончился, папа по этому поводу выступил на кухне с речью. Он сказал:

«До свиданья, рулет, до свиданья! Приходи к нам еще! Мы тебе всегда рады! Пусть наш холодильник «ЗИЛ» станет для тебя родным домом, а месяц, на протяжении которого мы ели тебя, апрель, отныне будет праздноваться нами каждый год как месяц рулета!..»

До свидания, папа, до свидания. Пусть у тебя там в Приэльбрусье все будет хорошо. Пускай не жмотничают — выделят жилплощадь, а не какое-то койкоместо. Пускай рядом с тобой побудет мама. Вдвоем надежней, а то снегопады, лавины, дремлющий вулкан Эльбрус, чем черт не шутит, вдруг проснется. А нам что сделается тут в Москве? Что уж такого здесь в Москве нельзя было бы пережить человеку?

Одно чуть примирило Женьку с интернатом — здоровенный аквариум в школьном корпусе на первом этаже. Там жили рыба-телескоп, пятнистые вуалехвосты, четверо меченосцев, и среди водорослей двигался по дну тритон.

У них с Юриком тоже есть аквариум. Десять огненных барбусиков. Все десять пламенно любили Юрика, во всяком случае, узнавали и явно предпочитали остальным. И снова Женька с надеждой подумала: там, где живет тритон, не может быть СЛИШКОМ плохо.

Общим потоком ребят ее подняло по лестнице на третий этаж и мимо ПРАВИЛ, гласивших: «Будь активным общественником, хорошим товарищем, верным другом! Умей сочетать личные интересы с интересами государства! В карман клади только необходимые вещи! Умей стирать, шить и гладить одежды! Закаляй себя! Не кури!» — внесло Женьку в седьмой класс.

Вместе с другой новенькой она встала у доски тихо и настороженно, как следует вести себя в подобных обстоятельствах.

— Ты приходящая? — спрашивает у Женьки другая новенькая.

— Как это?

— Ну — в интернате учишься, а спишь и ешь дома,— объяснила девочка.— Я — приходящая!

— А я не приходящая,— сказала Женька. Мысль о тритоне уже не согревала.

Глава 2. «Луизиана»

Сперва все ученики Женьке показались на одно лицо. Только один выделялся — мальчик-африканец. Потом, пока не было учителя, Женька стала приглядываться к каждому, в уме составляя словесные портреты. Так она тренировала память на лица.

Ей память нужна была феноменальная, примерно как у бывшего чемпиона мира по шахматам Алехина. Он потом стал следователем уголовного розыска. Алехин знал в лицо сотни преступников, их клички, «почерк» преступлений, их прошлую преступную жизнь. Женька хотела стать инспектором — таким же, как Алехин.

Первый ряд от окна последняя парта: пол женский, телосложение худое, волосы на голове, на бровях и на ресницах белые, рот большой, углы рта приподняты, нос большой, носит очки, левый глаз дергается, по-видимому, нервный тик...

«Пол женский» звали Шуру Конопихину, рядом с ней никто не сидел, и прежде чем перейти к следующей парте, Женька окинула взглядом нарисованный ею словесный портрет и вдруг поняла, что приподнятые углы рта означали улыбку, а броская примета — нервный тик — самое что ни на есть дружелюбное подмигивание.

Странное это действие — подмигивание, малоизученное. Откуда взялось? Куда уходит корнями? Оно протягивает ниточку доверия между совершенно чужими, как бы говоря: «Привет!», «Я с тобой!», «Держи хвост морковкой!»

Одно дружеское подмигивание может сделать жизнь сносной, наобещать каких-нибудь чудесных в будущем событий. Есть еще подмигивание любовное. Но никогда — что-нибудь плохое.

Женька села за парту с Конопихиной.

Вошел учитель.

Он был в синем пиджаке с металлическими пуговицами — двубортном, пуговицы шли в два ряда. В окно било сентябрьское солнце, солнечные лучи ударили по пуговицам, и они вспыхнули

на груди у него и на животе так ярко, что потом всю Женькину жизнь учитель возникал в ее памяти в ослепительном пуговичном сиянии.

«Мужчина лет сорока двух,— фиксировала Женька,— рост выше среднего, сутулый, нос выдающийся, блестящая плешь, под пиджаком носит белую водолазку...»

— Здравствуйте, дети! — сказал Григорий Максович и к учительскому столу зашагал легкой мальчишеской походкой.

Шаги учителя были чуть-чуть с запинкой, как и его слова.

— Здравствуйте! — гаркнул седьмой «В».

В том, как все это гаркнули, звучала радость встречи с ним, то же и в его «Здравствуйте, дети!» — довольно сильная радость встречи.

— Не кладите вы так на них свое сердце,— рекомендовала Григорию Максовичу более опытный педагог Оловянникова.— Я на своих клала, а теперь у них чего ни попросишь — ноль всякого внимания.

— А я, Галина Семеновна, просто так кладу, бескорыстно! — отвечал Григорий Максович.— Я,— говорит,— Галина Семеновна, мечтаю, чтобы они ВСЕ, когда выросли, стали такими, как мой папа — Макс Соломонович Бакштейн.

Глядя на Григория Максовича, Женька вспомнила, как прошлой осенью папа, Юрик и она ходили на концерт. Там выступал музыкант — седой, стриженый, с седой бородой, в зеленых вельветовых джинсах — с банджо. Он вышел на сцену и говорит:

— «Луизиана»! Посвящается Ларисе! Я надеюсь, в зале не так много Ларис?..

Все смеются, он смеется. Публика, не отрываясь, смотрела на него. И когда он заиграл, запел хриплым голосом, каждый жест, слово встречались восторгом, хохотом, аплодисментами!

Пел он эту «Луизиану», конечно, поразительно. Молодежь, пожилые, какие-то старушки сидят — всем нравится. А от него в зал — энергия, как от аккумулятора, и, главное, удовольствие, которое он сам испытывал от своей игры...

Хотя Григорий Максович, так всем казалось, не играл ни на одном музыкальном инструменте. Разве что в детстве на глиняной дудочке окарине.

Дудочку окарину подарил ему его папа. Она была гладкая, покрытая черной блестящей глазурью. В ней было десять отверстий — по одному на каждый палец.

Когда Григорий Максович воевал на войне, дудочка в бою раскололась надвое.

Женька узнала эту историю и решила: во что бы то ни стало когда-нибудь где угодно раздобыть окарину и подарить ее учителю.

Но окарин почему-то нигде не продавали.

Женька искала ее, искала, у кого только не спрашивала! Окарина, как и вообще все, что слишком уж хочется заполучить, не попадалась и ускользала. Женька не видела ее ни разу и даже понятия не имела, как она выглядит.

Однажды зимой — уже взрослая — Женька шла по Кузнецкому мосту. Скоро Новый год, был вечер, она и сама не знала, каким ветром куда ее несет, пока не добралась до угла Кузнецкого и Неглинной.

Она вошла в музыкальный магазин и просто так без всякой цели начала разглядывать ноты, валторну, балалайки, губную гармошку... И вдруг увидела какую-то штуку — глиняную, шероховатую, величиной с огурец, и в ней было десять отверстий — по одному на каждый палец...

В Москве мороз! На елке у «Детского мира» лежал снег. И отовсюду шел пар. Пар вырывался из скрытых щелей на заснеженных газонах, из выхлопных труб автомобилей, валил сквозь сетки кухонных окон пельменной, клубил над лестницами подземных переходов... Не прошло и десяти лет, как окарина была у Женьки в кармане!

Осталось позвонить Инке, дочке Григория Максовича, узнать, в Москве ли он.

— Привет! Как жизнь?

— Приходи в гости! Увидишь что-то интересное!

— А что? — спрашивает Женька.

— Один музыкальный инструмент, потрясающий, с инкрустацией! Приятель уехал в Улан-Удэ, оставил погостить.

И Женька удивилась, как старые знакомые, не видясь, могут настраиваться на одну волну.

— Щипковый?

— Еще какой! С двойными струнами. Такой изображали на картинах, где с чубом играет хохол. Никто не знает, как он называется.

— А ты сходи в музей музыки! — осенило Женьку.

— Я это всем рекомендую! — сказала Инка.— Но сама была там один раз. Когда папе исполнилось пятьдесят лет. Я искала везде, хотела подарить ему окарину. Это такая дудка,— объяснила Инка.— В переводе с итальянского значит «гусь».

— Я знаю, у меня есть,— сказала Женька.

— Ну, у тебя, наверное, деревенская, глиняная. А я увидела в музее, как они выглядят, пошла в комиссионный магазин старинных музыкальных инструментов и говорю: «Я из музея. Нам нужны две окарины». И мне раздобыли две

настоящие, старинные, венские. И я подарила. Он сразу взял и заиграл. Он вообще с ходу играет на любых музыкальных инструментах.

Глава 3. Ночвос или Белая Дама

Первая ночь в интернате обернулась неожиданным пиршеством. Как только погас свет, с шумом распахнулись дверцы тумбочек, и вся спальня — числом пятнадцать человек — повытащила съестные припасы и принялась с размахом делить их между собой.

Целый день Женька мужалась и крепилась, хотела к ночи дать разгуляться тоске, но как тут ей разгуляться в ликующей атмосфере жеванья и братского дележа?!

Пошел по кругу кочан свежезаквашенной капусты, распространялись лук, морковь, чеснок

и репа, на крыльях неслыханной щедрости с койки на койку перелетали яблоки, сливы, конфеты, карамель с редким вкраплением шоколадных.

— Возьми бутербродика с колбаской! — сказала Женьке Шура Конопихина.— Держи селедочку!..

Селедочка была с душком, но все ее в охотку смолотили.

Пошли дикие истории.

— Конопихина, загни!..

Шура Конопихина, при свете дня человек в высшей степени малозаметный, брала свое с наступлением ночи. Она была первым сказителем спальни и упивалась своей ночной властью над переживаниями слушателей. Кто имел ужас и счастье слышать Шурины рассказы про Белые Перчатки, Красное Пятно, Зеленые Глаза, Черную Руку, Золотую Ногу, Синюю Розу и Черные Занавески, кто видел ее в эти минуты — в темноте, сидящую на койке, по шею в одеяле,— пусть честно признает: нет в мире повествователя, равного Шуре Конопихиной.

Чем Шура рисковала, Женька поняла, когда решила поведать спальне кое-что из жизни шахматиста-криминалиста Алехина. Не успела она произнести фамилию, имя и отчество своего кумира, как дверь отворилась и на пороге в тусклом свете уставшей коридорной лампочки обозначилась фигура ночного воспитателя.

После Григория Максовича Федор Васильевич Проракoв, так звали ночвоса, был вторым взрослым в интернате, до глубины души поразившим Женьку.

Но если Григорий Максович являл собой тип людей, которые ни при каких обстоятельствах не ходят грудью вперед, то в случае Федора Васильевича первостепенную роль играла именно грудь, точнее, головогрудь, поскольку шеи Федор Васильевич Прораков практически не имел.

Главная профессия Федора Васильевича была артист оперетты. Только не прима, а хор и кордебалет. В интернате он подрабатывал. Свою ночную вахту несколько лет подряд он нес в бархатном пиджаке и белых велюровых брюках. Когда директор Владимир Петрович спросил его:

— Почему вы в с е в р е м я ходите в бархатном пиджаке и белых брюках?

Федор Васильевич ответил:

— Я хожу в бархатном пиджаке и белых брюках потому, что у меня ничего больше нет.

Однако выданный ему в кастелянной спецхалат Федор Васильевич не надевал. Это навело Владимира Петровича, самозабвенно любившего порядок, на подозрение Федора Васильевича в халатном отношении к делу ночного воспитания.

Подтверждение халатности Владимир Петрович усмотрел также в бороде, которую ночвос Прораков холил и причесывал раз в десять минут расческой на прямой пробор, что делало его похожим на царя Александра III.

Дореволюционный вид и мелодии прошлых лет, беспрестанно насвистываемые ночвосом, в конце концов так насторожили директора интерната, что в приказном порядке в двадцать четыре часа Владимир Петрович велел Проракову бороду сбрить.

— Я не могу сбрить бороду,— заупрямился Федор Васильевич.— У меня подбородок безвольный.

— Вы столько лет ходите с бородой, может, он у вас вырос! — отрезал Владимир Петрович.

Федор Васильевич подчинился, оставив усики в стиле танго, как у аргентинского бандита. Плюс к усикам на всякий пожарный он резко усилил служебное рвение.

Федор Васильевич и прежде в отношении к воспитанникам проповедовал крайнюю суровость. Теперь в него вселился сам черт. От спальни к спальне он двигался бесшумно, ничем не обнаруживая своего присутствия, следил, преследовал, ловил с поличным, он без зазрения совести подслушивал под дверью, а после, мобилизовав весь опыт опереточного артиста — по голосу! — обнаруживал говоруна и, торжествуя, обрушивал на его голову наказание трудом.

Так и на этот раз в полутьме он безошибочно взял курс на узкое пространство между кроватями Шуры и Женьки.

— Ну-с! — произнес Федор Васильевич первую реплику отработанной пьесы выволочки и оперся рукой о тумбочку. Дальше он должен был замереть, выдерживая зловещую паузу.

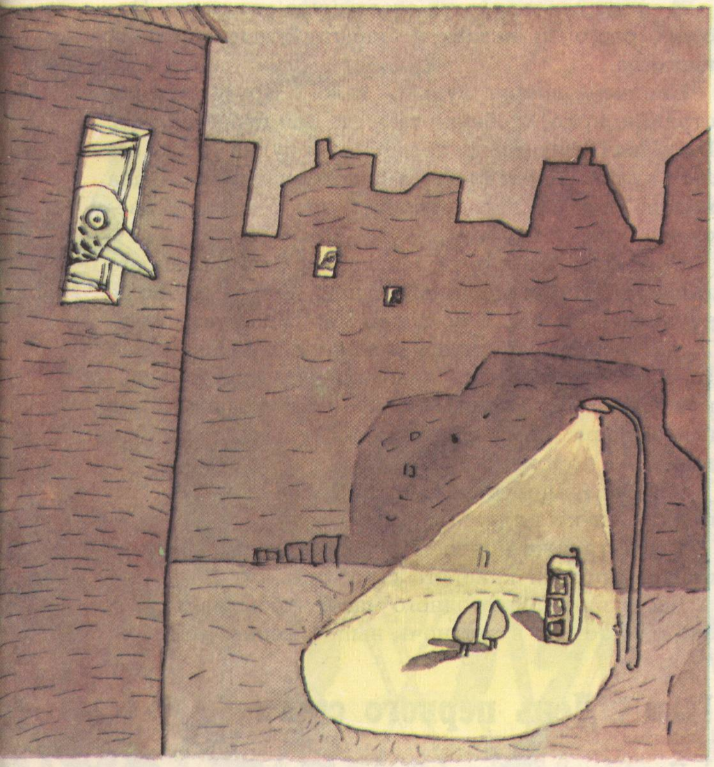
Но этот выигрышный эпизод скомкал Федору

Васильевичу жилистый кусочек сырокопченой грудинки, который Конопихина, не дожевав, аккуратно положила на тумбочку.

Любой другой на месте Федора Васильевича отдернул руку бы, как от жабы, а Федор Васильевич — нет, он о т д е л и л ладонь от тумбочки, а от ладони — сырокопченость с таким достоинством, что свидетели этой сцены, готовые прыснуть, а то и загоготать, невольно вспомнили девиз, провозглашенный ночвосом: «Побольше врожденного аристократизма!»

— Марш мыть уборную,— сказал Федор Васильевич Женьке, и она уныло поплелась в туалет.

За дверью в углу стояли швабры и ведра с тряпками. С горьким чувством Женька завозила шваброй по полу. Мысли одолевали одна печальнее другой. Видели бы родители, как их ненаглядный ребенок темной сентябрьской ночью моет общественный туалет.

Однажды ей папа открыл секрет оптимизма.

— В о в с е м,— сказал он,— старайся найти что-нибудь хорошее. Речь не о вопиющих безобразиях, ты меня понимаешь. Скажем, неохота стоять в очереди за огурцами, думай, что специально вышел тут поторчать.

Женька напыжилась и представила, что ее сюда привел душевный порыв. Это почти удалось, но все рухнуло, когда с санинспекцией явился ночвос.

Указательным пальцем провел он в углу за дальним унитазом и очень пристально проверочный перст изучил.

Это было равносильно тому, как капитану одного корабля доложили:

— Палуба надраена!

Тот снял парадную фуражку и запустил по доскам — белым верхом вниз. Приносят ему ее, а она попачкана.

Пришлось и Женьке, и матросам — каждому свое — перемывать.

Когда она вернулась, люди спали. И ей приснился сон: чудовище с головой рыбы, телом — початком кукурузы, на перепончатых лапах бегает по дому, как крыса.

Глава 4. Ренессансный человек

Хорошо, когда дома все хорошо.

Тогда ты хоть в интернате, хоть в жерле вулкана — нигде не пропадешь.

Одного Женькиного приятеля родители так дооберегали, что он до старости лет шнурки на ботинках завязывать не умел. Его этому и не особенно учили. «Шут с ними, со шнурками,— говаривал его папа.— Зато сын с отцом вместе рядом по жизни пойдут. Чужих-то не напросишься ботинки зашнуровывать!»

А Верка Водовозова — та девочка приходящая, которая спит и ест дома, а учится в интернате, спит и видит, чтобы каким-нибудь образом очутиться в вечной разлуке с домашними.

Папа у нее, сценарист Давид Георгиевич Водовозов. Грел Верку по всем швам за малейшую провинность. Очень уж хотел воспитать ее, как он говорил, настоящим человеком. Причем не простым, а ренессансным. То есть личностью всеобъемлющей широты интересов. Типа Леонардо да Винчи.

В интернат Верке позволили ходить по причине его английского уклона. Мама — тетя Дора, любительница искусств, насильно обучала ее вокалу.

Явное предпочтение тетя Дора отдавала героической, воинственно подъемной оратории «Иуда-Маккавей». Она аккомпанировала, Верка не по доброй воле исполняла партии хора, а Давид Георгиевич пел главную арию Иуды.

— Я мужчина бурный,— говорил Давид Георгиевич.— Если что меня губит, так это темперамент.

Хотя его темперамент губил не его, а Верку. Он на невыученные арии, как английский моряк, отвечал кулачной расправой. Ему казалось, что человек Возрождения воспитывается чисто средневековыми методами.

— Всех великих мастеров в детстве галошили,— заявлял Давид Георгиевич.

Жена его, тетя Дора, была музработником в детском саду. Орунья! Ее крика самые крепкие нервы не выдерживали.

— Как ты смеешь сидеть в моем присутствии?! — кричала тетя Дора на Верку.

— Зачем вы все время шумите? — спрашивали соседи.

— У меня голос для большой аудитории,— объясняла им тетя Дора.

Знакомых Верке родители выбирали в зависимости от интеллекта.

— Интеллектуально она тебе по щиколотку,— сказал Давид Георгиевич о Шурке Конопихиной, когда та по приглашению Верки явилась к ним в гости на обед. Вторичное приглашение получали только те, кто интеллектуально достигал Верке пояса или плеча.

Верка не была подругой Жени. Она вообще ничьей подругой не была. Думала она всегда только о себе. Человек очень бережливый — такой, что ты у него съешь два пирожка и он у тебя ровно два. Никогда тебе ничего не подарит. «Зачем,— говорила она,— я буду дарить просто так, когда можно

обменяться. Мне папаша за это холку намнет». А если ей было выгодно, прямо скажем, она могла выдать тебя с головой.

Но когда Верка однажды — около ночи — сказала: «Я домой не пойду. Выстрою шалаш и спасусь от холода»,— Женька с Шуркой сдвинули кровати и положили ее спать с собой в серединку. Ей даже вышло теплее всех, если на троих два одеяла, тому, кто посередине, достаются оба.

...— Жень! Шур! — шепчет Верка часа в два ночи.— Боюсь, меня дома укокошат. Давайте моим позвоним?

Телефон в кабинете директора закрыт. Автомат на улице. Пальто заперты в раздевалке. И на троих, как было отмечено, два одеяла. Поэтому ренессансный человек, смалодушничав, остался непокрытым в спальне, а неренессансные — Шура с Женькой — в ночных рубашках, завернутые одеялами, рискуя нарваться на ночвоса, двинули в школьный корпус — к единственному, возможно, незапертому главному входу.

Они выбрались из интерната. Выпали как из гнезда. Туловища с головой в одеяле, а ноги снаружи — мерзнут.

Расчерченный белыми линиями асфальт непосвященному казался бы загадочным, как рисунки в пустыне Наска. А это чтоб удобней строиться. Мы в интернате то и дело строились. Мы строем ходили, мы пели — в хоре, мы жили — стаей, попробуй кого из нас тронь!..

Липы черные, голые, у спальных корпусов выше крыши! Возле одного фонаря листья с ветки не опали, последние держатся, им хватает его тепла.

Окно хлеборезки. Там всегда запах хлеба какой-то волнующий. Машина, которая режет хлеб, часто ломалась, поэтому на дощатом столе всегда наготове длинный нож с пластмассовой синей ручкой. Нож в хлеборезке — ровесник интерната. Этот же самый нож на дощатом столе — он там и теперь. И там, над ящиком для горбушек, висел плакат: «Кто хлебушком не дорожит, тот мимо жизни пробежит!» Горбушками народ набивал карманы и ел их на ночь или на прогулке.

Женька несла в кулаке двушку. Что ни говори, а двушка — монета особая. Идешь с ней, например, по Москве, несешь ее в варежке, и каждый телефон-автомат тебе друг. В любой заходи — в любом — можно услышать знакомый чей-нибудь, любимый голос. Но не болтать, не рассусоливать, а просто радостно сказать: «Привет! Как жизнь?» — ну что-то в этом духе. А можно даже не звонить. Просто нести в кулаке в теплой варежке и голос, и разговор, и звук звонка в чьем-то милом твоему сердцу доме.

Женька с Шурой забрались в телефонную будку.

— Давид Георгиевич? Это Женя. Вера в интернате. А вы ее сдали бы насовсем! У нас шефы — автобаза, и в тесной дружбе с нами — Московский рыбокомбинат...

Давид Георгиевич молчал. Бывает такое молчание — гробовое. Это когда человек прекращает шевелиться и дышать.

— У нас есть свой лагерь. Это уголок швейцарский,— сказала Женька.— К нам и комиссии приезжают. «Знаете,— говорят,— что у вас интересно? Входишь на этажи, и туалетами не пахнет».

— Про комсомол не забудь,— шепчет Шура.

— Мы поступаем в комсомол,— говорит Женька.— Завтра открытое комсомольское собрание. Три пункта на повестке. Бой безразличию. Подумай над вопросом: с чего начинается зрелость? И третье: твоя жизненная позиция. В чем она состоит?

Светофор на перекрестке с зеленого переключился на желтый. Потом он с желтого переключился на красный. Как будто вспыхнул над перекрестком глаз Давида Георгиевича Водовозова. Трубка стала ледяной. Она отмораживала ухо. И трубка произнесла каким-то слишком тонким голосом:

— Если у вас, у подкидышей приютских, родители — кукушки, то я от своей Веры не отступлюсь!

В ту же секунду ночь отодвинула его слова. Это будет разговор назавтра, забытый, запомненный навсегда.

Вполнеба вокруг луны — гало!.. Круги светили страшно ярко, особенно там, где они пересекались. В крошечном огоньке телефонной будки — два белых кулька — одеяла-то в пододеяльниках! — два кокона, две сахарные головы, два белых предвестника снегопада.

Снег был уже в пути. Им пахло. Слышалось его дыхание. Из телефонной будки Женьке и Шуре виднелась Дорога. В большой мир. В новую жизнь. Такая общая, из-интернатская, у каждого своя. По этой Дороге — что удивительно — шел их одноклассник Рома Репин. И — что удивительно — вел пса терьера. Рома вел черного терьера в старый гараж за помойку.

«Зачем Роме пес? — подумала Женька.— А! Это им для спектакля».

Там в гараже ночвос Прораков ставил со старшеклассниками какой-то спектакль.

Достаточно было одного часа, чтобы наступила зима. И точно, в эту ночь выпал первый снег.

Глава 5. День первого снега

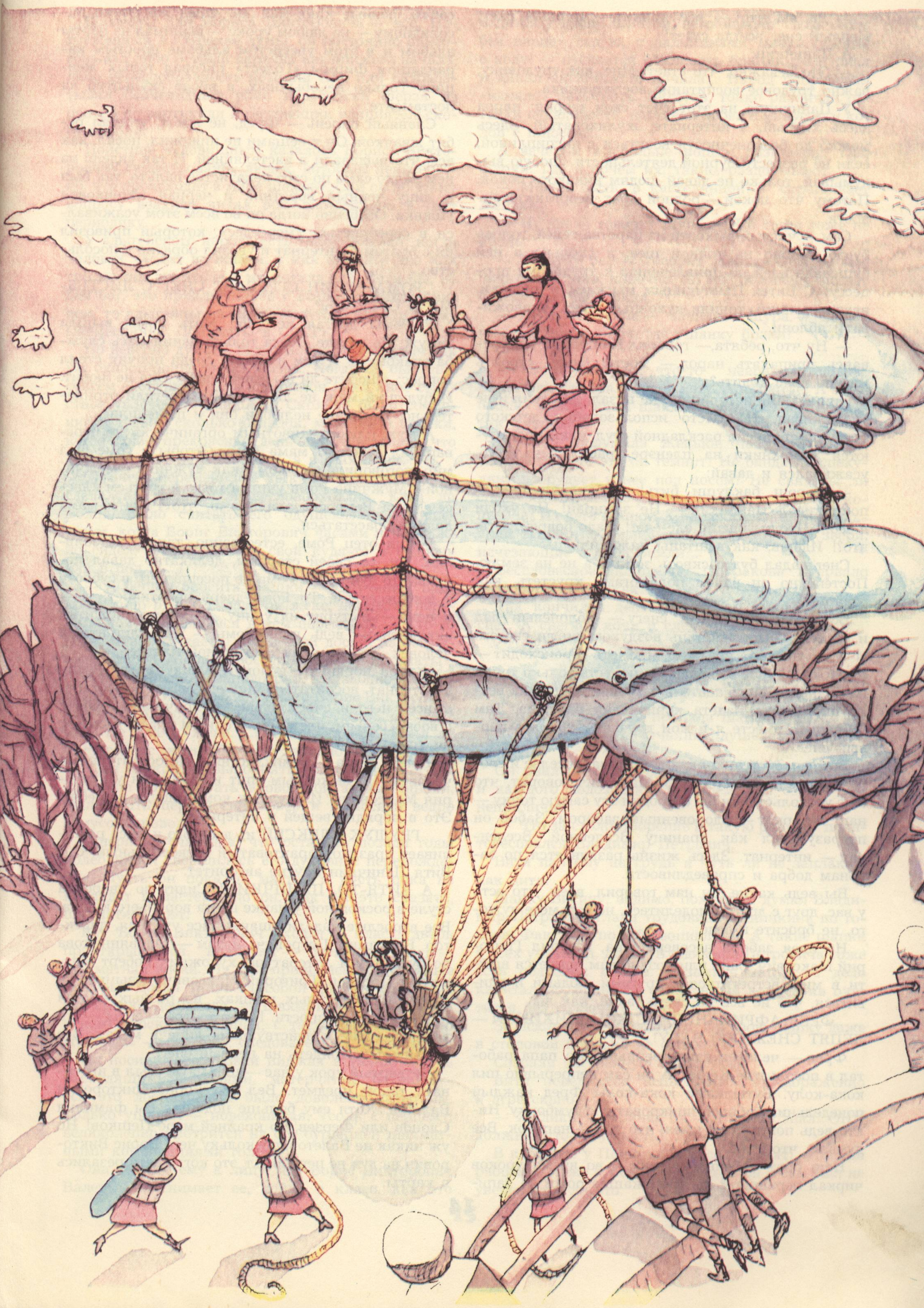
Подъем в интернате Женька терпеть не могла. Там в спальнях над дверью привешены динамики. В семь утра в радиорубке врубали бешено жизнеутверждающие песнопения. Первой шла песня про футбольный мяч:

Так случается порой,
Если другу туго,
Бейся в штангу головой,
Но не выдай друга!..

Женька старалась проснуться до песен, стянуть со спинки кровати вещи, сунуть их под одеяло, чтобы согрелись. И там, согретые, под одеялом надеть.

Теперь тебе все, никакие песни нипочем. Лежи себе, что-нибудь вспоминай и смотри, как в окне падает снег.

И этот снег на большой перемене трудовик Витя Паничкин велел убирать.

— Да вы что? — все кричат.— Первый снег! Первый снег всегда стает!

А Паничкин:

— Это неважно, что стает. Мне, как трудовику, важно трудовое воспитание воспитанника.

У Паничкина на этот счет своя теория: народ здесь хитрый, в интернате, жуликоватый. Здесь можно до бесконечности возиться с дисциплиной, если не развести бурной деятельности. Любую выдумывай, только не давай людям никакого покоя. Потому что покой — родной брат неорганизованности.

Сам — чистый выходец из царства теней, голова будто яблоко на тонкой шее, а сколько в ней бушевало идей по привлечению к трудовому процессу! С Витей Паничкиным мы клеили коробки, вязали веники, точили кухонные ножи, унавоживали яблони...

— Ну что, ребята,— говорил Паничкин, намереваясь припахать народ,— мосты будем строить или по воде ходить?

Лично Паничкин ничего не вязал, не клеил и не унавоживал. На место использования детского труда он приносил раскладной стул, каким пользуются художники на пленэре, раскладывал его, усаживался и давай:

— Хорош баклуши бить! Избаклушились! — покрикивал Паничкин.— Не замирай! Не уходи в себя! Что ты идешь еле-еле?! Надо бодрей, а ты что?! Идешь, как в штаны наложил!

Снег падал будто сквозь землю, а не на землю. Постепенно он начал под ногами хрустеть, как сухарик.

Все было сплошь в снегу — яблоневый сад и воздух. То ли дышишь воздухом, то ли снегом. И уже неясно, неважно, где это происходит — город какой, что за белая улица, есть только точка на планете с опознавательным знаком: там на ветке шиповника надета коричневая варежка. Там собрались вместе я и мои друзья — убирать первый снег.

Вот основной аккорд празднества: веселье и свобода, снег и мы. Григорий Максович говорит, что он с удовольствием бы огородил эту самую точку — наш интернат — здоровенным забором. Забор он подразумевал как границу Вселенной. Вселенная — интернат. Здесь жизнь развивается по законам добра и справедливости.

Вы ведь какие, он нам говорил всем, что есть у вас, друг с другом поделитесь, не возьмете чужого, не бросите в беде.

Но идея забора несовершенна, говорил Григорий Максович, рано или оздно вам придется выйти в мир, встретиться с другими людьми и удивиться, что не все на свете такие, как вы.

...ФРЕД-АФРИКАНЕЦ — С КОНОПИХИНОЙ — ЛЕПЯТ СНЕЖНУЮ БАБУ!

Фред — человек таинственный. Его папа работал в посольстве Кении. А он сам непрерывно пил кока-колу. Бутылками кока-колы Фред каждый понедельник набивал прикроватную тумбочку. Никто ведь понятия не имел, что это за напиток. Все думали, что пиво.

Наш брат — белый ученик — во время уроков чиркал перышком на промокашке рожи да записочки, разные каки-маляки. Фред же Отуко посолидному — на любом уроке — вынимал из парты альбом и в этом увесистом альбоме простым карандашом фирмы «Годест» рисовал голых женщин. Только не обычных, а вроде скульптур на постаменте.

Славный парень — Фред, не жмот, угощал ребят жвачкой. Он и вещами не пижонил, носил, как все, что выдавали в кастелянной. И так сидело на нем ладно само по себе неказистое пальто, так был к лицу черный воротник и черная цигейковая ушанка. Особенно когда он во всем этом усаживался в серебристый «мерседес», который привозил их с братом в интернат и увозил обратно в посольство.

...РОМА РЕПИН СГРЕБАЕТ СНЕГ С ЛИСТЬЯМИ В СУГРОБЫ!..

У Ромы другая история. Мать Ромы вышла замуж. По анкете. Тогда только начиналась служба знакомств. И там в анкете среди прочих стоял вопрос: «Любите ли вы животных?» Она не любит. И будущий муж не любил. Оба ответили отрицательно. На почве нелюбви они и поженились.

А муж плюс к животным органически не переваривал детей. И мама Ромы, чтобы в доме был мир, поговорила с сыном, «как мужчина с мужчиной». Мужчина Рома учился тогда в третьем классе. Мама Роме сказала прямо, что Рома и мама должны расстаться.

Ромин отец Роме, естественно, такого не заявлял. Ну, со своей стороны, деликатно давал понять, что лучше бы Рома не посещал его в субботу с воскресеньем. То Роме дверь не откроет, то — к ночи — вытурит на улицу. А Ромины пожитки аккуратно — ведь папа Ромы — интеллигентный человек — сложит на лестничной клетке.

С утра пораньше в понедельник придет Репин в интернат, воспитательница его вымоет, выстирает все с него, и, счастливый, что кончились суббота с воскресеньем, идет Рома Репин в класс, к своим, на уроки.

Теперь Рома — семиклассник, самостоятельный человек. По выходным спит и столуется у Григория Максовича. Или едет к кому-нибудь из ребят. Это в порядке вещей в интернате.

...ГРУЩУК АЛЕКСЕЙ из десятого класса разгуливает праздно, франтоватый и своевольный, сам Витя Паничкин ему не авторитет.

А ВИТЯ-ТО, ПАНИЧКИН! Сидит во дворе на стуле в роскошной ушанке цвета вороньего крыла. Все взрослые надели ушанки, все учителя, директор Владимир Петрович, потом — Оловянникова по русскому и литературе, художник Роберт Матвеевич Посядов, Григорий Максович — вышли на улицу в одинаковых шапках, но разных мастей и различной пушности. Как в театре — зима — это вата на сцене и действующие лица в мехах. Все высыпали поглядеть на первый снег.

Четвертый урок у нас — шахматы. Был в интернате такой предмет. Вел его Борис Викторович Валетов. Хотя ему больше подошла бы фамилия Слонов или Ферзев, по крайней мере Пешков! Но уж никак не Валетов, поскольку чего Борис Викторович на дух не переносил, это когда дети резались в карты.

Шахматы для Бориса Викторовича — все. Погруженный в глубокие думы, он постоянно обмозговывал либо острый вариант английского начала, либо целесообразность позиции К:3, или разрабатывал неочевидный план переброски ферзя из центра по вертикали к резиденции неприятельского короля.

Поистине чудовищным казалось Борису Викторовичу существование людей, которым неинтересно, что происходит в мире шахмат. Сам он по этому вопросу взахлеб читал всю выходящую в свет периодику.

У адыгейского народа есть такой обычай: когда человек уходит из жизни, у них принято два или три месяца носить ему на могилу еду. Если бы, не дай бог, это приключилось с Борисом Викторовичем, то адыгейцы не менее полугода носили б ему ежемесячник «Шахматы в СССР».

Но неверно думать, будто Борис Викторович так уж односторонне видел жизнь. Когда он был еще совсем неоперившимся юнцом, он имел иное страстное увлечение — шашки. Сколько было сомнений и тревог, сколько оглядок, метаний и опаски, когда в один прекрасный день он почувствовал, что смысл жизни не в шашках, а в шахматах.

Он очень переменился, легкий и лучезарный, он сделался сумрачен и несловоохотлив. Едва ли можно было считать его одушевленным существом, когда Борис Викторович часами неподвижно сидел, вперив взгляд свой куда-то в сторону или в пол.

— Я решил бросить шашки,— удрученно, прикрыв лицо рукой, сказал он жене, насмерть перепуганной случившейся в нем переменой.— Кто-то ведет меня, сметает с шашечной доски, нашептывает на ухо: «Борис, твое призванье — шахматы».

Жена заплакала, заподозрив, что заодно с шашками он бросит и семью. Однако Борис Викторович поступил благородно. Он сказал:

— Не плачь, жена. Семью не брошу. Но я не могу сейчас жить обычной жизнью!

И он прекратил выполнять три святые обязанности по дому: бегать в овощной за картошкой, пылесосить персидский ковер и выносить ведро в мусоропровод.

Теперь он счастлив, что остались позади годы колебаний и свершилось его духовное перерождение. Пусть он пока не мастер и пусть пока не кандидат в мастера, но он, как бы это сказать, шахматист-поэт!

Вот Борис Викторович входит в класс: дверь приоткрывается, вплывает — метр на метр — шахматная доска. На ней прицеплены картонные фигуры. Доска тянет за собой фигуру Валетова. Он крепко держится за шахматную доску, рука у него плоская, большая, с татуировкой: «Cogito ergo sum» — «Мыслю, следовательно, существую».

Он носит старомодный пиджак в талию с чуть расходящимися полами, матерчатые ботинки — все это лоснилось и было довольно затертым. Только ушанка — новехонькая, «соль с перцем», великолепно смотрится на его бурлящей шахматными комбинациями голове.

Она до того ему к лицу, что Борис Викторович Валетов не снимает ее, войдя в класс, как это водится у джентльменов, не обнажает свою «соль без перца» седую, с залысинами макушку, и — с ходу! — пускается объяснять благородный риск и накал английского начала... Народ попробовал «начало» разыграть. Валетов, тонко различая оттенки нерадивости, наставил двоек с минусом и колов с плюсом...

А вечером в спальне пошли разговоры. Про шапки. Где и почем их, такие, раздобывают.

— Может быть, в кастелянной? — спрашивает Женька.

— Ну да! — говорит Шура.— Я б тогда тоже не прочь.

— И шубу бы! — говорит Женька.— А то мое пальтишко, оно, конечно, по мне обмялось, но нет в нем, конечно, шика.

— Да я спросила,— заявляет Шура.— Борис, говорю, Викторович, где ушанку брали?

— А он?

— «Бу-бу-бу-бу», что-то невразумительное. Типа того, где брал,— там нету. А я: ну где? А он — бац! — между нами шахматную доску и, не ответив, удалился.

Странно, подумала Женька, чокнутая насчет злодейств, чего это он темнит? Не банда ли спекулянтов орудует у нее под носом? Не связаны ли спекулянты с сетью разбросанных по миру браконьеров? Из чего шапки? Канадский волк? Бразильский тушкан? Камышовый кот? Вдруг это звери, исчезающие с лица Земли?..

Бессловесное появление Проракова прервало разговоры о шапках.

Так кончился день, в котором выпал первый снег. А снега к ночи и след простыл. Стаял.

Глава 6. Кто слимонил ушанку?

У Вити Паничкина пропала шапка.

В жуткое впал он отчаяние, душераздирающую тоску.

Он рвал на себе волосы, охал, отдувался, всех и каждого подозревал, в общем, вел себя очень неприлично.

— Что за столпотворение в такую рань? — поинтересовался Владимир Петрович.

Витя пал ему на грудь и чуть ли не заплакал, как дитя.

Шапку Витину, видимо, похитили, думал Владимир Петрович, гладя трудовика Паничкина по голове. Факт сам по себе вопиющий. А такие шапки у всех учителей. Да и у Владимира Петровича тоже есть подобная шапка. Возьмись хапун за дело капитально, большой сплоченный коллектив очутится без головного убора.

За исключением Валетова. Он свою шапку даже в столовой норовил не снять.

Созвали экстренную педлетучку.

Витя повел себя вспыльчиво, взбудораженно и агрессивно.

— Жулики! — кричал он.— Я всегда знал! ОНИ должны что-то украсть! У меня!..

В кабинете у Паничкина висел плакат: «Плохая работа — хуже воровства». Теперь он и сам был не уверен, так ли это.

Слово предоставили Григорию Максовичу. Он сказал:

— Спокойствие! Мы отыщем и вора, и шапку! Меня взволновала другая сторона вопроса. Философ Сенека говорил: часто учат обману тем, что обмана боятся. Взять могли у любого из нас, а украли у Паничкина. Не сам ли он тому причиной?

— По-вашему, кто своровал и кого обворовали,— молвила Оловянникова,— одного поля ягода?

— Мне кажется, да,— сказал Григорий Максович.— Мне кажется, ВСЁ зависит от ВСЕГО.

И Григорий Максович рассказал, как Рене Декарт плыл на небольшом судне по Дунаю и читал книжку. Слышит: матросы — они ведь не знали, что он понимает по-немецки,— собрались его убить. Не потеряв самообладания, он осмотрел свое оружие, убедился в его исправности и ПРИНЯЛ ТАКОЙ ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ВИД, что никто не посмел на него напасть.

Так иносказательно Григорий Максович дал понять, что Декарт и Сенека вправе гордиться своим образом мыслей и действий в отличие от трудовика Паничкина, который шагает по призрачному пути недоверия, затюкивания и проедания плеши.

Какой же Григорий Максович, думал ночвос Проракое, малоприятный на вид, какое у него лицо «не наше»...

Потерепевший Паничкин вспыхнул, раздул крылья носа, и, не сдерживая чувств, сказал:

— Узнаю, кто взял, разорву как рыбу.

За окном кабинета директора в овраге остановился грузовик. Из кузова выскочил народ в кожаных тужурках. Они расстелили брезент, а на брезенте раскинули что-то вроде серебряной шкуры доисторического животного.

— Я имею сообщение,— сказал Борис Викторович Валетов.— Моя шапка на днях интересовала ученицу седьмого «В» Конопихину.

К первому грузовику подъехал второй. Оттуда стали выгружать баллоны. Зеленая гора баллонов лежала на снегу, от них толстый шланг потянулся к серебряной шкуре, когда в кабинет директора явилась Шура и — прямо с порога — принялась икать.

— Хорош икать! — крикнул Паничкин.— Ты шапку украла или кто?

Шуре дали воды.

Там в овраге от чехла освободили корзину. Ярко-желтую с красной полосой. Вроде таких, на которых когда-то летали на воздушном шаре.

Шура выдула два стакана и знаком показала, что выпьет третий.

— Это ей как мертвому припарки,— сказал Паничкин.

— Ее надо испугать,— предложил Прораков.— Верное средство. Ото всего.

— Нормальный ход,— вскользь заметил Григорий Максович.— Перестанет икать и начнет заикаться.

В овраге там и тут мешки валялись, неизвестно чем набитые. На мешках аршинными буквами: «L'ESPACE PARIS» — «КОСМОС. ПАРИЖ».

Один человек, он у них за главного, в черном летчицком шлеме, махнул рукой, и серебряная шкура начала оживать и подниматься. Толпа народа, в том числе очень крепкие женщины и паратройка старух, удерживала ее за корабельные тросы.

— Граждане-товарищи! — обомлел Владимир Петрович.— Это же... воздушный шар!..

Шар вздувался, вздувался, на боку его обозначилась красная звезда. И педлетучка увидела, что шар не шар, а вытянутой формы аэростат.

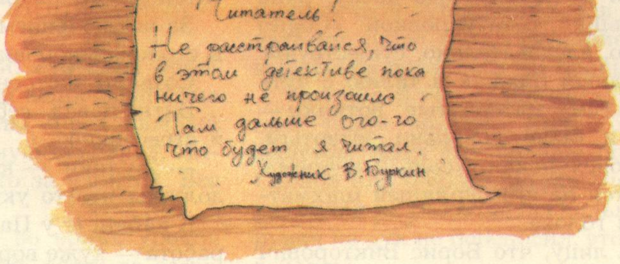
Сильно недодутый, он уже был размером с индийского слона.

Вдруг какая-то заминка, дырка в оболочке или что... Главный забегал, случился переполох, аэростат на всех парах сдули, крепкие женщины и старухи помогали ему сдуваться, наваливаясь на аэростат телами. Педлетучка ахнуть не успела, как баллоны, корзину, сундуки, тросы, крючья, резиновый шланг и балластные мешки распихали по машинам, аэрокомпания мигом рассосалась, и это видение за окном, немое кино, окончилось. Одни от аэростата следы на снегу.

В отличие от шапки, которая исчезла бесследно.

— Кто слимонил мою ушанку? — бормотал Витя Паничкин.— Я всю жизнь в стесненном положении. О такой, как она, я и не мечтал. А тут случай подвернулся. Куплю, думаю, однова живем... Нашли у кого слимонить! — вдруг вскричал он.— У человека, КОТОРЫЙ...— Витя сделал передышку. Распространенные предложения с трудом давались трудовику даже в минуты наивысшего духовного подъема.— Весь ум отдал, чтобы заразить детей...— он поднялся,— ...своею любовью к труду!

В тот час Витя Паничкин, утративший самое дорогое, что у него было, меховую ушанку, безудержно горюющий о ней, обрел подлинное величие Акакия Акакиевича Башмачкина, героя повести Гоголя «Шинель».

НАБОЛЕЛО

В буфет за несвежим бутербродом

Сегодня у нас семь уроков. А я, обычно такая запасливая, забыла взять бутерброд. Предчувствую, что после второго урока у меня проснется волчий аппетит. Как раз перед контрольной по алгебре. Что делать? Выход один — идти в буфет.

Там я бываю нечасто. Когда прохожу мимо, стараюсь поскорее миновать дверь, из-за которой несет несвежими продуктами. При входе в буфет тебя встречает ведро с объедками. Ты постоянно должен смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться на корке или огрызке яблока. Раскрашенные стены находятся в резком контрасте с полом. Совершенно невозможно понять: мыли его сегодня или нет?

Ассортимент буфета такой: чай или компот в мутных стаканах, позавчерашний кусочек хлеба с вареной колбасой, иногда коржики, очень редко — соки.

То, что вилки у нас в буфете кривые, а ножей нет и в помине, чтобы дети друг друга не перерезали,— это еще пережить можно. Но когда три-четыре класса душатся и толкаются в тесной комнатушке, чтобы получить свой несчастный бутерброд и запить его стаканом остывшего чая,— это уже выдержать сложнее.

Кое-кто из ребят уверен, что буфетчики просто воруют продукты. Но от директора школы я узнала — воровать нечего. Все эти невкусные супы и вторые блюда привозят нам уже готовыми из учреждения под названием «Трест столовых». Значит, все вопросы к тресту? «Руководство сетью трестов централизовано,— объяснила мне, вздохнув, наш директор Любовь Мироновна,— всю систему надо перестраивать сверху».

Я задала наивный вопрос: «Можно ли наладить продажу бутербродов в целлофановой обертке, как было на фестивале молодежи и студентов? А соков — в картонных упаковках?»

«Мы бьемся над этой проблемой с позапрошлого года,— сказала директор. И стала фантазировать, как можно оборудовать буфет, вплоть до устройства «шведских столов».

А пока есть факты: старая школа, рассчитанная на четыреста пятьдесят человек, в которой учится восемьсот пятьдесят, в буфете теснота, грязь, нет своей кухни.

Так, может, привлечь арендаторов или даже кооператоров? Пусть готовят именно для нашей школы обеды и завтраки!

Сегодня же я иду в наш старый школьный буфет за малоаппетитным бутербродом, потому что иного выхода у меня нет.

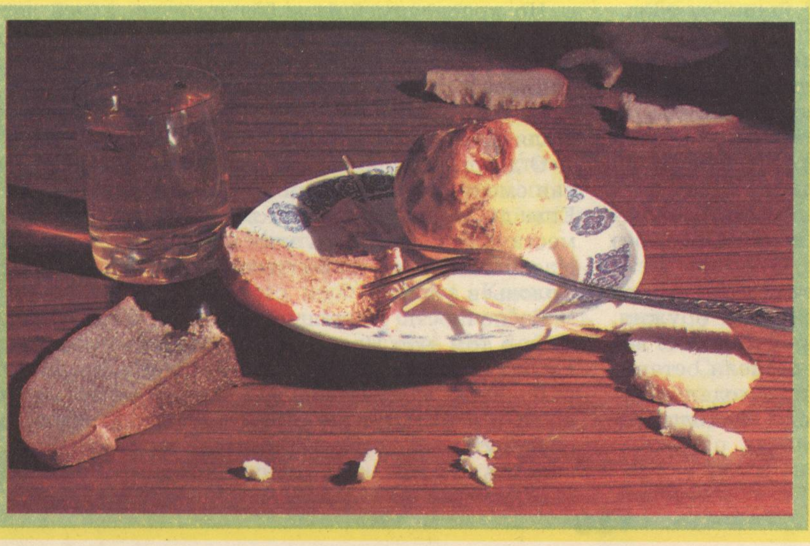
Катя РЫБАС,
г. Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Кто доволен своим школьным буфетом? Кого в нем кормят вкусно, быстро, в чистоте и уюте? Ты доволен? Тогда вырежи красный квадрат, **НАКЛЕЙ ЕГО НА ОТКРЫТКУ** и пришли нам.

У кого в школе буфет плохой? Грязь, несвежие бутерброды, холодный чай? У тебя? Вырежи синий квадрат, **НАПИШИ НА НЕМ НОМЕР ШКОЛЫ И ТВОЙ ГОРОД (ПОСЕЛОК, ДЕРЕВНЮ), НАКЛЕЙ ЕГО НА ОТКРЫТКУ** и пришли нам.

Все синие квадраты с адресами плохих буфетов мы передадим в Главное управление развития материально-технической и социальной базы Госкомитета СССР по народному образованию. Пусть думают, что делать.

Фотография А. КРУПНИКОВА.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

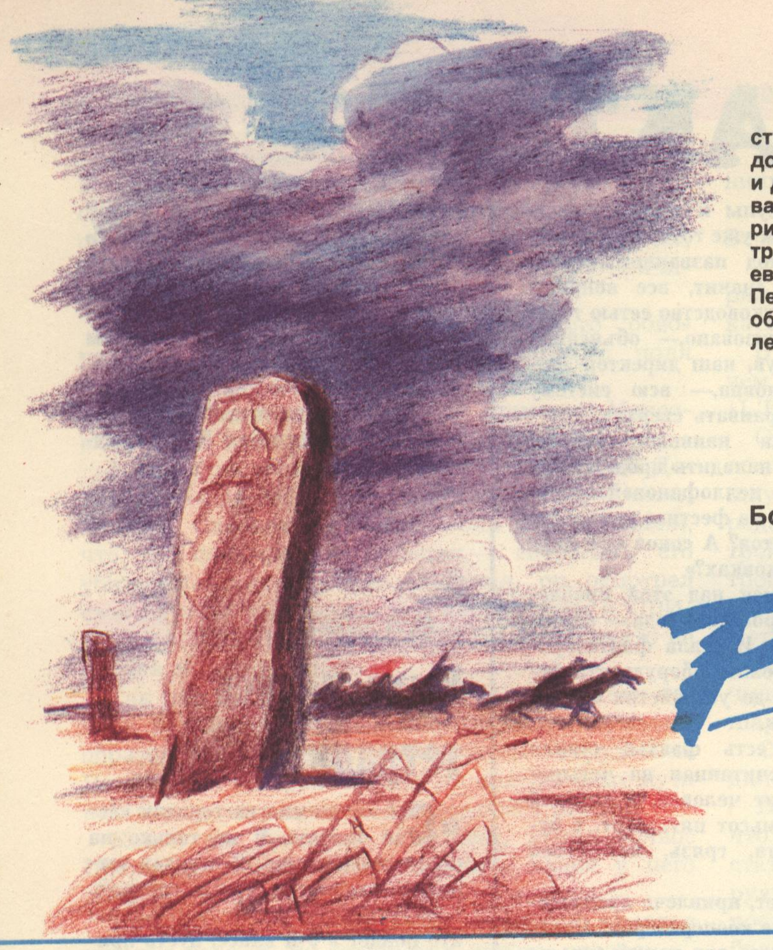
Куда делись тетради?

«Сейчас во многих городах ввели талоны, и не только на продукты питания. В школах тетради выдаются по спискам. Классный руководитель объявил: кто пойдет в 9-й класс, пусть принесет 1 рубль, и в начале следующего учебного года нам выдадут 25 тетрадей в клетку и 25 тетрадей в линейку. И это на целый учебный год? Смех, да и только. Очень мне интересно, куда делись эти самые тетради, ведь макулатуру мы сдаем каждый год, норму выполняем. Говорят, нет древесины. Знаете, что я вам скажу. У нас школа почти на берегу реки стоит. Я как пошла в первый класс — сразу увидела: огромные горы бревен на берегу лежат. И по сей день они все там же. И дно реки тоже в бревнах, купаться нельзя, можно ноги переломать. Так кто говорит, что нет древесины?»

Наташа Б.,
Ярославская область.

Министерство торговли СССР сообщает:

Ежегодно в стране производится почти 5 млрд. тетрадей. В прошлом году промышленность недодала 70 миллионов. Кроме того, резко увеличился спрос на эту продукцию, возник покупательский ажиотаж. Люди брали тетрадей не столько, сколько нужно, а сколько могли унести. В связи с этим и было принято решение распределять тетради по школам. В будущем году планируется увеличить выпуск тетрадей, поэтому есть надежда, что в ближайшем будущем ситуация изменится в лучшую сторону.

Аркадий Голиков приезжает с фронта в Москву поступать в Академию Генерального штаба. Однако молодого командира просят повременить с поступлением и дают ему новое боевое задание — найти и ликвидировать банду Ивана Соловьева, бесчинствующую в Сибири. На месте Голиков понимает, с каким сильным и хитрым врагом ему предстоит сразиться — не раз Соловьев ведет Голикова по ложному следу. Но вот Аркадию Петровичу удается перехитрить Соловьева. Спасен обоз с мукой для голодающих, банда частично разгромлена. Однако сам главарь пока неуловим.

Борис КАМОВ

Рывок в неведомое

ПОВЕСТЬ*

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В батальоне Голикова появилась разведчица. Звали ее Настя. Ей было шестнадцать лет. Хакаска по национальности, охотница по роду своих занятий, Настя свободно ориентировалась и в сопках, и в тайге. Вот почему именно ей удалось узнать: на одной из высоких сопок расположен штаб Ивана Соловьева. Об этом своем открытии Настя сообщила Голикову.

По условиям конспирации Насте пришлось вернуться домой, в деревню Теплая речка. Вскоре при загадочных обстоятельствах она была схвачена бандитами и убита.

Несмотря на то, что Настя на допросе могла сообщить о готовящейся операции, Голиков принял решение брать штурмом штаб Соловьева.

Последний бой

Коней оставили в лесу. Аркадий Петрович шел с головным отрядом. Следом двигался резерв под командой Шаркова. Слева и справа начинали подъем два других отряда, но прямой связи с ними не было. Имелся только приблизительный расчет времени, когда они все должны были оказаться наверху. Для фланговых отрядов восхождение было более сложным. Они подымались без проверенных дорог и тропинок.

Неожиданности начались почти сразу. Из-за крутого подъема не брали ничего, кроме оружия, гранат, патронов, нескольких сухарей и фляг с водой. Чтобы легче было двигаться, шинели оставили внизу. А в горах ночью резко похолодало. Начался сильный ветер. Пока люди находились в движении, было тепло. Как только останавливались, начинали мерзнуть.

Даже Голикову, который круглый год обливался холодной водой, казалось, что ледяной ветер продувает его насквозь, унося из-под кителя остатки тепла.

Головной отряд медленно подымался по горной тропе. Она петляла, приспускалась между валунов и опять шла наверх. Где-то слева и справа подымались еще два отряда, но сомкнуться они все могли только у вершины — если им суждено было благополучно подняться до верха.

Небо на востоке чуть прояснилось. Голиков встревожился. Светать начинало раньше, чем ему было нужно.

— Быстрей, товарищи, быстрей,— подбадривал он бойцов шепотом.

Но красноармейцы и без того двигались достаточно энергично, и все-таки пришлось остановиться. Голиков послал вперед разведчиков. Они сняли дозор.

— Их там было двое. Они спали,— доложил Коля Ткаченко.

О дозоре Голикова предупредила Настя, нарисовав смешного человечка на своем неумелом плане. Еще двух человечков Настя нарисовала в других местах, но разведчики этих постов не нашли. Либо Настя ошиблась, либо часовых за ненадобностью Соловьев убрал.

Беспечность уснувших часовых свидетельствовала о том, что Настя на допросе ничего не сказала. Это был привет от нее. Последний.

Голиков почувствовал благодарность и нежность к ней. И тут же себя одернул: «Астанаев мог подсунуть тебе этих двоих. Мог даже нарочно их напоить, чтобы ты подумал: дорога открыта.

* Журнальный вариант.

А встреча ждет тебя наверху».

Это не значило, что он усомнился в стойкости Насти. Просто он помнил: пока не закончился штурм, нельзя расслабляться.

Посветлело еще сильней. С минуты на минуту могло выглянуть солнце, а до вершины оставалось метров двести, почти не прикрытых растительностью и тьмой. Одни валуны.

В этот момент их на самом деле приметили: из старой, засохшей лиственницы, которая росла на краю террасы, где расположился соловьевский лагерь (об этой лиственнице тоже предупреждала Настя), ударил винтовочный выстрел. Он гулко и неторопливо раскатился по горам.

Отряд замер. Голиков спрятался за валуны. Ведь выстрел мог быть и случайным. Допустим, кого-то угораздило прийти сюда поохотиться. Однако опять ударило, и еще трижды раскатисто ахнуло наверху.

Отряд обнаружили. Дорога́ была каждая секунда. Голиков крикнул: «Бегом!» — и выскочил из-за камня сам.

Бойцы сорвались с места, полезли, поползли; кто сумел, действительно побежал наверх, чтобы успеть, пока стреляет один, забраться как можно выше. Из-под ног бойцов сыпались камни. Увесистый обломок, катясь, сильно ударил Голикова по бедру, но Аркадий Петрович не ощутил боли. Он был поглощен лишь тем, чтобы одолеть, пока наверху разберутся, что к чему, хотя бы еще сто метров.

Но отряд не успел. Сверху начали бить из двух-трех десятков винтовок. Голиков опасался, что через минуту-другую подтащат пулемет. И Аркадий Петрович закричал: «Вперед!» — и стал еще яростнее карабкаться, не открывая ответного огня. Прицельный огонь с такого расстояния был невозможен. И он берег патроны, запас которых у батальона был невелик.

Но Голиков подметил, что начинают нервничать и бойцы, потому что всегда легче, если на огонь можно ответить. Вынув из расстегнутой кобуры свой маленький маузер, Аркадий Петрович выстрелил — это было сигналом. Словно обрадовавшись, со всех сторон заухали винтовки.

Но пошел участок, усеянный валунами. И продвижение замедлилось. Каждый боец, прежде чем сделать шаг, выбирал, куда перебежать, за каким камнем спрятаться.

Двигаясь чуть позади всей цепи, Голиков следил за пестрой картиной начавшегося боя, делая время от времени короткие перебежки сам, если только лихорадочное карабканье по склону можно было бы назвать перебежкой.

Метрах в восьмидесяти от террасы бойцы залегли. Подъем тут сделался еще более крутым. А стрельба сверху — прицельной и плотной. Пули свистели, впивались в камень, осыпали плечи и лица бойцов мелким крошевом, колкой, царапающей пылью. Если бы одолеть эту крутизну, дальше было бы легче. Там гора становилась положе и рос кустарник. От пуль он, конечно, прикрывал плохо, но мог облегчить восхождение.

Однако до кустарника нужно было одолеть метров тридцать открытого пространства. Крикнув: «За мной!» — Голиков попытался было пробежать эти метры. За ним поднялись десятка два бойцов, но бандиты пустили сверху катышком несколько гранат. Рванув, они подняли столбы пыли и каменных осколков.

— За камни! За камни! — приказал Голиков.

Замелькали бинты: появились первые раненые. Осколок то ли гранаты, то ли гранита разодрал Аркадию Петровичу рукав и расцарапал плечо.

Все, вместе взятое, означало: штурм захлебнулся. Прежде всего было плохо рассчитано время.

И теперь он, Голиков, лежал в нескольких десятках метров от вершины, не смея двинуться ни вверх, ни вниз. И если бы он сейчас дал команду отступить, то народу полегло бы не меньше, чем от броска вперед.

Отряд оказался в ловушке. Спасти его могли только фланговые группы, но они не давали о себе знать, точно провалились.

На самый худой конец оставался резерв — отряд Шаркова, который можно было бы послать в обход. Но, во-первых, для удара по двум флангам он был малочислен, кроме того, он мог застрять, как два других. Наконец, для любых маневров требовалось время. А его не было. Между тем у банды появилась полная возможность неторопливо выводить из строя бойцов.

План операции, согласованный с Ужуром и командирами боерайона, рассчитанный на внезапность и в немалой степени на простое везение, оказался с бо́льшим количеством изъянов, чем предполагалось.

С вершины закричали:

— Ага, попались! И сам Голик вроде здесь... А где Пашка? Пашка Никитин где? Его Астанайка хотит видеть!

Но тут низкий начальственный голос цыкнул:

— Заткнитесь! — И потом:— Эй, вы там, внизу, не стреляйте!

Рядом с лиственницей выросла фигура человека. Он держал в руке белый платок:

— Иван Николаевич Соловьев обращается к вам, гражданин Голиков, и к вам, гражданин Никитин, с предложением. Иван Николаевич предлагает вам всем почетный плен. Кто пожелает, смож[illegible] поступить к нам на службу. Но всем будет сохранена жизнь. Никто не будет обижен.

Такого унижения Голиков еще никогда не испытывал. Он не слушал, что дальше кричал этот голос. Он поймал только последнюю фразу: «На раздумье — пять минут!» И крикнул:

— Не стрелять!

Фланговые отряды по-прежнему не подавали о себе вестей.

Пять минут, полученные на раздумье, означали передышку и отсрочку.

Сверху тоже не стреляли. Аркадию Петровичу показалось, что в лагере возникло оживление, доносились неразборчивые выкрики. Затем стало тихо. И вдруг над горами раскатился сильный добродушный баритон:

— Аркаш, ты, что ль, здесь снова?

Это был Соловьев. Парламентер с платком исчез, но Соловьев на его место не встал. Он, видимо, прятался за лиственницей.

Разговаривать с «императором тайги» Аркадий Петрович не хотел, но и молчание могло быть истолковано в невыгодную для него сторону.

— Да, это я.

— Ну, коли пожаловал, не поленился, то милости прошу в гости. Всех накормим и обогреем. «Смирновская» для сугрева, которую я тебе обещал, у меня и тут найдется. Только винтовочки оставьте внизу.

— Спасибо,— ответил Голиков,— за приглашение, только на службе мы не пьем. И винтовки бросить не можем — казенное имущество.

— Но дурака-то валять тебе тоже не положено! — рассердился Соловьев.— Куда ты отсюдова

денешься? Ежели я сейчас кликну охотничков, они твоих всех уложат рядком. И тебя в первую очередь. Но я не душегуб. Я не желаю, чтобы про меня говорили: «Ванька Соловьев убил малое дите!» Ты же мне в сыновья годишься... Хочешь, подымайся ко мне один. Давай погутарим. Честное казацкое, что волос не упадет с твоей головы.

Бойцы, сколько их видел Аркадий Петрович, разом повернули головы в его сторону. А Пашка Никитин за своим валуном просто сел: все зависело теперь от Голикова.

Первым желанием Аркадия Петровича было вскочить и крикнуть: «За мной!» — но он остановил себя, потому что его бы уложили на месте и отряд в этой унизительной и беспомощной ситуации остался бы без командира.

Решения Голикова ждали бойцы. Ждали и наверху, возле лиственницы. Молчание дарило Аркадию Петровичу выигрыш во времени, но ставило в двусмысленное положение. Не отвечая «Нет!», он давал основание думать, что размышляет над сделанными ему предложениями: сдаться либо начать переговоры. Голиков ощущал на себе настороженные, неприязненные и даже враждебные взгляды бойцов, которые, выходит, допускали, что командир способен принять одно из условий Соловьева.

— Аркаша, я жду! — раздался сверху нетерпеливый и теперь уже раздраженный голос.— Али тебе нужно получить сначала письмо от своего начальника? — насмешливо добавил Соловьев.— Тогда поимей в виду: пока ты молчал, я отправил двоих парнишек с пулеметами вниз. Они встретят тебя там, коли ты захочешь вернуться домой.

Если это в самом деле было так, то ловушка захлопнулась.

«Нет,— подумал Голиков,— он еще не успел это сделать. И если отправит пулеметчиков вниз, то им понадобится не меньше двадцати минут».

Но пауза слишком затягивалась. Дальнейшее молчание могло быть расценено как готовность согласиться. И Голиков, никак не называя Соловьева, громко выкрикнул:

— Разговора не будет!

И выстрелил из маузера. Это означало, что переговоры закончены. Немногословная и унизительная беседа с Соловьевым помогла выиграть несколько минут.

Сверху ударил залп и залился пулемет. Возможно, один из тех, которые Соловьев собирался отправить вниз. Красноармейцы ответили. Тогда с террасы покатились гранаты. Бойцы вжались в камни. Аркадию Петровичу стало ясно, что поднять людей на штурм террасы он просто не сможет. Тяжелое положение превратилось в безвыходное.

Но тут выстрелы донеслись слева и почти одновременно справа. Видимо, «горные партизаны» поначалу не придали этому значения. Упоенные тем, что отряд Голикова сам себя посадил в силок и теперь беспомощен, они решили выполнить угрозу Соловьева... Но огонь на флангах усилился.

Голиков вскочил, обежал валун, за которым лежал, и начал карабкаться вверх, но раздробленный взрывом гранит осыпался у него под ногой. Аркадий Петрович упал и начал сползать вниз. Рядом невесть как очутился верный Коля Ткаченко. Он подставил ногу. Аркадий Петрович уперся в нее своей ступней. Скольжение прекратилось. Тем временем бойцы продолжали карабкаться, приближаясь к террасе.

Обход с флангов Соловьев прозевал. У «императора тайги» при несомненном военном даровании и незаурядном уме была какая-то странная беспечность. Причину этой странности Аркадию Петровичу предстояло уяснить позже. А пока было очевидно, что головной отряд «император тайги» принял за все наличные силы наступающих.

Голиков полз, цепляясь, подтягивался; где удавалось, он делал два-три шага бегом, зная и видя: бойцы тоже делают все возможное, чтобы достичь террасы.

И они добежали до кустарника. Открытое со всех сторон пространство тут кончалось. Но к этому моменту наверху навели порядок. Опять дружно забили винтовки. Застучал ручной пулемет. И цепь наступавших залегла.

Дуэль

Голиков поднял лицо, чтобы взглянуть, далеко ли до вершины. И увидел, что до террасы оставалось еще метров пятьдесят и что прямо над его головой та самая лиственница, о которой предупреждала Настя. А неподалеку от лиственницы, за камнем, Аркадий Петрович разглядел человека, который стрелял из длинноствольного маузера. Голиков приложил к глазам бинокль. В то короткое мгновение, когда человек высунулся из-за камня, сделал выстрел и спрятался снова, Голиков разглядел новую папаху из черного каракуля, офицерский френч без погон с расстегнутой верхней пуговицей. И лицо — худощавое, с казацкими усами, которые обрамляли рот. Человек не был похож на рядового «горного партизана».

Несколько дней назад Ужур прислал с нарочным не очень-то удачную любительскую фотографию. На ней были сняты довольно странного вида мужики. Кто в штатском, кто в полувоенном, все без оружия. Но позы, в которых они сидели, говорили за то, что они стесняются фотографа. Среди них абсолютной естественностью отличался только один, помеченный на снимке цифрой «3». Он был узкоплеч, но ощущалось — крепок и жилист. На самые брови надвинута папаха. Лицо худое, усы удлиненные казацкие, а глаза полны страдания...

«Соловьев!» — ожгло Голикова.

Там, за камнем, вел огонь из маузера сам «император тайги». И сразу весь бой для Голикова ограничился узким пространством, которое отделяло кустарник от того камня.

Еще две недели назад Голиков обрадовался бы этой мимолетной встрече. Ему было бы просто любопытно увидеть лицо человека, который два с половиной года держал в напряжении громадную губернию; человека, с которым он, Голиков, уже несколько месяцев состязался в невыносимо трудной игре. Для каждого из них в любой час она могла закончиться смертью.

Но за минувшие дни между батальоном Голикова и «белым горно-партизанским отрядом» лег труп Насти. И то, что Голиков сейчас наконец увидел Соловьева, обрадовало его лишь потому, что он для себя решил: чего бы это ни стоило, он не выпустит Соловьева из-за камня живым.

Теперь вся надежда была на верность глаза, твердость руки и безотказность маузера. С зимы восемнадцатого, за четыре с лишним года, пистолет не раз выручал его в самых гибельных ситуациях. Вот почему Голиков с ним до сих пор не расстался, хотя пистолет давно пообтерся, затвор ходил свободней, чем положено, и уже дважды

приходилось менять слабевшую возвратную пружину. Но никогда еще безотказность маузера и точность его боя не были нужны так, как теперь.

Голикова передернуло. Не от страха, не от холода — прошел нервный озноб.

Голиков чуть отполз в сторону. Заросли тут были реже, но из земли выступал обломок скалы, за которым можно было надежно укрыться.

Когда Голиков переползал, Соловьев выстрелил. Аркадию Петровичу показалось, что Соловьев узнал его тоже. Или заметил блеск окуляров. И с этого мгновения «император тайги» уже не давал сделать ни одного движения. Стоило Голикову чуть высунуться из-за обломка,— две пули подряд влепились в гранит, срикошетили, осыпав лоб командира каменной колкой крошкой.

Аркадий Петрович опять на миг выглянул из-за укрытия, увидел часть лица, край папахи, выстрелил и спрятался. И снова две пули пронеслись рядом. Было очевидно, что Голиков промазал.

Аркадий Петрович лежал за камнем, лихорадочно обдумывая положение. Бойцы шли, бежали, карабкались, ползли. А он неподвижно распластался на земле. Любая попытка вскочить, выйти, выползти из-за этого случайно подвернувшегося укрытия могла для него закончиться плохо. Но объяснить это он никому не мог. Прежде всего потому, что никого рядом не было. Многомесячный поединок с «императором тайги» приблизился к своему логическому окончанию, к прямой дуэли, где один из двоих был обречен.

Почему-то вспомнился «Герой нашего времени» Лермонтова. Дуэль Печорина с Грушницким на краю обрыва. Насколько та дуэль, от которой при чтении замирало сердце, была проще этой.

У Голикова оставался выход. Он мог крикнуть: «У лиственницы — Соловьев!» Но что-то мешало ему это сделать. Так в детстве мальчишеская гордость не позволяла ему во время драки позвать на помощь или попросить пощады. Любопытно, что и Соловьев никого не звал на помощь тоже.

Позиция Соловьева была удобней. Сверху было лучше видно. От подножия лиственницы ничего не стоило пустить катышком гранату. (А снизу гранату было не докинуть. Не говоря о том, что для простой попытки понадобилось бы встать в полный рост.) Кроме того, Соловьев мог в любую минуту отползти от края террасы и положить конец дуэли. Ни одним из этих вариантов «император тайги» не воспользовался.

Но поединок затягивался. У Голикова возникло опасение, что бойцы подумают, будто он просто прячется за камнем на пороге главной бандитской базы. В самом деле, кому же охота умирать, если победа так близка?

Дуэль пора было кончать, а Соловьев затаился. Он, видимо, понял, что Голиков не может больше оставаться за камнем, что ему придется из-за него выползти или выйти. И Аркадий Петрович решил пустить в ход прием, который его выручил в девятнадцатом под Киевом.

Голиков лег на правый бок, надел на левый сапог свою папаху и стал медленно подымать ногу, пока верх папахи не замаячил над камнем. А сам в это время наблюдал, прижавшись к земле и чуть высунувшись с другой стороны обломка, что происходит на краю террасы.

Голиков увидел, что столь же осторожно выглянул из-за своего валуна Соловьев. В макушку папахи он не стрелял. Макушка могла быть пустой. Думая, что Голиков его не видит, «император тайги» приподнялся, вытянул руку с маузером, чтобы нажать спуск, когда папаха высунется хотя бы еще на полвершка.

Аркадий Петрович шевельнул ногой с шапкой. Соловьев напрягся, как напрягается кошка, готовясь к прыжку. Голиков увидел его грудь в прорези прицела и мягко надавил спуск. Соловьев дернулся, а затем ткнулся лицом в землю.

Опустив затекшую ногу с надетой на нее папахой, Голиков тоже ткнулся щекой в землю — от полного бессилия. Если бы кто-нибудь пробежал мимо, то принял бы Голикова за убитого — настолько расслабленной была его поза.

Сначала в душе и голове было пусто, ни проблеска чувств или мыслей. А затем откуда-то из глубины мозга всплыла единственная фраза: «С Соловьевым покончено!»

Этого еще никто не знал. Ни Ужур, ни Красноярск, ни Москва. Не знал Пашка, не знали бойцы. Не знал верный Коля Ткаченко. Знал только он один. К концу дня новость станет известна всей губернии. «Красноярский рабочий» напечатает сообщение на первой странице: «Комбат А. Голиков, применив военную хитрость, метким выстрелом обезвредил И. Соловьева».

Но порадоваться не было сил. Голиков сел за камнем — в ту же минуту по граниту полоснула пулеметная очередь. Штаб еще не был взят. И Голиков словно очнулся от сна: продолжался бой, а военное счастье переменчиво. И отдал последнюю команду, которая была услышана: «Гранаты к бою!» Дальше все смешалось.

Разочарование

Голиков помнил, что Коля Ткаченко, подобравшись к подножию лиственницы, бросил гранату. Когда она разорвалась,— вторую, и пулемет замолчал. Наступающие оторвались от земли.

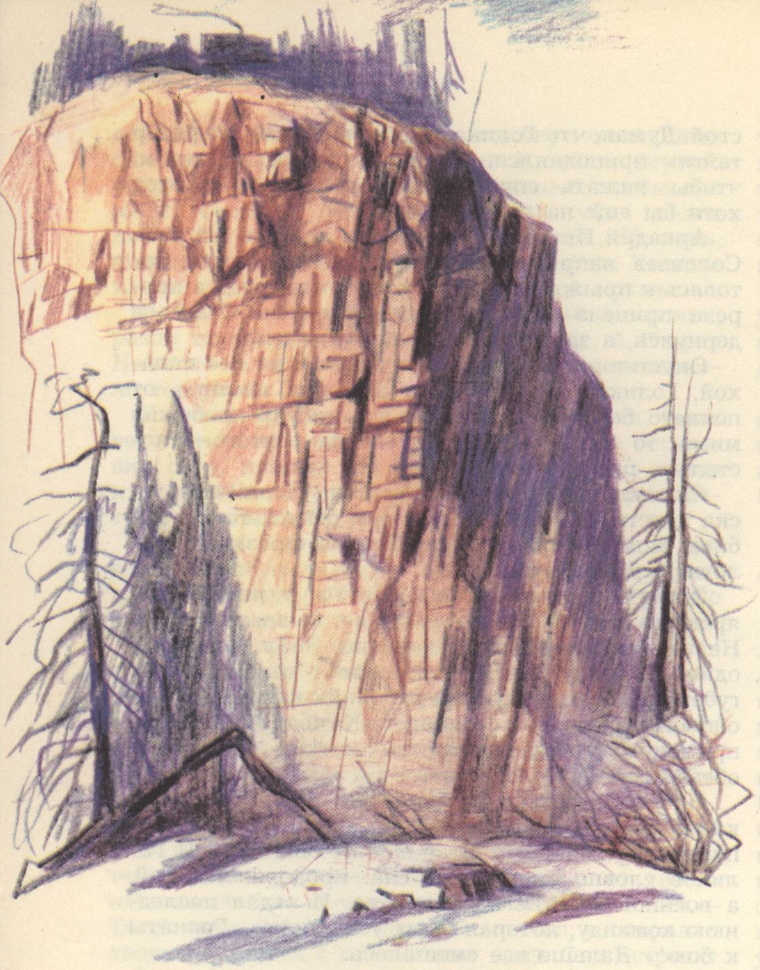
Где-то в центре лагеря раздалось «ура!». Кто кричал «ура!», было непонятно. Но, судя по тому, что несколько соловьевцев, которые продолжали стрелять, лежа на краю террасы, вскочили и побежали, стреляли наши.

Карабкаясь к подножию лиственницы, Голиков наткнулся на убитого красноармейца. Это был Горбунов, боец из недавнего пополнения. Ему было двадцать два года. Он лежал на спине. Грудь его от левого края до правого была прошита очередью.

Потом Голиков уже сам стоял на краю террасы. Справа от него был ствол гигантской лиственницы с дуплом, а у ног, свесив голову с края террасы, недвижно лежал Соловьев. Правая вытянутая рука его слегка разжалась, но указательный палец продолжал обнимать спусковой крючок.

У Голикова на секунду возникло подозрение, что Соловьев по привычке к хитростям и обману только притворился мертвым, а на самом деле он сейчас рывком перевернется на спину, подхватит маузер и с хохотом выстрелит в упор. И Голиков направил свой перезаряженный пистолет в плечо Соловьева, готовый нажать на спуск, если только «император тайги» шевельнет пальцем. Но Соловьев продолжал лежать неподвижно.

Чтобы окончательно убедиться, что «император тайги» мертв, нужно было его перевернуть. Но Голиков по-детски суеверно боялся мертвых. Это был даже не страх, а неприязнь живого к неживому, нелепое, подсознательное опасение, будто, при-

коснувшись к мертвому, он чем-то загрязнится от него. И эта робость при виде кого-то настигшей смерти не ушла из Голикова. Смерть не стала для него обыденностью.

И в Аркадии Петровиче все противилось тому, чтобы прикоснуться к убитому Соловьеву. А звать кого-либо, чтобы его перевернули, Аркадий Петрович постеснялся. Он переложил свой пистолет в левую руку, наклонился, вынул из ладони убитого длинноствольный маузер, совершенно, кстати, новый, засунул его себе за ремень, а после этого, взяв «императора тайги» за правое предплечье, рывком перевернул его на спину.

Убитому было от силы лет двадцать восемь. Вблизи тщательно выбритое лицо с темными, старательно подстриженными усами было простовато. Жизнь, только что покинувшая его, не оставила на лице следов ни сильных переживаний, ни глубоких раздумий. Правда, полуприкрытые глаза и опущенные углы рта придавали мертвому выражение обиды, словно ему обещали что-то совсем иное, гораздо лучшее, нежели смерть,— и обманули.

Соловьев, сверстник Аграфены, который прошел мировую, колчаковщину, а теперь вел свою, третью войну, таким молодым быть не мог. Это был двойник.

В аналитических обзорах разведотдела штабгубчона уже выдвигалось предположение, что «в целях подтверждения легенды о своей сверхъестественной вездесущности, способной воздействовать на темное сознание отсталых слоев населения, атаман Соловьев использует двойников, обладающих портретным сходством».

Что перед ним двойник, Аркадий Петрович уже не сомневался. Убитый был тщательно побрит и пострижен, одет во все новое: новый френч, новые сапоги, новые галифе. При этом френч был явно тесноват, и лже-Соловьеву пришлось его расстегнуть у воротника. Появись этот лже-Соловьев в хакасском аале, никто бы не усомнился, чт перед ними «сам». А для Голикова было очевидно «император тайги» опять его перехитрил и подсу нул живой манекен.

Аркадий Петрович почувствовал себя не тольк разочарованным и обманутым. Он был осмея и унижен. Он вел дуэль, уверенный, что перед ни Иван Соловьев. И он был готов пожертвовать со бой, чтобы покончить с «императором тайги».

Настоящий Соловьев «подавал голос», предла гал вступить в переговоры, сдаться в плен, перей ти на его сторону. А когда «император тайги» по нял, что ему грозит окружение, подсунул это чуче ло, наряженное в тесный мундир.

«Для чего он мне подсунул двойника? — обо зленно подумал Голиков.— Да чтобы я решил, что он мертв и не искал настоящего «императора тайги».

И он закричал во всю мочь:

— Ищите Соловьева!.. Соловьева ищите!

На горе еще шел бой. Изрядное число людей засело в домах с окнами-бойницами. А Голико завелся. Теряя привычную сдержанность, он по клялся себе, что покончит сегодня с Соловьевым

Потом он помнил себя стоящим посреди соло вьевского лагеря. В руках у него была винтовка с примкнутым штыком. А на штыке трепыхался белый, неровно оторванный лоскут, которым он размахивал. А Коля Ткаченко кричал: «Всем га рантируем жизнь!» Откуда взялись винтовка и ло скут на штыке, Аркадий Петрович сказать не мог но помнил, что не решился послать кого-нибуд с этим флагом.

А Коля Ткаченко понадобился единственно по тому, что у Голикова что-то случилось с горлом, он не мог кричать и говорил только негромким, сип лым голосом.

Но стрельба прекратилась не сразу. Когда Ар кадий Петрович уже стоял посреди нагорья, раз махивая своим флагом, бандиты решили его, как они признались потом, «малость попужать». Они сделали несколько выстрелов из винтовок. Одна пуля сорвала папаху, другая попала во флаг. Го ликов ждал третьего. Размахивать винтовкой он перестал, но с места не двинулся. И обреченные люди, засевшие в домах, стрельбу прекратили. На верное, в отчаянности и стойкости есть нечто заво раживающее. Но скорей всего не убили его только потому, что смерть парламентера обозлила бы красноармейцев, а положение осажденных было незавидным.

Потом из раскрытых дверей обоих домов выхо дили люди. Без обрезов и винтовок они чувствова ли себя неуверенно. В их движениях были ро бость и виноватость, а волю к сопротивлению сло мила обреченность. Понурив головы, они стояли нестройной толпой, поеживаясь под взглядами красноармейцев. И трудно было поверить, что это они были главными исполнителями воли Со ловьева.

Самого «императора тайги» Голиков среди плен ных не увидел.

— Где Соловьев? — обратился он к нескольким пленным, которые стояли ближе к нему. Ответом было молчание.

— Я спрашиваю: где Соловьев? — В его сиплом голосе слышались досада и раздражение.

— Серчает... как бы того...— начали перешеп тываться пленные.

И высокий мужик в белой рубахе, белых домо тканых штанах сказал:

— Ивана Николаевича туточки нету.

— Где он?!

— Нужно полагать, далеко.

— А был он с вами?

— А как же,— ответил охотно мужик.— Ты же с ним, ваше благородие, беседу имел. И он гостевал с нами, пока ты не начал пулять со всех сторон.

Впервые от человека Соловьева Голиков услышал слова, в которых заключались горечь и скрытая ирония по отношению к Соловьеву.

— Сейчас он где? — Нервы Голикова были на пределе.

— Где — не скажу. А в какую сторону побежал, показать можно.

— Акимыч,— попытался его остановить один из пленных, средних лет хакас с бельмом на глазу.

— Да ладно,— огрызнулся мужик.— Сколько можно дрожать. Анператор вон сам удрал, а тебя, холуя, покинул. Айда, малец, покажу,— предложил он Голикову.

— Сапожков,— крикнул Аркадий Петрович,— присмотрите за пленными! Остальные — за мной!

— Кто ушел с Соловьевым? — спросил Голиков Акимыча.

— Известно кто: Астанайка, полковник Макаров, потом этот, адъютант Ивана Николаевича. Ну, и какие его охраняют. Иван Николаевич им золотыми пятерками кажинный месяц платил. Они за это отца родного могли в костер посадить.

И Акимыч привел Голикова с бойцами к тому краю горной террасы, о котором еще Настя предупреждала, что по нему невозможно взобраться наверх. Здесь росли две ели. Одна была старая, высокая, подгнивающая, которая вцепилась изогнутыми хищными корнями в каменистый грунт. Другая была моложе. Она без всяких усилий росла на граните.

Аркадий Петрович еще издали приметил, что к елям привязаны канаты. Оставив Акимыча, он рванулся вперед — канаты были обрублены. Дальше вниз, метров тридцать, шла совершенно отвесная скала. Видимо, Соловьев приказал, когда он спустится, канаты обрубить, чтобы за ним не последовали остальные.

— А другие веревки есть? — спросил Голиков Акимыча.

Должны быть.

В сарае нашлись две бухты пеньковой веревки. Вниз по отвесной скале спустился целый взвод. Но догнать «императора» не удалось. Внизу у Соловьева были припасены еще и кони.

* * *

Два дня под наблюдением начхоза Абрамовича с горы свозили трофеи: оружие, боеприпасы, продукты, обувь, кожи.

Возвратясь в Форпост, Голиков распорядился устроить праздничный обед, на который пошла часть трофейных припасов. Во время обеда Аркадий Петрович обошел все столы и каждую группу бойцов поблагодарил за отвагу и отличную службу.

Красноармейцы были тронуты, что командир посидел с ними и поблагодарил не на плацу, а вроде как по-семейному, по-домашнему. И все же успешный побег Соловьева подействовал на всех самым удручающим образом. Пока «император тайги» оставался на свободе, борьба с ним становилась нескончаемой.

Можно было говорить о том, что под ногами «императора тайги» горит земля, что за короткий срок он лишился двух главных баз, что люди, которые почему-либо оказались в стане Соловьева, стали по одному, по двое уходить из тайги. И время от времени в деревнях негромко, несмело начали играть свадьбы. Бедны были подарки, скудным было и угощение, но впервые за несколько лет стали возникать семьи. «Император тайги» терял свою жестокую и разрушительную власть.

И все равно после праздничного обеда в Форпо-

сте воцарилось уныние. Бойцы молча сидели по избам или на лавочках возле домов, занимаясь кто чем, а то и вовсе ничем.

Что означал побег Соловьева, Голиков понимал не хуже остальных. При этом ему было труднее всех. Он отдавал себе отчет в допущенных ошибках, которые пункт за пунктом перечислил в рапорте, отправленном в Ужур. Аркадий Петрович предпочел внезапность и риск более тщательной разведке. Он выиграл на том, что Соловьев его в это утро не ждал. И проиграл на том, что не послал ни одного человека в сторону отвесной скалы, не подумав, что она может оказаться пригодной для спуска. Вину за допущенные промахи Аркадий Петрович целиком взял на себя, ни словом не упрекнув в документе Никитина, как начальника разведки.

Переживания Голикова усиливались еще тем, что, готовя операцию, он в глубине души опасался, что Настя сказала во время допроса о том, что он, Голиков, готовит штурм. Лишь после того, как разведчики сняли беззаботно спавших часовых, Голиков убедился, что Настя под пытками не сказала ничего. И теперь ему было стыдно перед девчонкой, что он усомнился в ее стойкости.

Десятки раз до начала штурма и по дороге к этой соловьевской горе Аркадий Петрович спрашивал себя: «А у тебя самого хватило бы сил промолчать под пыткой?» И хотя он помнил, как доктор Бадмаев оперировал ему без наркоза ногу, а на Тамбовщине из-за новой контузии он позволил хирургу вынуть без наркоза чугунные осколки из руки и плеча, Аркадий Петрович не решился себе ответить: «Да, вынес бы».

Голиков не имел права поддаваться унынию. Мало того, он был обязан вывести людей из подавленного состояния. Случись новый бой — батальон был к нему не готов.

Думая обо всем этом, Аркадий Петрович медленно шел по селу. Возле клуба на завалинке расположился гармонист Миша Вазнев. Склонив задумчиво голову, он вполсилы наигрывал все подряд: вальсы, польку, мелодии народных песен. Миша не знал нот, но у него была исключительная музыкальная память. Он свободно запоминал и подбирал любую услышанную мелодию. Возле него стояли мальчишки, красноармейцы со своими подружками, несколько женщин средних лет. И от музыки Вазнева веяло грустью и тоской.

И начальник боевого района заторопился к себе в штаб, чтобы поскорее окунуться в ворох дел.

Катастрофа

В стране полным ходом шла демобилизация. Сотни тысяч красноармейцев возвращались к своим семьям. А в Ачинско-Минусинском районе Сибири сохранялось военное положение. Со службы никого не отпускали. Бойцы грустно шутили: «Если хочешь домой — беги к Соловьеву, а через день явись с повинной. Тебя отпустят».

Рядовым соловьевцам, которые выходили из леса и сдавали винтовку, тут же, без следствия и суда, разрешали ехать к семьям.

Чтобы люди не слонялись без дела, Аркадий Петрович ввел жесткий график ежедневных занятий. Во время бесед обсуждалось международное положение, возможности новой экономической политики и такая ошеломляющая новость, как выпуск нового, советского червонца. В международной торговле он обеспечивался золотом и приравнивался к десяти рублям царской чеканки. Но большую часть времени Аркадий Петрович отводил военному обучению.

Только что прибывшему пополнению из новобранцев он прививал навыки свободного владения саблей. Одно из заданий состояло в том, что каждый боец должен был успеть на полном скаку рубануть саблей по трем близко поставленным чучелам.

Были эти чучела простой конструкции: к вкопанным столбам привязывалась толстая поперечная перекладина. На это сооружение накидывалось тряпье. Когда поперечины приходили в полную негодность, их заменяли новыми.

Молодые красноармейцы, набранные из крестьян, технику рубки, требовавшей проворства, осваивали с трудом. И Голиков раз за разом гонял всю группу — двенадцать человек — по кругу, хотя уже измотались люди и запарились кони.

Плац для занятий находился сразу за селом. Каждое утро здесь собирались зрители: старики и мальчишки, но раньше всех прибегал Гаврюшка.

Не слезая во время занятий с седла, неутомимо демонстрируя, в чем состояла ошибка того или иного бойца, Аркадий Петрович нет-нет да и поглядывал в сторону своего воспитанника. Голикова удивляло, что Гаврюшка совсем по-особому реагировал на происходящее, нежели другие мальчишки. Если остальных волновало только одно — рубанул боец по чучелу или промазал, то Гаврюшка внимательно наблюдал, как бойцы разгоняли коней, готовили к взмаху шашку. И в этой его внимательности было нечто взрослое.

Наблюдения Голикова прервала очередная неудача рыхловатого парня по фамилии Прунцов, который успевал нанести за один прогон в лучшем случае два удара. Ничего страшного в этом, разумеется, не было, но Голикова нынче все раздражало.

По прежнему опыту Аркадий Петрович помнил: бойцов в насквозь мокрых гимнастерках, от усталости едва сидевших в седле, надо было бы отпустить. И завтра все стало бы получаться даже у Прунцова. Но в Голикова нынче словно вселился бес. С упрямством, неразумность которого он сам же сознавал, Аркадий Петрович требовал, чтобы Прунцов хотя бы коснулся саблей всех трех чучел.

— Ваша, Прунцов, ошибка,— сказал Голиков совершенно уже растерявшемуся бойцу,— в том, что вы, привстав в стременах, забываете стиснуть коленями бока своей Березки. Поэтому, когда вы взмахиваете саблей, у вас одна забота — не свалиться на землю... Посмотрите еще раз.

Голиков развернулся, легонько, плашмя дотронулся шашкой до бока своего коня. Малиновый темляк шашки был обмотан вокруг кисти Аркадия Петровича.

Рысак резво взял с места, набирая скорость. Три безобразных чучела стремительно приближались. Голиков привстал в стременах, отвел руку с клинком назад для удара и внезапно почувствовал, что его не держат ноги. На глазах бойцов и зрителей он плюхнулся мешком на седло, рука с шашкой повисла, как простреленная. Спина обмякла. И Голиков почувствовал, что он сползает с коня лицом вниз.

Он хотел удержаться, выпрямиться, но не мог ничего с собой поделать. Его тело вышло из повиновения. Разум и туловище существовали как бы отдельно. Он был не в силах стиснуть ногами круп коня, распрямиться, подобрать примотанную

к руке темляком шашку, которая волочилась по земле. Справа проплыло нетронутым чучело в офицерской фуражке с разлохмаченным козырьком. Голиков заметил недоумевающие лица мальчишек и стариков, в прошлом, нужно полагать, лихих рубак. Перед глазами его теперь мелькали тонкие ноги коня в белых носочках. Голиков не падал с шеи жеребца лишь потому, что его ноги застряли в стременах.

«Как стыдно! Что со мной!» — пронеслось в мозгу. Но он по-прежнему не мог шевельнуть даже пальцем.

— Голик умер! Голика застрелили! — раздался полный горя голос Гаврюшки.

От этого крика Аркадий Петрович рванулся, ощутил, что к нему возвращаются силы и способность управлять своим телом. Он нащупал левой рукой в густой гриве коня широкий ремень повода, схватил его, попытался выпрямиться. В этот миг отключилось сознание.

Но Голиков не умер. На ходу, в седле его настигла болезнь.

Когда Аркадий Петрович пришел в себя, его перевезли сначала в Ужур, потом в Красноярск. Мнения врачей разделились. Одни полагали, что у него нервное истощение, другие высказали предположение, что случившийся приступ — следствие двух ранений и двух контузий.

Однажды в штабе ЧОН губернии Голиков столкнулся с только что приехавшим Павлом Никитиным. Павел привез гостинцы от Аграфены, которая просила передать Голикову, что готова за ним ухаживать, отпаивать его травами и молоком, пока он не станет совершенно здоровым.

Но о возвращении в Форпост не могло быть и речи. Боевым районом теперь командовал Николай Ильич Заруднев, человек заслуженный, мудрый и храбрый.

— Аркадий, ты знаешь, что показал опрос пленных? — спросил Никитин.— С Соловьевым осталось самое большее пятьдесят человек. Не пятьсот, как было, когда ты приехал. А только пятьдесят.

...Но тогда, в 1922 году, никто не мог себе представить, что понадобится еще два года, пока Зарудневу удастся окончательно обезвредить Соловьева.

* * *

Вскоре Голиков почувствовал себя лучше, и его отпустили учиться.

Провал

В Москве, в канцелярии Академии Генерального штаба, пожилой командир прямо при Голикове просмотрел его документы.

— Послужной список у вас, Аркадий Петрович, отличный. Могу добавить: еще не было случая, когда бы слушателем Академии стал восемнадцатилетний боевой офицер... извините, командир с четырехлетним стажем.

— А когда экзамены? — спросил Голиков, желая на самом деле спросить о другом.

— Экзамены через две недели. Надеюсь, вы успеете подготовиться. А завтра в десять медицинская комиссия. Но это чистая формальность.

Из канцелярии Голиков вышел расстроенный. Еще на Тамбовщине его терзала мысль, что он провалится на экзаменах, потому что не было времени на подготовку. А сейчас эта мысль отошла на задний план. Лишь бы проскочить комиссию.

Собралась комиссия на втором этаже в просторном зале. Каждый врач сидел за отдельным столом. От одного специалиста к другому редкой цепочкой, стесняясь своей наготы, двигались кандидаты в слушатели. Каждый держал в руках «Карту обследования».

Осмотр в этот день проходило человек двадцать. основной поток ожидался перед самыми экзаменами. И Голиков подумал, что ему бы лучше пойти, когда будет много народу. Но отступать было поздно.

Первым его осмотрел терапевт — среднего роста, полноватый, с крупной лысеющей головой. Он внимательно прослушал легкие, затем сердце и, похлопав Голикова по упругому, округлому плечу, сказал:

— Сердце — как молот. Жалобы есть?

— Что вы, доктор,— Голиков широко улыбнулся,— мне жаловаться еще рано.

И терапевт размашисто написал: «Здоров».

Зато тревожно долго не отпускал хирург, здоровяк лет сорока, одного роста с Голиковым. Положив Аркадия Петровича на клеенчатый диван, он долго и жестоко мял ему живот сильными, волосатыми руками, поминутно спрашивая:

— Не беспокоит?

— Н-ничуть! — сдавленным голосом отвечал Голиков.

— А это у вас что? — Хирург надавил пальцем вмятину на голени.

— Сквозное ранение. Шрапнель. Девятнадцатый год.

— Задета кость?

— Бог миловал.

— А эти шрамы и рубцы? Вы что — спали на битых бутылках, как Рахметов?

— Рахметов спал на гвоздях,— уточнил Голиков.— А сейчас гвоздей не достанешь.— Хирург улыбнулся.— Эти рубцы — на память о самодельной бомбе из обыкновенного чугунка. Тамбовщина. Двадцать первый год.

— Сколько же вам досталось осколков?

— Точно не помню. Не то двадцать пять. Не то тридцать два.

— Жить вам двести лет, товарищ Голиков.— И пометил на листе: «Абс. здор.».

Окулист и отоларинголог надолго Аркадия Петровича не задержали. Отоларинголог только спросил:

— Правым ухом вы слышите хуже, чем левым. Часто простужались?

— Ни разу. Я не знаю, что такое насморк. Ушную перепонку мне порвало взрывной волной, когда меня ранило шрапнелью.

Оставалось показаться невропатологу. Старый, маленького роста, с остроконечной бородкой, он в отличие от других врачей задавал вопросы громко, причем с ехидцей, будто был заранее уверен, что его попытаются обмануть.

Голикова он встретил странным вопросом:

— Давно у вас, молодой человек, такой румянец, будто вы красная девица?

— Наверное, с детства,— находчиво ответил Голиков.— У моей мамы тоже замечательный цвет лица.

— С детства? — рассмеялся невропатолог.— Вас что — выронили из люльки? — Он посмотрел вокруг, полагая, что удачно пошутил.

Голиков велел себе: «Спокойно!» Он догадывался, к чему подбирается ехидный старичок.

— Если бы меня выронили из люльки,— не

гася улыбку, возразил Аркадий Петрович,— я был бы горбатым.

— И вас никто не стукал по голове посторонним предметом? Скажем, сковородкой? Или прикладом?

— Совершенно точно, никто не стукал.

— Приятно слышать,— огорчился старичок.

Он усадил Голикова на стул и взял весело поблескивающий никелированный молоточек. Голиков знал, для чего он служит, и собрался в комок, чтобы в тот момент, когда доктор тюкнет молоточком пониже коленной чашечки, нога бы не взлетела к потолку.

— Расслабьте ножку,— попросил доктор.— Я вам не сделаю больно. Я легонечко.— И нога в самом деле не вознеслась к потолку, но вздрогнуло все тело.

— Значит, из люльки в детстве вас не роняли? И сковородкой по темечку не стукали тоже?

Голиков помотал головой, продолжая улыбаться, точно это была не очень остроумная, но всетаки игра.

— Последняя маленькая просьба: сделайте три приседания и встаньте.

— С большим удовольствием, доктор. Хоть двести раз.

Голиков плавно присел и без усилия встал, чтобы присесть снова. Было видно, что этот молодой парень, завтрашний слушатель Академии Генерального штаба, а в будущем, возможно, один из полководцев Красной Армии, обладает мощным, атлетически развитым телом.

— Превосходно, товарищ Голиков,— похвалил невропатолог. И вдруг, словно обозлясь: — А теперь руки вперед и держать!

Аркадий Петрович усмехнулся и вытянул руки с мощными бицепсами. Он без натуги выжимал двухпудовые гири, но сейчас внезапно почувствовал, что по прошествии нескольких секунд руки начали мелко дрожать. Это была какая-то стыдная дрожь, будто он чего-то боялся, но Голиков не мог совладать с нею, а доктор не давал другой команды. Наоборот, он спокойно сел за свой стол, пододвинул «Карту обследования» и четким, красивым, совсем не докторским почерком записал: «Травматический невроз». Лишь после этого он произнес, не оборачиваясь: «Можете опустить!»

«Травматический невроз» была распространенная в период войны болезнь, которую вызывали ушибы позвоночника или головы. Ее описание Голиков нашел в двух медицинских справочниках. Там обстоятельно было сказано, в чем она проявляется, какие влечет последствия и осложнения. Недоставало в учебниках лишь одной подробности: как ее лечить.

Диагноз, каллиграфическим почерком занесенный в «Карту обследования», закрывал дорогу в Академию.

* * *

Четыре раза Реввоенсовет республики давал Аркадию Петровичу Голикову шестимесячный отпуск, чтобы сохранить для Красной Армии талантливого командира. Но два года лечения и отдыха не принесли сколько-нибудь стойкого результата. Полному излечению травматический невроз не поддавался.

Рывок

Голикову было очевидно, что из армии его в ближайшее время уволят. Как жить дальше?

За годы службы он окончил два учебных заведения: командные курсы и Высшую стрелковую школу. А штатское его образование составляло всего четыре класса. И никакой профессии, а шел ему двадцатый год. И Голиков решил, что он станет писателем.

Еще в начале 1922-го, только приехав в Сибирь, Аркадий Петрович начал автобиографическую повесть «В дни поражений и побед». Работа пошла быстро, но вскоре начался поединок с Соловьевым, и рукопись пришлось отложить. Теперь Голиков был готов вернуться к повести, но ему хотелось убедиться, что он делает правильный выбор.

Аркадий Петрович приехал в Арзамас посоветоваться с отцом, которого очень любил и с мнением которого всегда считался. Но отец его не поддержал. Страна была разорена. И отец полагал: нужно найти занятие посерьезней. Скажем, поступить на службу в какую-нибудь контору.

А Голиков был убежден: каждый человек имеет право на мечту... Еще оставались последние отпускные деньги. Аркадий Петрович уехал в Ленинград, снял комнату, завел строгий распорядок дня и начал работу.

Две недели Голиков писал с утра до вечера, пока не обнаружил, что часам к пяти он начинает уставать и почти ничего не делает, а только по многу раз обводит пером уже написанные буквы и строки. Это была непозволительная трата времени.

Чтобы повысить продуктивность, Голиков стал со второй половины дня уходить в Публичную библиотеку. Там он читал подряд все журналы, смотрел новинки литературы, которые выходили отдельными изданиями. В библиотеке голова отдыхала. И за утро он стал успевать гораздо больше. А то бывало еще и так: после библиотеки он садился к столу и работал часа полтора.

В том, как теперь складывалась его жизнь, Голикова устраивало все, кроме одной малости: стремительно таяли деньги.

Ел он теперь только утром и вечером, в основном кашу, которую варил сам, хлеб и чай. Иногда позволял себе купить дешевую колбасу.

Последнее время Голиков ловил себя на том, что неотступно хочет есть. Только за рукописью или во время чтения, когда журнал или книга увлекали его, мысли о еде вытеснялись другими впечатлениями.

Наступил такой день, когда не осталось в кармане и гривенника, а на завтрак он съел только горбушку и запил ее горячим пустым чаем. Продавать уже тоже было нечего. И Голиков отправился на Витебский вокзал. Там у Аркадия Петровича был знакомый бригадир грузчиков. Правда, работы для Голикова до сих пор в бригаде ни разу не нашлось. В стране была безработица. На бирже труда стояли длинные очереди.

Когда на вокзале Аркадий Петрович неуверенно подошел к товарным вагонам, там царила суета: из теплушек выносили и грузили на подводы мешки с чем-то белым.

— Поберегись! Поберегись! — заорали на Голикова сразу с двух сторон.

Он отскочил в сторону. И тут на него налетел бригадир:

— Аркашка! — заорал он.— Где тебя мыши носят? Парня у меня вчерась ящиком зашибло. А я никого не беру, жду тебя.

Голиков торопливо сбросил прорезиненный макинтош, который носил теперь вместо шинели, и поднялся по широкой доске в вагон. Там полноватый парень в бескозырке подхватил с пола ме-

шок с цементом и мягко уложил его на согнутую спину Голикова.

— Держишь? — спросил парень.— Семьдесят кил.

— Держу,— сдавленно ответил Голиков, подхватывая снизу мешок руками.

Он двинулся к распахнутой двери, ступил на доску. Она под ним качнулась. Парень заботливо поддержал Голикова и здесь, а потом отпустил. Аркадий Петрович ощутил, как доска под ним прогибается от каждого шага, а мешок гонит, толкает вперед, словно хочет вогнать лицом в щебенку между рельсами.

Но Голиков все же спустился, ступил на неровную, усыпанную мелкими камнями землю, повернул налево, добрел до воза. Там чьи-то ловкие руки сняли ношу. Аркадий Петрович с трудом разогнул спину. Перед глазами плыло.

Второй мешок он нес плавно и менее торопливо, но галька, насыпанная между шпал, стала подозрительно мягкой и будто вминалась под баретками, как глина. И Голиков чувствовал, что его пошатывает. Горячий пот заливал глаза. Донеся мешок до телеги, Аркадий Петрович едва не уронил поклажу на землю.

— Ты что — пьян? — заорал на него грубый голос.

А другой, спокойный, с хрипотцой, ответил:

— Не пьян. Просто жрать хочет. По морде не видишь, что ли? Сам давно ли нажрался?

Но этот короткий диалог Голиков слушал, куда-то словно проваливаясь, а на самом деле вкатываясь в голодный обморок и медленно опускаясь возле телеги на землю.

Потом он с мокрым от воды лицом сидел на ящиках возле разгруженных вагонов и старый плешивый грузчик кормил его хлебом, чесночной колбасой и антоновскими яблоками, то и дело протягивая синий умывальный кувшин с водой:

— Ты пей водичку, пей, еда посуху не пользительна.

Наверное, впервые за полтора месяца Голиков почувствовал, что наелся до отвала.

— Сколько я вам должен? — спросил Голиков, имея в виду, что расплатится, когда получит за работу.

— Ничего ты не должен. Это твой обед. Питаемся мы артельно. И потом у нас такой закон: разбился ящик — он в пользу грузчиков. Так что кушай от души. Еды много.

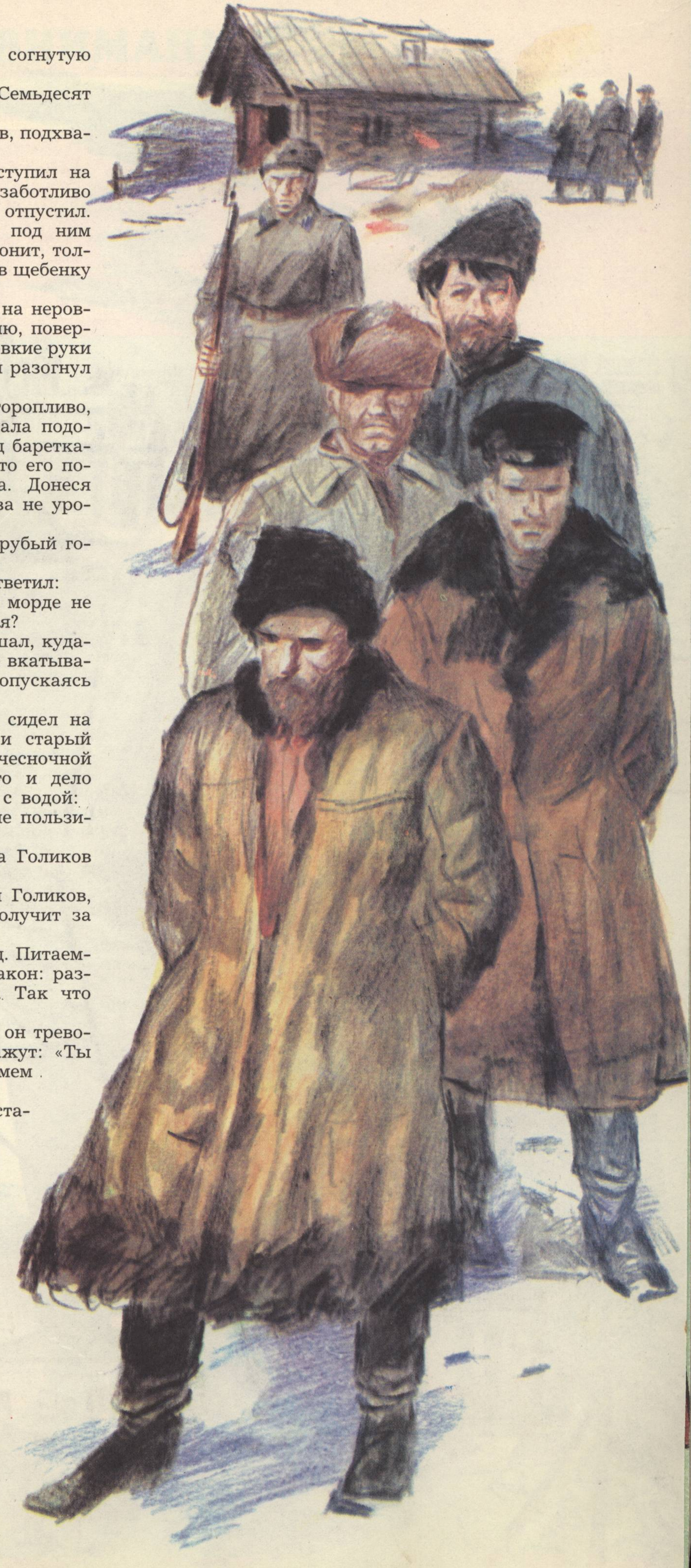
Но Голиков больше не хотел, и потом он тревожился, что из-за его обморока ему скажут: «Ты слаб, на кой ты нужен, мы лучше возьмем здорового».

— Накушался? — заботливо спросил старик.— Тогда иди, носи полегонечку. Ты малый старательный, мы видим. Ежели сегодня мало сделаешь, завтра наверстаешь.

Голиков понял, что его приняли в артель, и он проработал в ней одиннадцать дней, пока не поправился зашибленный ящиком Денис.

Бригадир дал Голикову доработать этот день, накормил ужином, произвел расчет и еще дал с собой полмешка воблы и яблок.

— Не обижайся, Аркаша,— сказал бригадир,— мы тобой премного довольны, но коль вернулся наш старый товарищ, мы его не могем не принять обратно.

— Я не обижаюсь, вы меня крепко выручили.

На заработанные деньги Голиков должен был жить, пока не закончит книгу. Больше ему рассчитывать было не на что.

...И настал такой день, когда он поздно вечером дописал последнюю страницу, расписался «Арк. Голиков» и вложил ее в довольно увесистую папку. А потом он вынул рукопись из папки, просмотрел ее от первой страницы до последней, и ему сделалось не по себе.

Как он ни старался, на каждой странице были поправки, подклейки, на полях, пусть и в аккуратных рамочках, вставки. Прочитать рукопись, конечно, было можно, но если бы кто-нибудь пожелал придраться, он мог это сделать, взяв в руки любую страницу. А денег на перепечатку не было.

И Голиков думал: «Вдруг в редакции скажут: «Такая грязь?!» — и вернут папки. И все рухнет из-за того, что нет десяти рублей на машинистку?»

В издательстве, которое помещалось на Невском проспекте, в доме с большим глобусом на крыше, Голиков вошел в просторную комнату с разномастными столами. За одним из них сидел высокий с гладким пробором человек.

Голиков положил перед ним на стол свою папку и дернул тесемку. Папка распахнулась. Высокий от неожиданности вздрогнул. А Голиков, понимая, что это, возможно, последний шанс, твердо и отрывисто произнес:

— Я Аркадий Голиков. Это мой роман. Я хочу, чтобы вы его напечатали.

Теперь уже все обернулись в сторону необычного посетителя: начинающие авторы не каждый день разговаривали в этой комнате тоном кавалерийской команды. Стол, за которым благодушно сидел высокий, окружило несколько человек. Из папки в один миг расхватали добрую половину страниц. Голиков сначала испугался, что листы перепутают, а потом, чего доброго, и потеряют, но чужие руки бережно, с величайшей осторожностью перелистывали его страницы. И Голиков ужаснулся их виду со стороны...

Уловив насмешливое выражение на лице одного из тех, кто сейчас листал его рукопись, Голиков весь сжался, готовый к тому, что все через минуту расхохочутся, засунут его листы обратно в папку и выставят за дверь: «Не будь, мол, браток, нахалом!»

Но высокий, достав изогнутую трубку и благодушно улыбаясь, набил ее табаком, закурил, глубоко затянулся и начал читать подвернувшиеся ему страницы. Голиков их сразу узнал. Это была глава, где Сергей Горинов нечаянно заехал в расположение белых.

Голиков и сам любил этот эпизод, потому что в нем точно были переданы ощущения человека, вступившего в смертельную игру и вынужденного держаться независимо и хладнокровно.

— Вы писали что-либо прежде? — выпустив длинную струю легкого пахучего дыма, спросил высокий.

— Нет. Это мой первый роман. Но я решил стать писателем.

— Кем вы были раньше и кто вы теперь?

— Теперь — по болезни в отпуске. А был командиром полка.

— Долго командовали полком?

— Полком — год. А вообще командовал три с половиной.

— Простите, сколько же вам сейчас? — продолжал высокий.

— Девятнадцать.

— Зайдите через несколько дней.

Голиков не помнил, как вышел, вернее, выплыл из комнаты. Все в тот же миг для него заволоклось горячим туманом, точно он заболевал и у него начинался жар.

«Несколько дней...— звучало у него в ушах.— Несколько дней». Эти дни надо было прожить. Уже не имело значения, что не оставалось денег. Можно было просуществовать и на ту мелочь, что еще бренчала на дне кармана: Голиков уже научился обходиться ничтожно малым — тарелкой супа, половиной каравая хлеба на день. Он знал, что на этом можно было продержаться и даже проработать день. И он готов был ждать сколько угодно. Важно сейчас было только одно: что скажут, когда прочтут? Да и хватит ли терпения прочесть? Если бы хоть было напечатано на машинке. И то, говорят, не всегда читают.

...Голиков не представлял, сколько это — «несколько дней». Он выдержал неделю. Потом еще день и отправился на Невский, поднялся в издательстве на третий этаж и толкнул уже знакомую дверь.

Народу в комнате было меньше, чем в прошлый раз, Голиков сразу увидел высокого с трубкой. В уголке комнаты сидел второй, во френче. Больше Голикову пока никто не был нужен.

— Доброе утро,— произнес он, входя в комнату.

— Здравствуйте,— деловито ответил высокий.— Присаживайтесь.

Голиков пристроился на краешке стула. Сердце Аркадия Петровича бухало редко и глухо. Деловитость, с которой его встретили, могла означать что угодно: и что еще не прочли, и что рукопись уже потеряли, и что его просто не помнят.

Внутреннее напряжение Голикова было так велико, что он даже не слышал, о чем шел разговор. Чтобы отвлечься, как он это делал в операционных, где приходилось ждать, пока к тебе подойдет хирург, он принялся разглядывать шкаф — дубовый, трехстворчатый, набитый папками. В шкаф все папки не влезли и лежали штабелями наверху — синие, красные, зеленые, самодельные из обоев и оберточной бумаги. Это громоздились отвергнутые рукописи. Книжный шкаф был саркофагом дерзаний и надежд.

В комнате раздался смех. Голикову показалось, что смеются над ним. Он обернулся.

— Там вашей рукописи нет,— сказал, улыбаясь, высокий.— Подсаживайтесь ближе. И давайте знакомиться.— Он протянул руку: — Константин Федин.

Спустя часа полтора Аркадий Петрович дал телеграмму отцу: «Повесть одобрена. Получил аванс. Всех целую. Ваш непутевый Аркашка».

Теперь Голиков мог вернуться в Арзамас, где жил отец, который сомневался, что сын сделал правильный выбор. Еще в реальном училище на уроках закона божьего ученикам объясняли библейскую легенду о «блудном сыне». Смысл ее заключался в том, что сын, который не послушался советов своего отца, непременно должен потерпеть в жизни крах и явиться к родителям с повинной головой.

Голиков доказал, что эта притча сочинена для слабых. А нравственно сильный человек, если он выбрал высокую и благородную цель, должен уметь добиться своего.

...Начиналась новая, писательская жизнь, полная новых опасностей и трудностей.

«К членам организации, нарушившим Законы пионеров Советского Союза, применяются меры наказания: обсуждение на сборе звена, отряда, совета дружины; предупреждение об исключении; как крайняя мера — исключение из пионерской организации.

Вопрос об исключении пионера из организации решается на сборе отряда. Решение об исключении из организации считается принятым, если за него проголосовало не менее двух третей пионеров, присутствующих на сборе, и приобретает силу после утверждения на совете пионерской дружины».

Из Положения о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Укрощение строптивого

Мальчишка как мальчишка. Когда он устает сидеть на уроках почти без движения, с выпученными от усердия глазами, то кладет руки на парту и склоняет на них утомленную рыжую голову или поворачивается к классу, подмигивает публике, мол, вы еще живы, не устали? Активистки 5 «А» назидательно шипят: «Ващ-щенко! Ты что — обезьяна?»

Он бегает на переменах как угорелый — освобождается от распирающей его скопившейся на уроках молодецкой энергии.

У него добрые глаза, то и дело расплывающиеся в улыбке губы.

Недавно с ним случилась беда. Теперь он ходит по школе, прикрыв шею и грудь руками. Защищается. Вернее, защищает свой пионерский галстук.

История эта странная. Противоречивая. Произошла она в одной из московских школ. Совсем недавно к этой школе подкатывали служебные автомашины пап и мам, и из них выпрыгивали чада в дубленках, с импортными сумками, с изящными проводками плееров в ушах.

Нет, лично я не против красивой и удобной одежды, сумок и всего прочего, что может порадовать нас, облегчить нашу жизнь. Просто над школой, о которой идет речь, витал (да и до сих пор, пожалуй, витает) дух исключительности, избранности, привилегированности. И все-то здесь должно быть по высшему разряду: учеба — только на пять с плюсом, поведение на уроках, переменах — безупречное, сосед по парте — паинька и вундеркинд, мама и папа — на престижных должностях.

Такие, как Ващенко: бегающие на переменах, веселые и непосредственные, в стар採еньких свитерах, с неровными оценками: то «2», то «5», со «средненькими» родителями: папа — инженер, мама — лаборант, — не укладываются в исключительные рамки школы. Таких Ващенко здесь

укрощают, на них есть свои кнуты (без пряников).

Один из кнутов недавно на Диме Ващенко попробовали: исключили из пионеров.

Как это произошло?

Версия первая. Дима Ващенко и его одноклассник были замечены в краже фломастеров. Мол, подошли к чужому портфелю, вытащили пенал, извлекли фломастеры — тут-то их и поймали с поличным, так сказать. Девочки-активистки 5 «А» класса побежали к старшей пионервожатой Римме: «Ук-ра-ли! Давайте вызовем Ващенко на совет дружины. Это он, он виноват».

Версия вторая. Диму давно зачислили в непоседы и хулиганы. То чужой портфель закопает в снег, то посреди урока встанет, то пробежит по коридору, посадив на закорки одноклассника... Директор школы ведет специальную дисциплинарную тетрадь — своеобразный кондуит, куда записывает нарушения школьников. На Ващенко отведена аж персональная страница. И вот директор однажды пригласил в кабинет старшую пионерскую вожатую Римму и приказал: «А вызовите-ка Ващенко на совет дружины. Пора. Что-то разболтался он. Проработайте. Доложите результаты». Старшая пионерская вожатая решила, что директор хочет исключения Димы из пионеров. А раз директор велел, значит, надо выполнять.

Версия третья. Активистки фыркают на Диму с первого класса. Какой-то он не такой, как все. И с шести лет в школу пошел, и вертлявый, и рыжий, и рожи корчит. Ходят они за пионервожатой Риммой, жалуются, канючат: «Ващенко то... Ващенко это... Когда же мы его исключим... Он же не достоин...» Старшая пионервожатая подумала: активистки — рупор общественного мнения, глас народный. А когда совпало все: и жалобы, и приказ директора принять меры к усмирению Ващенко, и мрачная весть о краже фломастеров — вызвали Ващенко на совет дружины. А там...

Оказывается, страшнее пятиклассника Ващенко в школе зверя нет. Вот и идет массовое укрощение, в которое втянуто по крайней мере человек двадцать.

Версии версиями, а исключение из пионеров происходило так.

Пришли на совет дружины Дима и его одноклассник Сережа. Дима — улыбающийся, с виду спокойный. Сережа — испуганный, зажатый.

Начали разбирать «дело»: задавать строгие вопросы, требовать исчерпывающих ответов, вести протокол.

Димка молчал.

Молчал, когда Сережа начал рассказывать, что взяли они фломастеры так, подурачиться. Ведь через десять минут положили на место.

Молчал, когда старшая пионервожатая Римма потребовала, чтобы он, Дима, рассказал, как смог научить Сережу таким гадостям. Мол, мы-то все знаем, что это ты его надоумил.

Молчал, когда та же Римма «подогревала» совет дружины, «настраивала» на нужную волну: «Ребята! Ведь всегда Ващенко... Прыгает по школе он!.. С уроков убегает он!.. Дерется он!..»

Молчал, когда ребята из совета дружины, которые не были с ним знакомы, по сути, и не знали его, стали раздраженно выкрикивать: «Исключить Ващенко из пионеров! Выгнать из школы!»

И... его исключили. Подошли, сняли галстук, в протоколе заседания оставили невнятные записи, разошлись спокойно по домам.

Уже потом, когда я, корреспондент всесоюзного журнала, появилась в школе, у многих забрезжили сомнения: «А может, и не надо было Ващенко исключать?» Старшая пионервожатая Римма оправдывалась: «Я и не думала, что ребята так решат. Я им просто все объяснила про Ващенко. А он даже не плакал, не каялся, понимаете? Не просил оставить в пионерах. Вот Сережа испугался, покаялся — мы ему только строгий выговор вынесли».

Уже потом Ващенко вызвал директор и покровительственно сказал: «Мы тебя примем в пионеры. Через месяц. Веди себя хорошо и напиши заявление. Примем».

Я не сомневаюсь — примут. Раз директор прикажет — будет сделано. Ведь в этой школе пионерская дружина не часть самостоятельной самодеятельной детской организации, а некий придаток педагогического коллектива.

Никому здесь нет дела до конкретного человека: как он чувствует себя в недружном классе, что испытывает при затянувшемся конфликте со старшими, переживает ли случившееся — КАК ЕМУ ПОМОЧЬ?

Равнодушие и равнодушные окружают пятиклассника Ващенко.

...А он переживал исключение из пионеров горько. Долго не мог рассказать родителям о том, что с ним произошло. Разочаровался — и сразу заметно повзрослел — в товарищах. Упрямо, как вызов против несправедливости, продолжает носить пионерский галстук. А ведь сейчас любой член совета дружины может подойти на перемене и сказать: «Ну-ка, сними галстук, Ващенко, ты же исключен». И что тогда? Убежать? Заплакать? Драться? Что тогда?

...И все же Дима Ващенко из пионеров НЕ ИСКЛЮЧЕН! Прочитайте начало этой статьи — фрагмент документа — и вы поймете, что не знают пионеры этой школы ни Положения своего, ни правил пионерских. И, видимо, мало задумываются, что такое пионерская дружба и пионерский коллектив, раз им сказали — они сделали.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. Когда мне было восемь лет, я взяла у соседки со стола — наша семья жила в коммунальной квартире — железный рубль. Мои родители зарабатывали негусто, считали каждую копейку семейного бюджета, печалились из-за хронического отсутствия денег. Я решила помочь им.

Пропажа рубля обнаружилась тотчас же. Я помню, как мама с красными щеками, тяжелым, задыхающимся шепотом выговаривала мне: «Как ты посмела взять чужое?! Разве я тебя этому учу?! Будет на дороге лежать золото, ты его переступи, пройди мимо!»

Тот день и урок матери я запомнила на всю жизнь.

В Диму Ващенко я бы не бросила камень.

И. АНАТОЛЬЕВА

Леонид ЯХНИН

НАИВНЫЙ НИКО

Смерть неизвестного

В конце 1918 года в чулане старого тифлисского дома, под лестницей, где валялись запыленные разбитые ящики, поселился старик оборванец. Откуда он пришел, чем живет? Никто его не расспрашивал. А сам он, этот высокий сухой старик, молчал. Сердобольные соседи подарили ему пальто, одеяло, подушку.

Днем он выходил из своего чулана, с трудом шаркая старческими ногами, и напевал в усы странную песенку:

Этот мир с тобой не дружен,
В этом мире ты не нужен,
Братец ты мой Никола...

Постепенно все привыкли к молчаливому и нелюдимому нищему и перестали обращать на него внимание. Потому никто о нем и не вспомнил, когда он исчез. А хватились только через неделю. Заглянули в чулан — старик лежал на устеленных тряпьем ящиках и тихо умирал. От чего? От старости или от голода? Бог его знает. Свезли умирающего в благотворительную больницу и вскоре забыли. Кто же мог догадаться, что живший рядом с ними не известный никому нищий — великий художник Нико Пиросманишвили?

В последний год своей жизни обычно предельно скромный Нико почему-то спрашивал друзей:

— А в Париже меня кто-нибудь знает?

Друзья смущенно пожимали плечами. А в это время в Париже жил другой великий художник — Пабло Пикассо. Он никогда не видел Нико. Но однажды по воображению нарисовал его портрет. Жаль, что об этом уже никогда не узнает Нико.

Духанный живописец

В тифлисских духанах всегда шумно. Играет зурна. Звучат громогласные и цветистые грузинские тосты. Множатся, роятся в глухих подвальных стенах оживленные разговоры.

Стены духана, словно в музее, увешаны картинами, чуть, правда, закопченными легким шашлычным дымком. Черная клеенка, на которой написаны они, поблескивает в тусклом свете керосиновых ламп.

А вот в углу и сам художник. Он молча пишет очередной заказ духанщика. Его натюрморт похож на подробное меню духана — рыба, поросенок, курица, виноградная гроздь, пучок лука, редиска, бурдюк с вином, шашлык. Посетители не решаются подойти к художнику. Издали поглядывают в его сторону, восхищенно цокают языками, уважительно качают головами:

— Нико картину делает!

Да. Это он, Нико Пиросманишвили. Или, как он сам себя называет, Пиросмани. Городской живописец, маляр, вывесочник. Работает чаще всего за тарелку супа, шашлык и кувшин вина. За обед. Но он не просто нищий художник. Он знаменитость. Каждый духанщик почтет за честь заказать ему вывеску или роспись стенной ниши.

Мальчиком попал Нико в Тифлис. И сейчас, в самом начале XX века, сорокалетний художник знает себе цену. Ходит Пиросмани с гордо поднятой головой — не поденщик он, не ремесленник, а художник. Духанный живописец. Это почетная, уважаемая профессия. Входит Нико в духан и вместо приветствия говорит хозяину:

— Ну, что тебе нарисовать?

Наивная живопись

Сегодня картины Нико Пиросмани висят в музеях. Он вошел в созвездие лучших художников мира. И все же он не такой, как все. Живопись его называют примитивной, наивной. Но только не подумайте, что слово «примитив» в приложении к живописи ругательно-пренебрежительное. Это термин. Такой же, как, например, «реализм».

Что же такое примитивная живопись, или, как часто ее называют, примитив? Это и не народное, безымянное искусство, и в то же время не профессиональное, предполагающее «школу», выучку в специальном художественном заведении. Художник-примитивист стоит как бы в стороне, но использует приемы и традиции того и другого. Он представитель «третьей живописи». Есть и такой термин. Как правило, примитивисты — самоучки.

Картины примитивиста чем-то похожи на наивный детский рисунок. Здесь нет перспективы. Все — и дальнее, и близкое — изображается как бы на плоскости, одно над другим, а находящийся сзади предмет никогда не заслоняется передним. Для примитивиста не существует масштаба, соотношения размеров предметов. Они зависят лишь от воли художника. Человек, стоящий в отдалении, вполне может быть намного больше дома, изображенного впереди: человек важнее!

Примитивист рисует чаще всего не конкретный предмет, а его образ. Не эту именно реку, а реку вообще. Не дуб, тополь, платан, а обобщенный образ дерева. Его картины всегда образ родины, образ не отдельного человека, а представителя народа.

На картинах Нико Пиросмани часто нарисованы летящие птицы. Они обозначены угловым мазком, так как их обычно рисуют дети — «галочками».

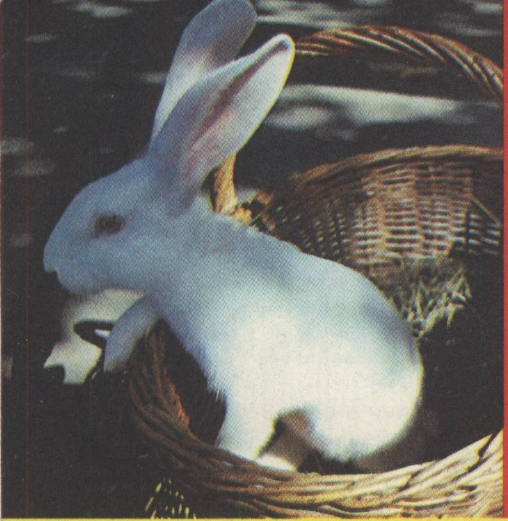
Как-то старый Нико сказал художникам, которые пригласили его на заседание Грузинского художественного общества:

— Вот что нам нужно, братья. Посредине города, чтобы всем было близко, нам нужно построить большой деревянный дом, где мы могли бы собираться. Купим большой стол, большой самовар, будем пить чай, говорить о живописи и об искусстве...

Он страдал от одиночества и мечтал о всеобщем братстве.

Нико Пиросмани. «ДВОРНИК».

Фотографии В. ЧЕЙШВИЛИ.

КРЫЛЬЯ НА ЧАС

Если бы у меня выросли крылья — ну, хотя бы на самую малость, всего на час, на часок! — я бы взлетела над Москвой, городом, где родилась, где живу. Где прокатилось, как горошина, мое детство.

Вот сквер — там гуляли с мамой. Вот московский Дом книги на проспекте Калинина — толкотня, низкие потолки, будто тучи в небе, тысячи книг: их все до единой хочется купить, чтобы дома день и ночь читать, читать, читать. Тишинский рынок. Ах, скрипучие яблоки в корзинах! Мраморные куски сала! Толстый, многозначительный мед в банках и толстые, многозначительные пасечники-продавцы в белоснежных передниках. Кинотеатр Повторного фильма. Музей А. С. Пушкина. И...

Птичий рынок —

конечная точка моего крылатого путешествия. Островок тепла и радости, затерянный в лабиринтах пыльных улиц, затянутый узлами трамвайных лент.

Над Птичьим рынком я бы сделала мягкий вираж, торжественный даже, с замедленным дыханием и колотящимся от счастливого напряжения сердцем, и приземлилась бы — специально недалеко — метров за триста от Птичьего рынка, у трамвайной остановки.

Крылья бы отсохли, отщелкнули, отпали, словно перезимовавшие пустые ветки под напором ярой весны. И я бы, уже бескрылая, как все, влилась бы в длинную суетливую волну тех, кто спешит на Птичий рынок поглазеть, полюбоваться, приобщиться, прикоснуться к тому, что всегда вроде бы рядом, чего нам так всегда не хватает.

Он — уютен и домашен. Птичий рынок.

Он — улыбки и восхищение. Птичий рынок.

Он — милосердие незачерствевших сердец. Птичий рынок.

Там задохнешься от:

— красок: рыбки — тропический бисер, манящие джунгли подводных растений. Попугаи и канарейки — веселые круглоглазые птицы из заморских далей;

— жалости: щенки и котята на руках, в коробках и сумках, подставляющие детские доверчивые бока под любые ласковые руки;

— изумления и жутковатости: крысы-ондатры с чешуйчатыми холодными хвостами, шнурки-ужата в сильнопахнущем аквариуме.

Птичий рынок! Не видишь людских лиц. Только невероятный мир жизни на сотнях ладоней... Рыбки и ладони с банками. Котята и ладони, держащие их. Кролики и ладони с коробками. Попугаи и ладони на прутьях клеток.

Какое счастье, если с Птичьего рынка удается унести кого-нибудь за пазухой. Ощущение на всю жизнь поступка, который самый-самый. Первый из Главных. Прыжок с парашютом... Ощущение, что унес с собой весь Птичий рынок в мягком тепле куртки или пальто.

...Я держу у сердца баночку с двумя гуппи. Она — серая, неторопливая, рассудительная. Он — пестрый волчок из хвоста, плавников, изящного, вертлявого тела. Вот она, Жизнь. Начало жизни. У этих, моих гуппи будет целое море детей, внуков, правнуков. Они все будут жить у меня дома по светящимся аквариумам. Здо-ро-во!

В трамвае, метро, на улице Птичий рынок не кончается. Он — четкое ощущение — рядом, везде, всегда. Там, где есть искренний интерес к как будто бы малозначительному, живому, каждодневному и... такому чудесному.

Он — Мир Детства! Добро пожаловать на Птичий рынок!

И. АНДРИАНОВА

ИЩЕМ ОТВЕТ САМИ

«Как хотелось бы иметь свои собственные учебники! Ведь мы их каждый год сдаем, а за лето, к сожалению, из головы все вылетает. У нас даже нет возможности в каникулы что-то повторить.— Юля Самодурова, пос. Нефтегорск Куйбышевской области».

«Давно я наблюдаю за тем, как из школьной библиотеки вывозят в макулатуру списанные учебники, многие из них в хорошем состоянии. А что, если не уничтожать учебники, а продавать их тем, кто в них нуждается? — Андрей Колесников, г. Калининград Московской области».

ОТ РЕДАКЦИИ: Один выход уже предложил Андрей — не сдавать учебники из школьных библиотек в макулатуру, а продавать ребятам.

Может быть, есть и другие предложения?

Присылайте свои идеи, читатели. Самые здравые мы передадим Госкомитету СССР по народному образованию. Поможем взрослым, раз они сами не могут решить эту проблему.

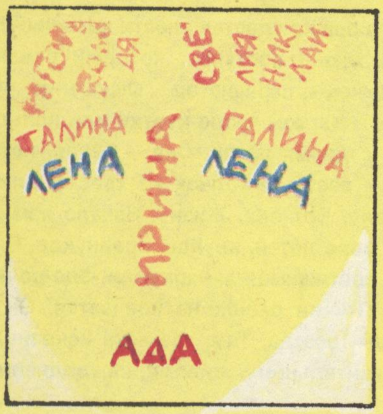
ПРАВДА ЛИ, ЧТО...

«...известный аргентинский футболист Диего Марадона покидает большой спорт из-за того, что обзавелся семьей?»

Игорь Смирнов, г. Уральск.

Поспешим успокоить поклонников Марадоны. Он в прекрасной спортивной форме и с футболом расставаться не собирается. Но, как сообщило агентство **«Рейтер»**, он действительно женился. Это особо никого не удивило, как не удивляло и то, что суперзвезда футбола — супермиллионер. Одно только бракосочетание обошлось ему в два миллиона долларов. В зале для приглашенных был устроен гигантский водопад и подвешена люстра с 12 тысячами лампочек. Было накрыто 120 столов и установлено 10 телевизионных камер, чтобы запечатлеть эту «свадьбу века». Не обошлось и без «маленького сюрприза». Для гостей Марадона заказал свадебный пирог высотой в 2,4 метра и весом 154 килограмма. Чтобы добраться до вершины этого «чудо-пирога», приходилось взбираться по лестнице. Не смогли отказать себе в удовольствии отведать необыкновенное лакомство и все 200 футболистов из команды Марадоны. Будем надеяться, что на их спортивной форме это не отразилось.

Рисунки В. БУРМИСТРОВА.

«...имя Екатерина в переводе с греческого значит чистота, благопристойность?»

Катя Саблина, г. Оренбург

«Правда, — ответили Кате Анатолий — восход солнца, два Владимира — владеющие славой, Игорь — охраняющий бога изобилия, Николай — победивший народ, Ада — украшение, две Галины — тишина и штиль, две Елены — и обе солнечные, Елизавета — клятва богу, две Ирины — мир и покой, Лия — антилопа, Марина — морская, Оксана — гостеприимство, Светлана — светлая и Татьяна — из рода Татия, сабинского царя и соправителя Ромула, то есть все сотрудники редакции журнала «Пионер».

Кто не знает, откуда его имя произошло, читайте книгу Льва Успенского «Ты и твое имя».

Речка в зарослях глицинии

Первое апреля. День смеха, веселых шуток и розыгрышей. И вообще пошла последняя четверть! А у японских ребят 1 апреля новый учебный год только начинается.

«Моднее, чем самая модная шляпа». Если вы уже прочитали этот материал в начале номера, то, конечно, обратили внимание на то, сколько труда и упорства требуется от маленького японца, чтобы достичь успеха в жизни. И вам, наверное, захотелось заглянуть хоть ненадолго в японскую школу.

Недавно мне довелось побывать на острове Хонсю в городе с поэтичным названием Фудзисава. «Речка в зарослях глицинии» — так переводится «Фудзисава» на русский язык. И действительно, здесь повсюду много зелени. Даже вокруг школы-новостройки, которую мы посетили.

Школа начальная — с первого по шестой класс. На первый взгляд школа как школа. Но вот урок истории у шестиклассников несколько необычен. Школьники быстро и четко отвечают: сколько машин и техники производит та или иная страна, кто и в какие годы был на первом месте. Эти цифры, наверное, помнят назубок, как исторические даты. Экспорт продукции Страны восходящего солнца растет с каждым годом. Автомобили, роботы, компьютеры, магнитофоны, телевизоры и многие другие товары буквально заполонили мировой рынок. И японские ребята не просто гордятся достижениями своей страны. Они хотят еще знать, как дела у конкурентов...

В соседнем классе — урок родного языка. На доске четкие столбики иероглифов. За время учебы школьники должны запомнить их до полутора тысяч. Не так-то просто. А чтобы читать газету, надо знать две тысячи иероглифов. Поэтому некоторые, как нам показалось, идут по более легкому пути: если что и читают, то только книги комиксов. Понятно и наглядно. Особенно заметна эта картина в поездах. Журналы с комиксами на станциях расходятся быстро. А может, просто во время поездок не до серьезного чтения? В школе каждый десятый — отличник. Такое впечатление, что большинство из них собралось в этом классе. Наперебой тараторят по-русски: «Здравствуйте! Как поживаете? До свидания!» Правда, у большинства знания русского на этом заканчиваются, но все равно приятно.

Одна из программ японского телевидения целиком посвящена изучению иностранных языков. Постоянным интересом пользуются советские передачи, которые ведут Петя и Катя. Накануне как раз была тема «Одежда», мы ее случайно посмотрели. Поэтому когда нам стали задавать вопросы «Чье это пальто?», поняли: это из вчерашней передачи.

А другую передачу я вспомнил в кабинете домоводства. Приготовление вкусной пищи у японцев и труд, и хобби. Причем у многих мужчин это увлечение стоит на первом месте. С четвертого класса учатся готовить и школьники. И здесь мальчишки не уступают девчонкам. Потренироваться можно и дома, ведь передачи ведут актеры, видные спортсмены. Если салат готовит известный бейсболист, трудно удержаться, чтобы не попробовать самому.

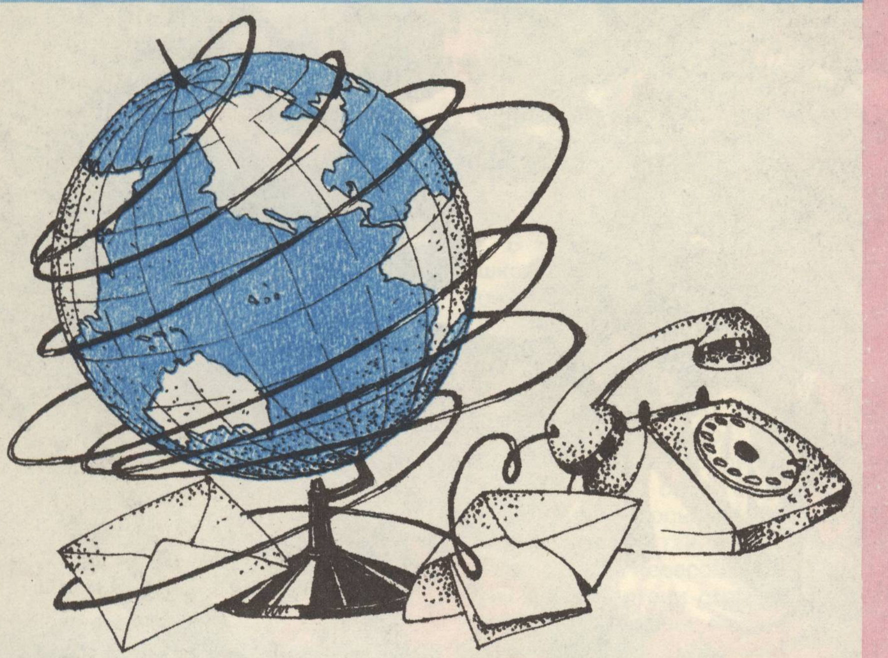
Приготовление еды можно считать единственным домашним заданием. И то по желанию. А так заданий на дом не задают. Учебный год в японской школе продолжается одиннадцать месяцев. В нем три семестра: апрель — июль, сентябрь — декабрь, ян-

Фотография И. СТИН и А. ФИРСОВА.

варь — март. И занятия почти семь часов ежедневно.

Что бросилось нам в глаза, так это идеальная чистота в школе. А уборщиц нет совсем. Все делают сами ребята.

Приехали в школу мы не с пустыми руками, с подарками — ри-

сунками ялтинских школьников. И самые разнообразные рисунки, гравюры, аппликации получили в ответ. Наверное, легче всего понимать друг друга детям. И игры, и картинки не требуют перевода.

Двум своим сыновьям я привез самодельную книжку, которую подарили мне японские мальчики Мацуи Ё и Мураками Эми. На ее страницах живут сказки. Все, как полагается: замок, принцесса, волшебник, дракон, герой... А небо на картинках даже в «злых» сказках синее. Может, потому, что жители Фудзисавы хотят лишь мирного неба для себя и для других. Муниципалитет города объявил его безъядерной зоной. А там, где раньше находился военный аэродром, теперь возведен Центр просвещения.

В. КУКОВЯКИН

«Эсперанто» значит «надеющийся»

«Сколько времени и трудов тратится на изучение чужих языков, и при всем том, выезжая за пределы отечества, мы обыкновенно не в состоянии объясниться с себе подобными людьми»,— это слова из предисловия к книге, которая вышла в Варшаве в 1887 году. Автор издал ее под псевдонимом Doktoro Esperanto.

Польский врач-окулист Людвиг Заменгоф предложил читателям свой проект единого международного языка, который впоследствии получил навание эсперанто. Любопытно, что первые наброски его он сделал еще в седьмом классе гимназии. Мальчик, с детства увлекавшийся языками, обнаружил в них много общего. Позже, в студенческие годы, Людвиг проанализировал наиболее распространенные европейские языки и взял из них все лучшее, отбросив то, что казалось ему ненужным или слишком сложным. Еще несколько лет упорного труда — и вот он, новый язык! В эсперанто нет грамматического рода. Падежей всего два. Ударение всегда падает на предпоследний слог. Все слова читаются, как пишутся. В грамматике вообще нет исключений из правил. Но самое главное, что существенно облегчает изучение,— это интернациональная лексика. Например, слова «спорто», «гимнастико», «газето», «революцио» доступны каждому без перевода. А вот сочетания из первого урока учебника эсперанто Б. Г. Колкера, которым мы пользуемся сейчас: «юна пиониро», «комуниста партио», «нова гитаро», «телефона линио». Понятно? Конечно! А вы ведь еще и не приступали к изучению языка. Благодаря этим и другим особенностям изучить эсперанто можно очень быстро. Всего две-три четверти, и вы сможете читать эсперантскую периодическую и популярную литературу, вести переписку и свободно говорить на повседневные темы.

Ну, а теперь представим, что вы уже выучили язык. Для чего и где его можно использовать? Вообще у эсперанто огромное поле применения. Чтение книг, журналов, газет. Слушание радиопередач. Участие в работе кружков и клубов. Встречи с эсперантистами у нас в стране и на международных молодежных конгрессах за рубежом. Но самое первое и интересное, с чего начинают все после овладения основами языка,— это переписка. Переписка со своими сверстниками. Нет такого уголка на планете, где бы не жили эсперантисты.

В наш клуб приходят письма из Польши и Бразилии, Аргентины и Кубы, Японии и Франции, Швеции и Соединенных Штатов Америки... Представляете, как здорово: выучил один-единственный язык — и пиши и получай письма со всего света!

Для детей издается специальный журнал «Юна амико», что значит «Юный друг». В нем вы можете прочитать о жизни ваших сверстников из разных стран, найти адреса для переписки, а также поместить свой адрес.

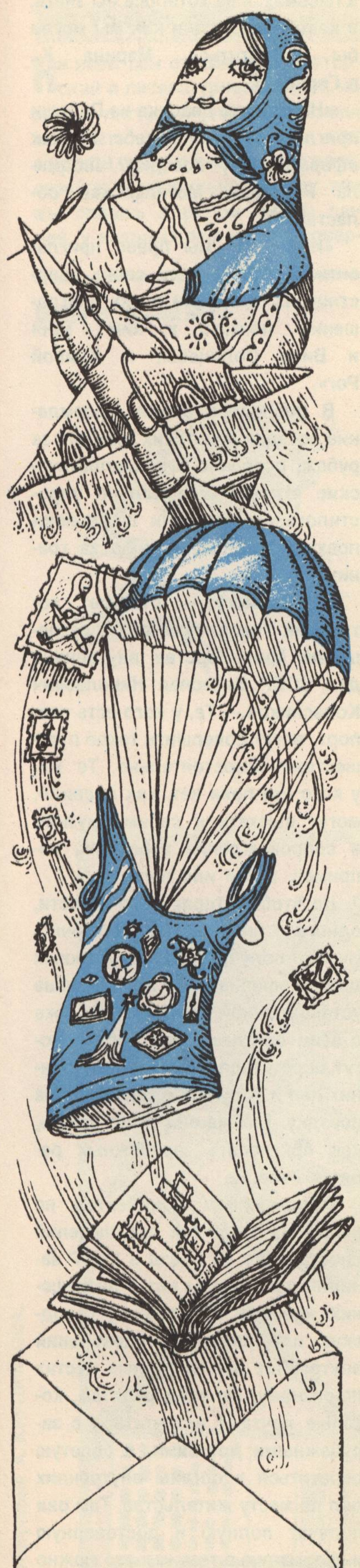
В поисках друзей вам поможет и наше Общество эсперантистов. И хотя оно называется уральским, мы не замыкаемся в своем регионе. Мы готовы ответить каждому, кто обратится к нам. У нас давно работают заочные курсы по изучению эсперанто. Кроме того, мы поддерживаем связи с юными эсперантистами, которые занимаются в кружках при школах и во дворцах пионеров в разных городах страны.

Вы заинтересовались эсперанто? Если да, пишите нам по адресу: 620077, г. Свердловск-77, аб. ящик 67, ЭСПЕРАНТО.

Ждем ваших писем, ребята, и рады вам помочь.

В. КУДРЯВЦЕВ,
член Общества
уральских эсперантистов.

Общество уральских эсперантистов не единственное в нашей стране. В Латвии, например, существует Всесоюзное общество инвалидов-эсперантистов «Конкордо», что значит «Согласие». Здесь

тоже есть заочные курсы эсперанто. Инвалиды и школьники могут обучаться бесплатно. Более подробную информацию об этом обществе вы получите, если напишете письмо по адресу: 229910, Латвийская ССР, г. Вентспилс, ул. Рудзутака, 27, кв. 11, «Конкордо». Не забудьте приложить к письму конверт со своим адресом.

ПОЧТА «ПЛАНЕТЫ ДЕТЕЙ»

Матрешки, значки, монеты...

«Я узнала, что за рубеж нельзя отсылать изделия из дерева и хлопчатобумажные изделия, а также шоколадки, конфеты, пряники и др. Можно ли посылать салфетки? Н. Марушкина, Тульская область».

«Я коллекционирую монеты. Можно обмениваться монетами или нет? Сергей Бабенко, Ростовская область».

Подобных писем в почте «Планеты детей» немало. Поэтому мы попросили ответить ребятам дежурного администратора Московского международного почтамта Елену Вадимовну Бушуеву.

— Раньше действительно не разрешалось пересылать за рубеж предметы народно-художественного промысла из дерева,— сказала Елена Вадимовна.— Видимо, и сейчас кое-где руководствуются старыми инструкциями. Но эти запреты давно сняты. И сейчас ребята могут послать своим друзьям в других странах матрешки, ложки, иные мелкие сувениры из дерева. Можно пересылать галстуки, различные значки. А вот что касается хлопчатобумажных и льняных изделий, то здесь есть существенные ограничения. Так, салфетки, скатерти, блузки отправлять за рубеж не разрешается. А вот если ребята, скажем, сами изготовят льняной фартук, пожалуйста, такой сувенир будет пропущен.

О продуктах питания. Прежде можно было посылать кондитерские изделия. Однако с 15 сентября 1989 года Советом Министров СССР введен полный запрет на вывоз, а значит, и на пересылку за границу продовольственных товаров.

Юных нумизматов, наверное, это огорчит, но ни в письмах, ни в бандеролях отправлять за рубеж советские денежные знаки и монеты, даже копейки, не разрешается.

Можно ли обмениваться марками?

Этот вопрос также волнует многих наших читателей.

Еще не так давно ответ был один: нельзя! Но примерно год назад Министерство связи СССР разрешило обмен почтовыми марками членам клубов юных филателистов. Но эта мера удовлетворила далеко не всех. Ведь тысячи школьников живут в селах и небольших поселках, где таких клубов нет. А им как быть? И тогда

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

ва, если пятнадцать лет назад выпускник школы-медалист проваливался на вступительных экзаменах в вуз — это было ЧП, а сегодня это — обычное явление.

Проверка одного из педагогических вузов показала: 80% его выпускников не могут решить обычную математическую контрольную для десятиклассников.

Расходы на образование в США в 1985 году были в 6 раз выше, чем в СССР.

Квадратный метр общественного здания в среднем у нас по стране стоит 250 рублей, квадратный метр школы — 37 рублей.

По последним данным, лишь 14 процентов дневных общеобразовательных школ имеют компьютерные кабинеты.

Выпуск подготовила Т. ВОЛОШИНА.

Министерство решило пойти навстречу пожеланиям и этих ребят.

Как сообщил нам заместитель начальника издательско-торгового центра «Марка» Министерства связи СССР Александр Иванович Орлов, члены клубов юных филателистов могут посылать марки за границу в конвертах, на которых ставится штамп клуба и подпись руководителя кружка, в котором они занимаются.

Те же, кто не имеет возможности посещать подобный клуб, посылают марки без особых отметок. Но на конверте надо написать: «Юношеский филателистический обмен».

При этом необходимо соблюдать два условия: в одном конверте можно послать не более двадцати гашеных марок, и все они должны быть выпущены после 1960 года.

На каникулы — к друзьям

«Несколько лет я переписываюсь с девочкой из ГДР. Мы многое знаем друг о друге. Но ведь обо всем не напишешь

Эми. На ее страницах живут сказки. Все, как полагается: замок, принцесса, волшебник, дракон, герой... А небо на картинках даже в «злых» сказках синее. Может, потому, что жители Фудзисавы хотят лишь мирного неба для себя и для других. Муниципалитет города объявил его безъядерной зоной. А там, где раньше находился военный аэродром, теперь возведен Центр просвещения.

В. КУКОВЯКИН

«Эсперанто» значит «надеющийся»

«Сколько времени и трудов тратится на изучение чужих

в письмах. Мне хотелось бы знать, в каком возрасте и как мы могли бы встретиться. Марина К., г. Горький».

«Не раз уже девочка из Польши приглашала меня к себе. Но как оформить эту поездку? Людмила Рыжкова, Могилевская область».

«Имеем ли мы право пригласить к себе в гости своих сверстниц из ЧССР или по их приглашению поехать к ним? Таня и Вика Солнцевы, г. Кривой Рог».

В последнее время оформление поездок советских граждан за рубеж, особенно в социалистические страны, значительно упростилось. А могут ли школьники поехать по приглашению за границу?

— Да, могут,— отвечает сотрудник Управления виз и разрешений Министерства внутренних дел СССР Вячеслав Николаевич Колесников.— Те, у кого есть паспорт, могут совершить такое путешествие самостоятельно. Те же, у кого его пока нет, как правило, могут выехать к своим друзьям в сопровождении взрослых, например, мамы или папы.

Но чтобы отправиться в гости, одного письма недостаточно. Нужно получить от зарубежных друзей официальное приглашение установленной формы. И уже с этим приглашением ребята могут обратиться в органы внутренних дел и получить разрешение на поездку. Там же они могут узнать, как пригласить зарубежных ребят к себе.

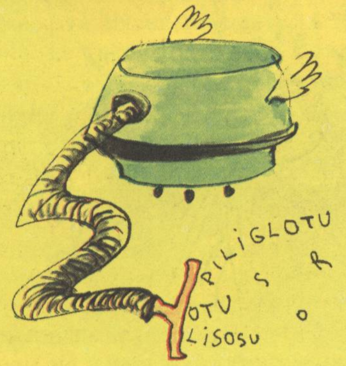
Оформлением документов на выезд из страны и приглашений иностранцам на въезд в СССР занимаются службы виз и разрешений краевых, областных, городских или районных управлений внутренних дел. В разных местах по-разному. Но всем ребятам, которые мечтают встретиться с зарубежными друзьями, я советую обратиться в органы внутренних дел по месту жительства. Там они получат полную и достоверную информацию о том, как это можно осуществить.

ИЗ РУССКОЙ СТАРИНЫ

Не всем дан от природы ораторский и литературный талант, но все культурные люди обязаны выражать свои мысли, как в устной, так и в письменной речи, стройно и правильно. Между тем мы сплошь и рядом видим людей, у которых это умение совершенно отсутствует... Мы все еще видим, что из средней школы выходит масса молодежи, совершенно не умеющей излагать свои мысли, не умеющей писать не только литературно, но даже просто, логично и грамотно. В лучших же случаях молодые люди, покидающие школьную скамью, умеют написать какое-нибудь «сочинение» на заданную тему, но не в состоянии написать грамотно простого письма или изобразить в кратком письме какой-нибудь факт, сообщить мнение, взгляд.

«Задушевное слово», 1884 г.

ПОДАРОК ПОЛИГЛОТУ

Voici une réponse d'un écolier.

— Napoléon pouvait dicter plusieurs lettres à la fois : c'était un dictateur.

* * *

— Mom, I have a stomach-ache, — said Peggy, a girl of five.

— That's because you haven't had any lunch yet, — answered Peggy's mother. — Your stomach is empty. You would feel better if you had something in it.

That afternoon a friend of the family called on them. He remarked that he was having a terrible headache.

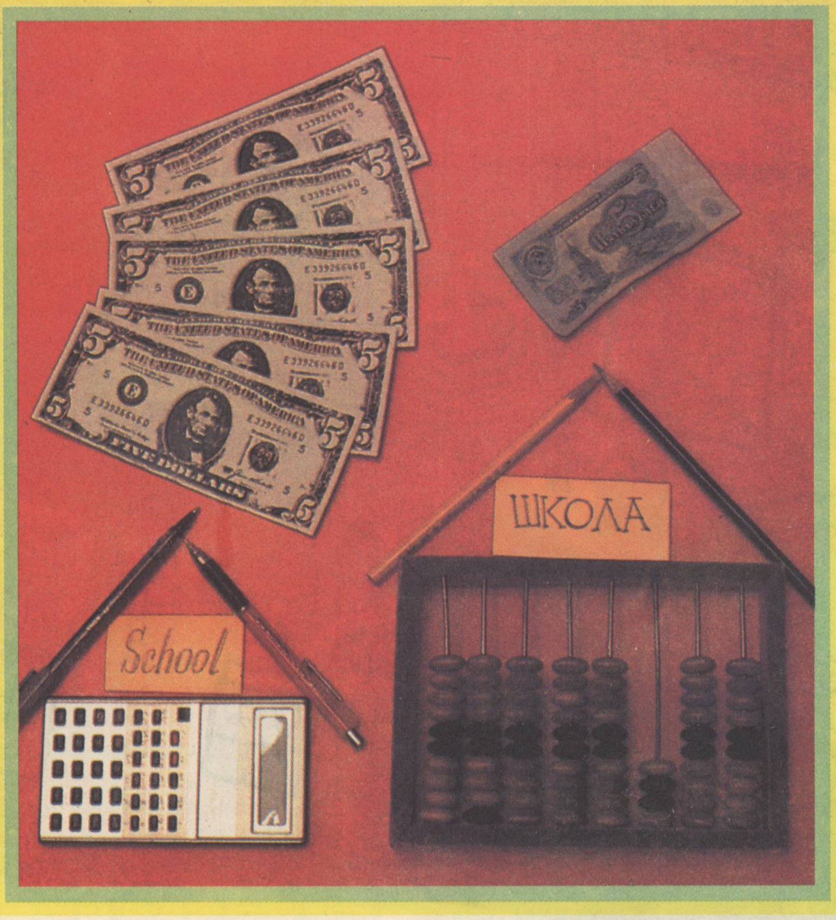
— That's because it's empty, — said Peggy, — you'd feel better if you had something in it.

* * *

„Worauf führen sie es zurück, daß sie das stolze Alter von 100 Jahren erreicht haben?“

„Vor allem darauf, daß ich 1890 geboren wurde!“

НАРОДНЫМ ДЕПУТАТАМ 2000 ГОДА

Фотография А. КРУПНИКОВА.

В конце пятидесятых годов наша страна была третьей в мире по уровню образования после США и Канады. В 1985 году мы занимали 42-е место, сегодня мы — в конце пятого десятка.

По мнению народного депутата СССР декана факультета теоретической физики МИФИ В. Н. Беляева, если пятнадцать лет назад выпускник школы-медалист проваливался на вступительных экзаменах в вуз — это было ЧП, а сегодня это — обычное явление.

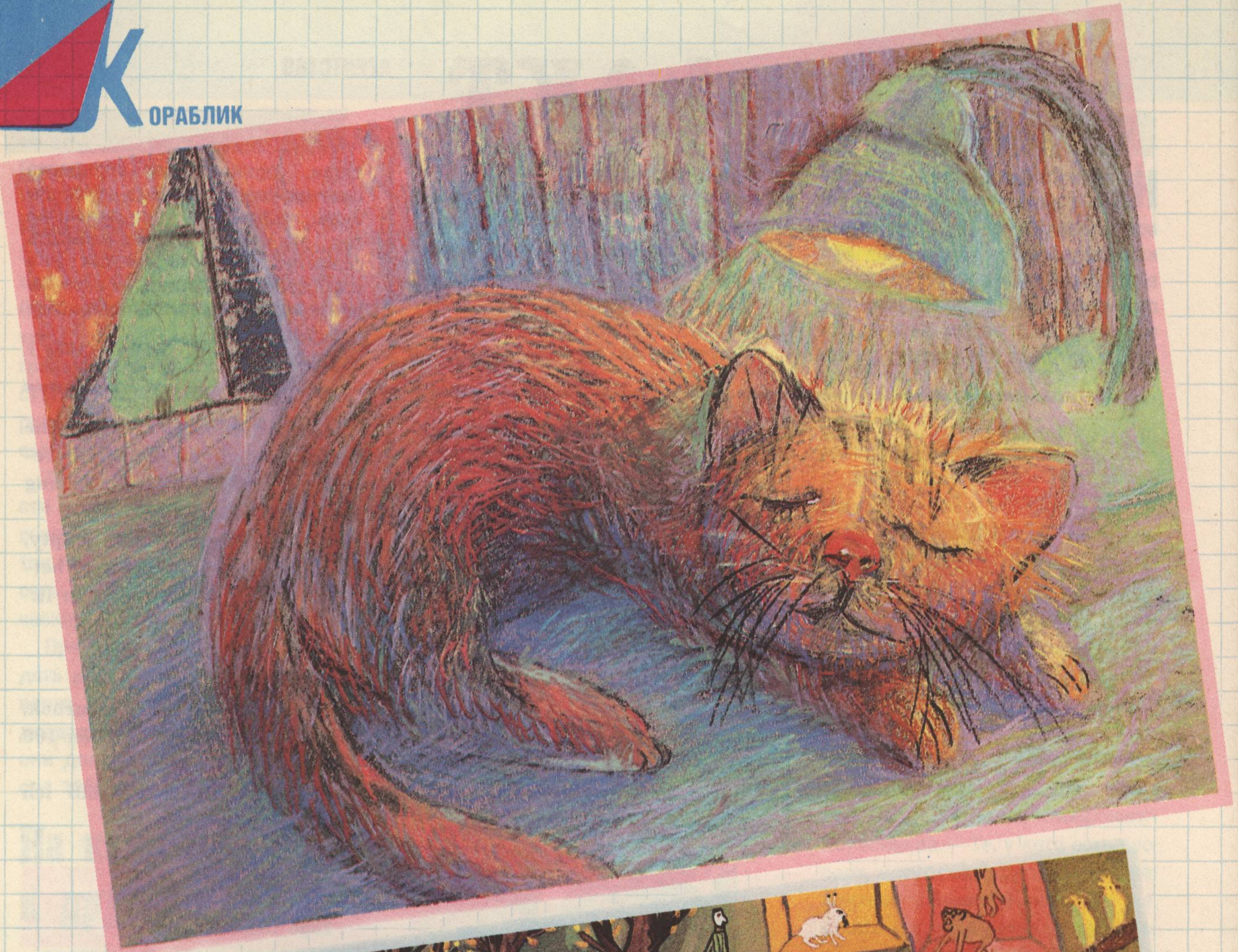
Проверка одного из педагогических вузов показала: 80% его выпускников не могут решить обычную математическую контрольную для десятиклассников.

Расходы на образование в США в 1985 году были в 6 раз выше, чем в СССР.

Квадратный метр общественного здания в среднем у нас по стране стоит 250 рублей, квадратный метр школы — 37 рублей.

По последним данным, лишь 14 процентов дневных общеобразовательных школ имеют компьютерные кабинеты.

Выпуск подготовила Т. ВОЛОШИНА.

Рассказ Ильи ШЕРСТОБИТОВА, восьмиклассника московской школы № 1088.

Мамина фейхоа

Однажды, в последнее воскресенье зимних каникул, мы с мамой вспомнили про один очень странный и чудесный рынок — Птичий рынок. И решили зайти туда.

— Смотрите! — сказал папа, провожая нас.— Прита́щите собаку — домой не пущу! — И предусмотрительно выдал нам пять рублей плюс мелочь на дорогу.

— Ну что ты! — ответила мама.— У нас квартира и так тесная, даже гостя положить ночевать негде.— И мы поехали.

— Мам,— спросил я по дороге.— А тебе какие собаки нравятся? Белые, или рыжие, или черные, как наш кот Джонни?

— А я их не по цвету, я их по мордам различаю,— ответила мама.— Вот черный терьер — он симпатию вызывает, а доберман, тоже черный, мне совсем не нравится...

Так мы разговорились, и я понял, что маму уговорить удастся, если что...

А приехали — и в толкучку попали. Идет народ плечом к плечу между рядов с аквариумами. То один поток стоит, пока другой в противоположную сторону движется, то другой закачается, топчась, а другой застынет. Мама смотрела на все широкими глазами: никогда она на «Птичке» столько народу не видела. А кругом рыбки, рыбки — и не пошевелись в сторону: аквариум разобьешь. Совершенно не понимаю, почему этот рынок Птичьим называется, ведь он теперь самый настоящий Рыбный рынок: рыбок там больше всего продают.

Так и прошли мы в потоке мимо рыбок, кормов, всяких крыс, мышей, хомячков. Мы бы мышку или хомячка обязательно купили, но у нас Джонни дома сидит, он такого соседства не потерпит.

Подошли мы к котятам — а там уж толкучка рассосалась, и можно стало передвигаться спокойно, к каждому котенку подойти, погладить, прицениться. Нам не надо, но интересно. Какая-то тетенька белого лохматого котенка шумерской породой называла и за сто рублей продавала, а другая за тридцать точно таких же, но почему-то ангорских.

— Подумать только, как дорого теперь кошки стоят,— удивлялась мама.— Вот я нашего Джонни за рубль купила.

— Ты же сама говорила, что за десятку,— вспомнил я.

— За рубль,— твердо сказала мама.— Ну, еще рубль за голубую ленточку. И восемь за блох пришлось отдать — никуда не денешься, без блох не дают. А вот этого дворянина, может быть, нам за пятерку отдадут? Спроси, сколько стоит.

Спросил я — пятьдесят рублей оказалось. И так грустно нам стало с нашей пятеркой.

— А я и не хочу собаку,— сказала мама.— Я бы черепаху купила. Черепашка — существо тихое, постепенное, сто лет живет и тапочек не грызет.

Но и черепашки нам не по карману оказались, они пятнадцать рублей стоили.

Бродили мы, бродили по Птичьему рынку и набрели на одного старичка, а у него на прилавке маленькие сухие деревца с засохшими плодами на веточках стояли.

— Деревья карликовые, комнатные,— пояснил старичок.— Вот инжир, вот хурма, вот фейхоа... А есть еще земляника домашняя...

Мама как услышала это странное название «фейхоа», ничего уже больше не слышала:

— Фейхоа! Фейхоа!..— воскликнула она.— Я и не мечтала! Это то, что нам надо! Такие ягоды! Сочные, словно мандарины, и ароматные, как земляника!

Купили мы семена фейхоа и домой поехали.

Папа даже не удивился, что мы ничего живого не привезли. А мы с мамой наковыряли во дворе из-под снега чернозема мерзлого и дома семена фейхоа в горшочек высадили, банкой прикрыли, чтоб как в парнике было. На подоконник поставили и ждать стали, когда прорастет.

Ждали день, два, три... Как-то прихожу домой из школы, взглянул на подоконник — а банки нет! Она на полу валяется, земля по всему подоконнику разбросана. Стал я выяснять, в чем дело, и быстро понял, что свежая земля нашему коту Джонни понравилась: он ее за песочек принял.

Собрал я крошки земли обратно в горшок, банкой его прикрыл. Рассказал про Джоннино хулиганство маме, чтобы она не думала, что ее старичок обманул. Мама повздыхала, повздыхала и говорит:

— Подождем еще.

И дождались! Проросла наша мечта! Мелкие росточки, светленькие. Сразу видно, что на шкафу им света не хватает. Пришлось обратно их на подоконник поставить, а Джонни наказать, чтобы с песочком своим землю в горшочке не путал.

Джонни все понял, но фейхоа невзлюбил. Тихо, молча невзлюбил. Не утерпел как-то раз и все ростки съел, словно кролик: мол, что это еще такое, что я обходить на цыпочках должен?!

Но мама уж так загорелась фейхоа вырастить, что снова мы на Птичий рынок поехали, снова старичка отыскали, снова семена купили, приехали домой, посадили. И снова они у нас проросли, и даже от Джонни мы их уберечь смогли. Появилось у нас три маленьких деревца к лету, не крепкие еще, но все же деревца!

А как лето наступило, мама решила фейхоа с собой на дачу везти. Запаковали их крепко. Банку к горшку привязали. А как мы в электричку сели — там такая неразбериха началась! Все на дачу едут, всем надо, а мест не хватает. Вот и разбилась банка, срезало осколками наши фейхоа. Лето прошло. Мы в Москву переехали. Осень началась. Листья пожелтели и опали. Снег пошел. Затосковали мы с мамой по нашему зеленому саду и вспомнили про фейхоа. И снова поехали на Птичий рынок, и снова нашли того странного старичка с карликовыми деревьями да земляникой домашней, и снова купили у него семена.

А когда приехали домой, когда высеяли семена, мама вздохнула:

— Может быть, на старости лет я все-таки отпробую ягоды с нашей фейхоа? Может быть...

Про Даниила Хармса

Это было в Ленинграде. Во вторник 24 января 1928 года публика так и валила в Дом Печати на Фонтанке. Здесь должен был состояться грандиозный вечер обэриу́тов*, который они назвали «Три левых ча́са». Почему «Три... часа»? Потому что первый час обэриуты отводили на чтение своих стихов. Второй — на спектакль по пьесе Даниила Хармса «Елизавета Бам». А третий — на кинофильмы, которые они сами снимали, сами монтировали и сами показывали. А почему «левых»? Потому что так — в отличие от привычного, устоявшегося искусства — именовали в ту пору искусство необычное и новое.

Одним из главных участников этого вечера был, конечно, Даниил Хармс. Уже в первый час он читал свои стихи, сидя на шкафу, который вывозили на сцену. Одно из стихотворений начиналось почти сумасшедшими строчками:

Как-то бабушка махнула,
и тотчас же паровоз
детям подал и сказал:
пейте кашу и сундук.

Публика неистовствовала. Одни бранили поэтов, другие ими восхищались, третьи недоумевали, как всё это можно было допустить и зачем всё это устроено?!.

Хармс был не только автором пьесы «Елизавета Бам», но и одним из ее постановщиков. Свою пьесу он писал в декабре предыдущего, 1927 года. И пьеса была совсем нешуточная. В ней главную героиню, Елизавету Бам, обвиняют в убийстве, которого она не совершала, и приходят арестовывать.

Иными словами, Даниил Хармс, которому к тому времени исполнилось только двадцать два года, был серьезным поэтом и драматургом.

Но тут в Ленинграде захотели издавать новый детский журнал, для которого придумали очень неожиданное названье — «Еж». Скажешь маме или папе: «Беру я в руки „Ежа"...» — они наверняка испугаются!

И вот то ли Самуил Яковлевич Маршак, то ли один из первых редакторов «Ежа» Николай Макарович Олейников позвали в сотрудники журнала нескольких обэриутов — Александра Введенского, Николая Заболоцкого и, конечно, прежде всего — Даниила Ивановича Хармса.

Ах, как это хорошо, что это пришло им в голову! Взрослый писатель, сочиняющий стихи и пьесы, оказался незаменимым сотрудником «Ежа» и очень любимым детьми писателем. Уже в первом номере журнала, который вышел в том же январе 1928 года, Даниил Хармс напечатал рассказ «Озорная пробка» и стихотворение «Иван Иваныч Самовар». Рассказ он подписал своим новым псевдонимом, то есть вымышленным именем, Д. Баш, а стихотворенье — главным своим псевдонимом — Д. Хармс. И с тех пор какие только имена он себе не придумывал в «Еже» и в открывшемся через два года журнале для маленьких «Чиж»! Иван Топорышкин, Писатель Колпаков, Д. Хармс-Шардам, Карл Иванович Шустерлинг... Вы думаете, он только для детей был такой выдумщик? Нет, он и в своих совершенно взрослых рукописях подписывался то Чармс, то Дандан, то Ххармс, то Хормс, то еще как-то еще.

Конечно, это был необыкновенный писатель. Он мог сидеть сочинять какой-нибудь небывалый рассказ или стихотворение, которые хотел бы, чтобы читали взрослые, и тут же взять и написать сказку или стихи для детей. Как это в нем уживалось?!

Однако я меньше всего хочу, чтобы вы подумали, что у этого писателя всё было легко и просто: задумает, напишет и напечатает! Ах, если бы так! Нет, у Даниила Хармса была совсем нелегкая писательская судьба. Его стихи и сказки для детей до поры до времени публиковали очень охотно, а вот то, что он сочинял не для детей, не печатали нигде. Даниил Иванович сознавал, что он обречен на безвестность у своего главного читателя — взрослых, и не предлагал свои стихи, рассказы и пьесы ни в какие редакции. Он знал: их не будут печатать. А писал он взрослые вещи всю свою жизнь. И писал так, как никто еще до него не писал: странно, причудливо и вместе с тем очень жизненно. Это поняли, когда Даниила Хармса уже не было на свете и когда прочли его рукописи.

Но писатель, как известно, пишет для того, чтобы его читали, и Даниил Иванович не мог не читать хотя бы вслух своих произведений — и детям, и своим самым близким друзьям-взрослым.

Писательница Нина Гернет, которая в те же годы, что Хармс, была сотрудницей «Чижа», рассказывала, как Даниил Иванович выступал в детской аудитории. Он выходил на сцену, а зал шумел, бесновался, но через минуту вдруг утихал, хотя Хармс еще не произносил ни слова, он просто стоял и покашливал. Хармс чудесно читал свои детские стихи: «О том, как папа застрелил мне хорька», «Иван Иваныч Самовар», «Врун», «Игра»... «После этого,— вспоминала Гернет,— он мог делать с детьми абсолютно всё, что ему хотелось, они пошли бы за ним в огонь и воду...» Однажды, после «его выступления в пионерском лагере, где довольно долго потом нужно было идти к станции, все его слушатели встали и пошли за ним, как за гаммельнским крысоловом,— до самого поезда, и стояли и смотрели вслед, как он уезжал». Бывало, что Хармс читал детям и свое «взрослое». Мне рассказывали об этом люди, которые знали Хармса. И поэтому пусть вас не удивляет, что рядом с рассказом для детей «О том, как старушка чернила покупала» сегодня в «Пионере» печатаются три «взрослых» рассказа из знаменитого цикла Хармса «Случаи». Я не сомневаюсь, что со временем вы прочтете и другие его «взрослые» рассказы, стихи и пьесы.

Да, жизнь Даниила Хармса была совсем не такой веселой, как может показаться по тем воспоминаниям о писателе, в которых он изображен не только в шутовском наряде, но и этаким шутом среди серьезных людей. В самом начале 30-х годов, когда он был в расцвете сил и с удовольствием писал для детей, его ни за что вдруг арестовали, и он почти год провел в ссылке. А в 1941 году снова был схвачен, посажен и в начале 1942 года умер в тюремной больнице. Ему было отпущено всего 36 лет. Как много, однако, он успел написать и для детей и для взрослых!

Владимир ГЛОЦЕР

---

* Обэриу́ты — члены ОБЭРИУ (Объединения Реального Искусства). *(Ред.)*

ДАНИИЛ ХАРМС

О ТОМ, КАК СТАРУШКА чернила покупала

РАССКАЗ

На Кособокой улице, в доме № 17 жила одна старушка. Когда-то жила она вместе со своим мужем и был у нее сын. Но сын вырос большой и уехал, а муж умер, и старушка осталась одна.

Жила она тихо и мирно, чаёк попивала, сыну письма посылала, а больше ничего не делала.

Люди же говорили про старушку, что она с луны свалилась.

Выйдет старушка другой раз летом на двор, посмотрит вокруг и скажет:

— Ах ты, батюшки, куда же это снег делся?

А соседи засмеются и кричат ей:

— Но, виданное ли дело, чтобы снег летом на земле лежал? Ты что, бабка, с луны свалилась, что ли?

Или пойдет старушка в керосинную лавку и спросит:

— Почем у вас французские булки?

Приказчики смеются:

— Да что вы, гражданка, откуда ж у нас французские булки? С луны вы что ли свалились!

Ведь вот какая была старушка!

Была раз погода хорошая, солнечная, на небе ни облачка. На Кособокой улице пыль поднялась. Вышли дворники улицу поливать из брезентовых кишок с медными наконечниками. Льют они воду прямо в пыль, сквозь, навылет. Пыль с водой вместе на землю летит. Вот уж лошади по лужам бегут, и ветер без пыли летит пустой.

Из ворот 17-го дома вышла старушка. В руках у нее зонтик с большой блестящей ручкой, а на голове шляпка с черными блестками.

— Скажите,— кричит она дворнику,— где чернила продаются?

— Что? — кричит дворник.

Старушка ближе:

— Чернила! — кричит.

— Сторонись! — кричит дворник, пуская струю воды.

Старушка влево, и струя влево.

Старушка скорей вправо, и струя за ней.

— Ты что,— кричит дворник,— с луны свалилась, видишь, я улицу поливаю!

Старушка только зонтиком махнула и дальше пошла.

Пришла старушка на рынок, смотрит: стоит какой-то парень и продает судака большого и сочного, длиной с руку, толщиной с ногу. Подкинул он рыбу на руках, потом взял одной рукой за нос, покачал, покачал и выпустил, но упасть не дал, а ловко поймал другой рукой за хвост и поднес старушке.

— Во,— говорит,— за рупь отдам.

— Нет,— говорит старушка,— мне чернила...

А парень ей и договорить не дал.

— Берите,— говорит,— недорого прошу.

— Нет,— говорит старушка,— мне чернила...

А тот опять:

— Берите,— говорит,— в рыбе пять с половиной фунтов весу,— и как бы от усталости взял рыбу в другую руку.

— Нет,— сказала старушка,— мне чернила нужны.

Наконец-то парень расслышал, что говорила ему старушка.

— Чернила? — переспросил он.

— Да, чернила.

— Чернила?

— Чернила.

— А рыбы не нужно?

— Нет.

— Значит, чернила?

— Да.

— Да вы что, с луны, что ли, свалились! — сказал парень.

— Значит, нет у вас чернил,— сказала старушка и дальше пошла.

— Мяса парного пожалуйте! — кричит старушке здоровенный мясник, а сам ножом печёнки кромсает.

— Нет ли у вас чернил? — спросила старушка.

— Чернила! — заревел мясник, таща за ногу свиную тушу.

Старушка скорей подальше от мясника, уж больно он толстый да свирепый, а ей уж торговка кричит:

— Сюда пожалуйте! Пожалуйте сюда!

Старушка подошла к ее ларьку и очки надела. А торговка улыбается и протягивет ей банку с черносливами.

— Пожалуйте,— говорит,— таких нигде не найдете.

Старушка взяла банку с ягодами, повертела ее в руках и обратно положила.

— Мне чернила нужны, а не ягоды,— говорит она.

— Какие чернила — красные или черные? — спросила торговка.

— Черные,— говорит старушка.

— Черных нет,— говорит торговка.

— Ну тогда красные,— говорит старушка.

— И красных нет,— сказала торговка.

— Прощайте,— сказала старушка и пошла.

Вот уж и рынок кончается, а чернил нигде не видать.

Вышла старушка из рынка и пошла по какой-то улице.

Вдруг смотрит — идут друг за дружкой, медленным шагом пятнадцать ослов. На переднем осле сидит верхом человек и держит в руках большущее знамя. На других ослах тоже люди сидят и тоже в руках вывески держат.

«Это что ж такое? — думает старушка.— Должно быть, это теперь на ослах как на трамваях ездят».

— Эй! — крикнула она человеку, сидящему на переднем осле.— Обожди немного. Скажи, где чернила продаются?

А человек на осле не расслышал, видно, что старушка ему сказала, а поднял какую-то трубу с одного конца узкую, а с другого широкую, раструбом. Узкий конец приставил ко рту да как закричит туда, прямо старушке в лицо, да так, что за семь верст услыхать можно:

СПЕШИТЕ УВИДЕТЬ ГАСТРОЛИ ДУРОВА.
В ГОСЦИРКЕ! В ГОСЦИРКЕ!
МОРСКИЕ ЛЬВЫ — ЛЮБИМЦЫ ПУБЛИКИ.
ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ!
БИЛЕТЫ ПРИ ВХОДЕ!

Старушка с испуга даже зонтик уронила. Подняла она зонтик, да от страха руки так дрожали, что зонтик опять упал.

Старушка зонтик подняла, покрепче его в руках зажала да скорей, скорей по дороге, да по панели повернула из одной улицы в другую и вышла на третью, широкую и очень шумную.

Кругом народ куда-то спешит, а на дороге автомобили катят и трамваи грохочут.

Только хотела старушка на другую сторону перейти, вдруг:

— Тарар-арарар-арар-рррр! — автомобиль орет.

Пропустила его старушка, только на дорогу ступила, а ей:

— Эй, берегись! — извозчик кричит.

Пропустила его старушка и скорей на ту сторону побежала. До середины дороги добежала, а тут:

Джен-джен! Динь-динь-динь! — трамвай несется.

Старушка было назад, а сзади:

Пыр-пыр-пыр-пыр! — мотоциклет трещит.

Совсем перепугалась старушка, но хорошо, добрый человек нашелся, схватил он ее за руку и говорит:

— Вы что,— говорит,— будто с луны свалились! Вас же задавить могут.

И потащил старушку на другую сторону.

Отдышалась старушка и только хотела доброго человека о чернилах спросить, оглянулась, а его уж и след простыл.

Пошла старушка дальше, на зонтик опирается, да по сторонам поглядывает, где бы про чернила узнать. А ей навстречу идет старичок с палочкой. Сам старенький и седенький. Подошла к нему старушка и говорит:

— Вы, видать, человек бывалый, не знаете ли, где чернила продаются?

Старичок остановился, поднял голову, подвигал своими морщинками и задумался. Постояв так немного, он полез в карман, достал кисетик, папиросную бумагу и мундштук. Потом медленно свернул папиросу и, вставив ее в мундштук, спрятал кисетик и бумагу обратно и достал спички. Потом закурил папиросу и, спрятав спички, прошамкнул беззубым ртом:

— Шешиши пошаются в макашише.

Старушка ничего не поняла, а старичок пошел дальше.

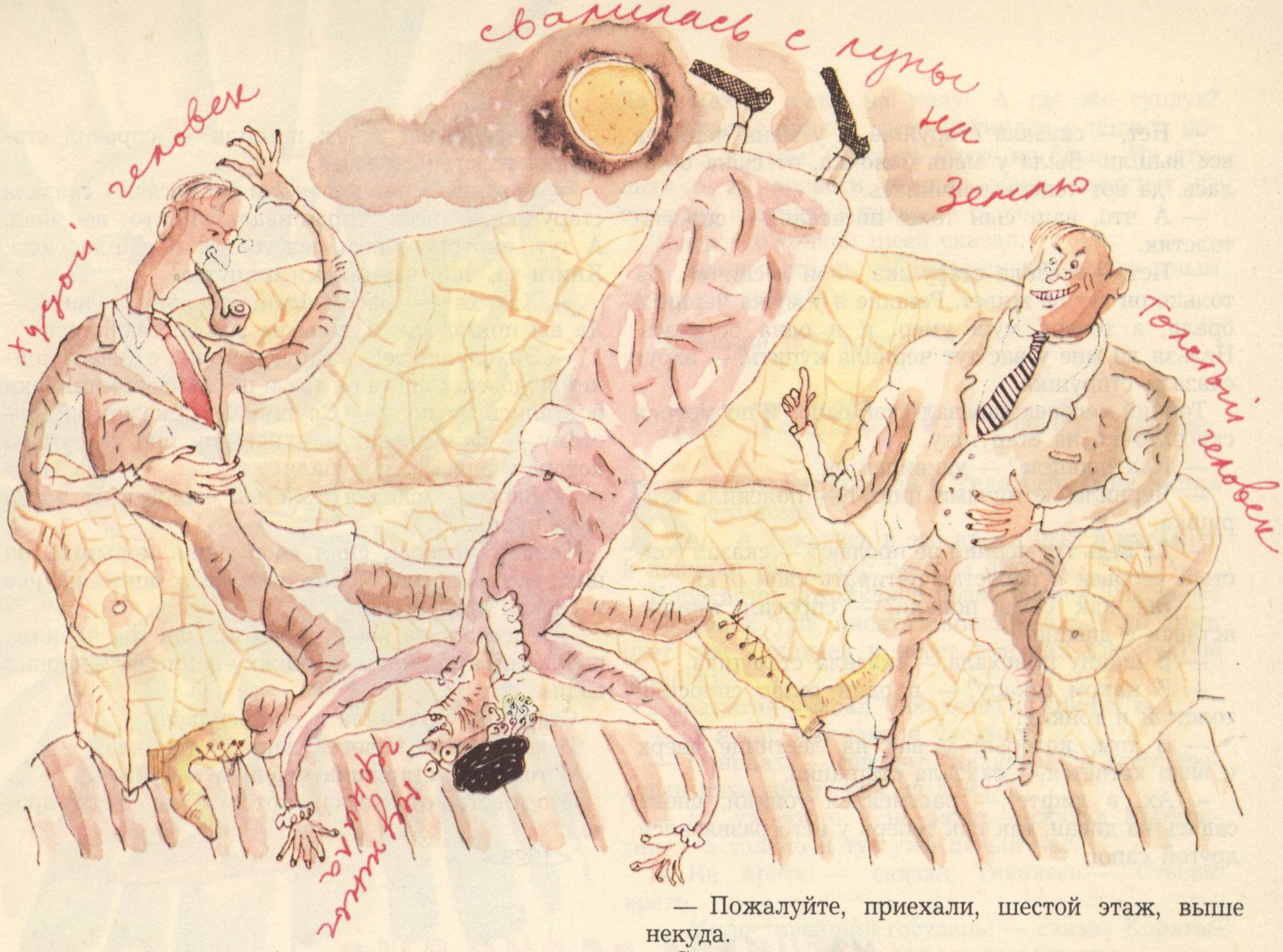
Задумалась старушка.

Чего это никто про чернила толком сказать ничего не может.

Не слыхали они о чернилах никогда, что ли?

И решила старушка в магазин зайти и чернила спросить. Там-то уж знают.

А тут рядом и магазин как раз. Окна боль-

шие, в целую стену. А в окнах всё книги лежат.

«Вот,— думает старушка,— сюда и зайду. Тут уж наверно чернила есть, раз книги лежат. Ведь книги-то, чай, пишутся чернилами».

Подошла она к двери, двери стеклянные и странные какие-то. Толкнула старушка дверь, а ее саму что-то сзади подтолкнуло. Оглянулась, смотрит — на нее другая стеклянная дверь едет.

Старушка вперед, а дверь за ней. Всё вокруг стеклянное и всё кружится. Закружилась у старушки голова, идет она и сама не знает, куда идет. А кругом всё двери, двери, все они кружатся и старушку вперед подталкивают.

Топталась, топталась старушка вокруг чего-то, насилу высвободилась, хорошо еще, что жива осталась.

Смотрит старушка — прямо большие часы стоят и лестница вверх ведет. Около часов стоит человек. Подошла к нему старушка и говорит:

— Где бы мне про чернила узнать?

А тот к ней даже головы не повернул, показал только рукой на какую-то дверку, небольшую, решетчатую.

Старушка приоткрыла дверку, вошла в нее, видит — комната, совсем крохотная, не больше шкафа. А в комнатке стоит человек. Только хотела старушка про чернила его спросить...

Вдруг: дзинь! дджжжиин! — и начал пол вверх подниматься.

Старушка стоит, шевельнуться не смеет, а в груди у нее будто камень расти начал. Стоит она и дышать не может. Сквозь дверку чьи-то руки, ноги и головы мелькают, а вокруг гудит, как швейная машинка. Потом перестало гудеть и дышать легче стало. Кто-то дверку открыл и говорит:

— Пожалуйте, приехали, шестой этаж, выше некуда.

Старушка, совсем как во сне, шагнула куда-то, выше, куда ей показали, а дверка за ней захлопнулась и комнатка-шкапик опять вниз поехала.

Стоит старушка, зонтик в руках держит, а сама отдышаться не может. Стоит она на лестнице, вокруг люди ходят, дверьми хлопают, а старушка стоит и зонтик держит.

Постояла старушка, посмотрела, что кругом делается, и пошла в какую-то дверь.

Попала старушка в большую, светлую комнату. Смотрит — стоят в комнате столики, а за столиками люди сидят. Одни, уткнув носы в бумагу, что-то пишут, а другие стучат на пишущих машинках. Шум стоит будто в кузнице, только в игрушечной.

Направо у стенки диван стоит, на диване сидят толстый человек и тонкий. Толстый что-то рассказывает тонкому и руки потирает, а тонкий согнулся весь, глядит на толстого сквозь очки в светлой оправе, а сам на сапогах шнурки завязывает.

— Да,— говорит толстый,— написал я рассказ о мальчике, который лягушку проглотил. Очень интересный рассказ.

— А я вот ничего выдумать не могу о чем бы написать,— сказал тонкий, продевая шнурок через дырочку.

— А у меня рассказ очень интересный,— сказал толстый человек.— Пришел этот мальчик домой, отец его спрашивает, где он был, а лягушка из живота отвечает: ква-ква! Или в школе: учитель спрашивает мальчика, как по-немецки «с добрым утром», а лягушка отвечает: ква-ква! Учитель ругается, а лягушка: ква-ква-ква! Вот какой смешной рассказ,— сказал толстяк и потер свои руки.

— Вы тоже что-нибудь написали? — спросил он старушку.

— Нет,— сказала старушка,— у меня чернила все вышли. Была у меня баночка, от сына осталась, да вот теперь кончилась.

— А что, ваш сын тоже писатель? — спросил толстяк.

— Нет,— сказала старушка,— он лесничий. Да только он тут не живет. Раньше я у мужа чернила брала, а теперь муж умер, и я одна осталась. Нельзя ли мне у вас тут чернила купить? — вдруг сказала старушка.

Тонкий человек завязал свой сапог и посмотрел сквозь очки на старушку.

— Как чернила? — удивился он.

— Чернила, которыми пишут,— пояснила старушка.

— Да ведь тут чернил не продают,— сказал толстый человек и перестал потирать свои руки.

— Вы как сюда попали? — спросил тонкий, вставая с дивана.

— В шкапу приехала,— сказала старушка.

— В каком шкапу? — в один голос спросили толстый и тонкий.

— В том, который у вас на лестнице вверх и вниз катается,— сказала старушка.

— Ах, в лифте!— рассмеялся тонкий, снова садясь на диван, так как теперь у него развязался другой сапог.

— А сюда вы зачем пришли? — спросил старушку толстый человек.

— А я нигде чернил найти не могла,— сказала старушка,— всех спрашивала, никто не знал. А тут, смотрю, книги лежат, вот и зашла сюда. Книги-то, чай, чернилами пишутся!

— Ха, ха! — рассмеялся толстый человек.— Да вы прямо как с луны на землю свалились!

— Эй, слушайте! — вдруг вскочил с дивана тонкий человек. Сапога он так и не завязал, и шнурки болтались по полу.— Слушайте,— сказал он толстому,— да ведь вот я и напишу про старушку, которая чернила покупала.

— Верно,— сказал толстый человек и потер свои руки.

Тонкий человек снял свои очки, подышал на них, вытер носовым платком, одел опять на нос и сказал старушке:

— Расскажите вы нам о том, как вы чернила покупали, а мы про вас книжку напишем и чернил дадим.

Старушка подумала и согласилась.

И вот тонкий человек написал рассказ:

О том, как старушка чернила покупала.

Это и есть тот рассказ, который ты сейчас прочел.

<1928>

из цикла «Случаи»

Столяр Кушаков

Жил-был столяр. Звали его Кушаков.

Однажды вышел он из дома и пошел в лавочку, купить столярного клея.

Была оттепель, и на улице было очень скользко.

Столяр прошел несколько шагов, поскользнулся, упал и расшиб себе лоб.

— Эх! — сказал столяр, встал, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил себе лоб.

Но когда он вышел на улицу и сделал несколько шагов, он опять поскользнулся, упал и расшиб себе нос.

— Фу! — сказал столяр, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил пластырем себе нос.

Потом он опять вышел на улицу, опять поскользнулся, упал и расшиб себе щеку.

Пришлось опять пойти в аптеку и заклеить пластырем щеку.

— Вот что,— сказал столяру аптекарь,— вы так часто падаете и расшибаетесь, что я советую вам купить пластырей несколько штук.

— Нет,— сказал столяр,— больше не упаду!

Но когда он вышел на улицу, то опять поскользнулся, упал и расшиб себе подбородок.

— Паршивая гололедица! — закричал столяр и опять побежал в аптеку.

— Ну вот видите,— сказал аптекарь.— Вот вы опять упали.

— Нет! — закричал столяр.— Ничего слышать не хочу! Давайте скорее пластырь!

Аптекарь дал пластырь; столяр заклеил себе подбородок и побежал домой.

А дома его не узнали и не пустили в квартиру.

— Я столяр Кушаков! — кричал столяр.

— Рассказывай! — отвечали из квартиры и заперли дверь на крюк и на цепочку.

Столяр Кушаков постоял на лестнице, плюнул и пошел на улицу.

сундук

Человек с тонкой шеей забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться.

— Вот,— говорил, задыхаясь, человек с тонкой шеей,— я задыхаюсь в сундуке, потому что у меня тонкая шея. Крышка сундука закрыта и не пускает ко мне воздуха. Я буду задыхаться, но крышку сундука все равно не открою. Постепенно я буду умирать. Я увижу борьбу жизни и смерти. Бой произойдет неестественный, при равных шансах, потому что естественно побеждает смерть, а жизнь, обреченная на смерть, только тщетно борется с врагом, до последней минуты не теряя напрасной надежды. В этой же борьбе, которая произойдет сейчас, жизнь будет знать способ своей победы: для этого жизни надо заставить мои руки открыть крышку сундука. Посмотрим: кто кого? Только вот ужасно пахнет нафталином. Если победит жизнь, я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой... Вот началось: я больше не могу дышать. Я погиб, это ясно! Мне уже нет спасения! И ничего возвышенного нет в моей голове. Я задыхаюсь!..

Ой! Что же это такое? Сейчас что-то произошло, но я не могу понять, что именно. Я что-то видел или что-то слышал...

Ой! Опять что-то произошло! Боже мой! Мне нечем дышать. Я, кажется, умираю...

А это еще что такое? Почему я пою? Кажется, у меня болит шея... Но где же сундук? Почему я вижу все, что находится у меня в комнате? Да никак я лежу на полу! А где же сундук?

Человек с тонкой шеей поднялся с пола и посмотрел кругом. Сундука нигде не было. На стульях и на кровати лежали вещи, вынутые из сундука, а сундука нигде не было.

Человек с тонкой шеей сказал:

— Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом.

30 января 1937 года.

что теперь продают в магазинах

Коратыгин пришел к Тикакееву и не застал его дома.

А Тикакеев в это время был в магазине и покупал там сахар, мясо и огурцы.

Коратыгин потолкался возле дверей Тикакеева и собрался уже писать записку, вдруг смотрит, идет сам Тикакеев и несет в руках клеёнчатую кошёлку.

Коратыгин увидал Тикакеева и кричит ему:

— А я вас уже целый час жду!

— Неправда,— говорит Тикакеев,— я всего двадцать пять минут как из дома.

— Ну уж этого я не знаю,— сказал Коратыгин,— а только я тут уже целый час.

— Не врите! — сказал Тикакеев.— Стыдно врать.

— Милостивейший государь! — сказал Коратыгин.— Потрудитесь выбирать выражения.

— Я считаю...— начал было Тикакеев, но его перебил Коратыгин:

— Если вы считаете...— сказал он. Но тут Коратыгина перебил Тикакеев и сказал:

— Сам-то ты хорош!

Эти слова так взбесили Корытагина, что он зажал пальцем одну ноздрю, а другой ноздрей сморкнулся в Тикакеева.

Тогда Тикакеев выхватил из кошёлки самый большой огурец и ударил им Коратыгина по голове.

Коратыгин схватился руками за голову, упал и умер.

Вот какие большие огурцы продают теперь в магазинах!

19 авг<уста> 1936.

Подготовил к печати Владимир ГЛОЦЕР.

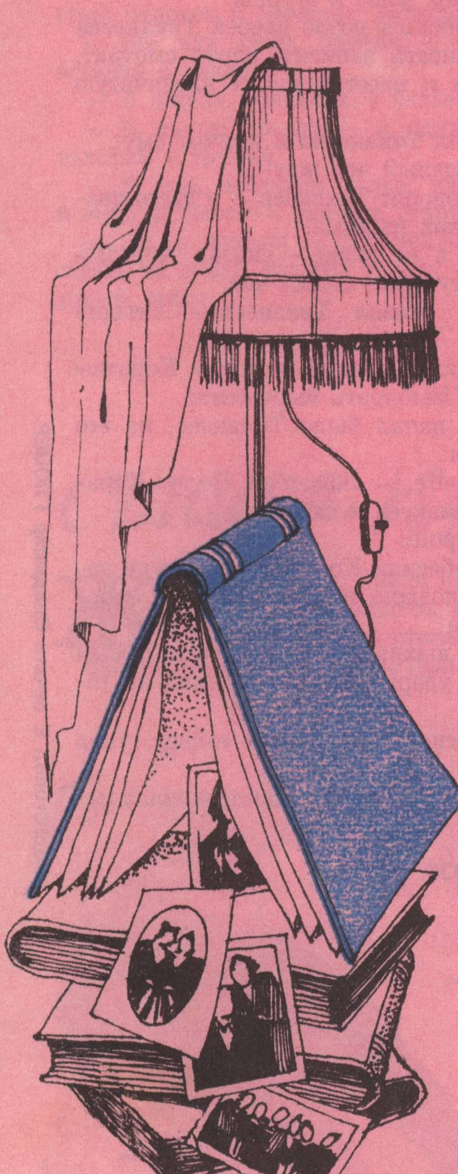
ЗЕЛ СВЯЗИ

В ЗАЩИТУ НЕПРАВОГО ПАПЫ

«Пионер»! Хочу уйти из дома: насмерть поругалась с папой. Дело было так. Мой друг попал в больницу с аппендицитом. Я ему носила книжки. Однажды решила подарить свою фотографию из семейного альбома. Подарила. А папа раскричался, заставил меня вернуть фотографию.

Ну, вот. Я поссорилась с другом, не разговариваю с отцом. И все из-за какого-то дурацкого семейного альбома. Кому он нужен в наше время?

Таня Ш., 12 лет, г. Курск».

Конечно же, Таня, папа не прав: нельзя кричать, даже если случилось что-то очень обидное. Но я хочу все-таки встать на защиту неправого папы и попытаться объяснить тебе, почему вы поссорились...

Папа, как орел, оберегал семейный альбом.

«Ха-ха! — скажешь ты.— Сентиментальности-слюнявости! Кучка фотографий на картонках!»

Нет, не кучка фотографий, а знамя семьи, ее правдивое зеркало, летопись семейной жизни. Обычно такие альбомы собираются не одним поколением: от деда переходят к отцу, от отца — к дочери, сыну...

В праздники, когда все в сборе (дедки, бабки, дяди, тети, племянники, племянницы, кумы, кумовья и так далее), альбом извлекается из недр письменного стола или шкафа. Торжественно извлекается.

Альбом плывет, как корабль, прибывающий в родную гавань, по рукам присутствующих. Шелестят его видавшие виды страницы — корабельные паруса, да и только! — похрустывает переплет.

То и дело слышны возгласы, вопросы: «Так это баба Маня в первую мировую войну? Какая красавица! А это Дмитрий Сергеевич — на пенсии? Нет? Александр Сергеевич? Как похожи!»

За праздничным столом начинают вспоминать, рассказывать. И ты вдруг узнаешь, что твоя родня — не хухры-мухры! — а героическая, и боевая, и передовики труда, и... Одним словом, историческая твоя родня!

Собирание же семейного альбома — большое искусство. Тут нужны любовь, тепло, сердечность, терпение и уважение к своей собственной семье.

Так что папа твой, Таня, не вражина злющая-презлющая, а человек большой души, хранитель домашнего очага, и ты прости его за крик, за несдержанность.

Не стоит из-за пустяков удариться в бега. Бежать из дома. Это вовсе не борьба за справедливость, а эгоистическое ребячество. Лучше сядь, Таня, вместе с папой после ужина под уютную лампу и откройте семейный альбом. Честное слово, ты узнаешь много нового, интересного, и в вашем доме восстановится мир.

А У ВАС, ЧИТАТЕЛИ, ДОЧИТАВШИЕ ДО КОНЦА НАШУ ЗАМЕТКУ, ЕСТЬ ДОМА СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ? ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ИСТОРИЮ СВОЕЙ РОДНИ?

По «Узлу связи» дежурила
И. СИДОРОВА.

ЛОТЕРЕЯ «УЗЛА СВЯЗИ»!

Нет ничего проще получить очень интересную книгу.

ОТГАДАЙ, СКОЛЬКО ПИСЕМ В МАРТЕ ПОЛУЧИТ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР», ЕСЛИ В МАРТЕ ПРОШЛОГО ГОДА ОНА ПОЛУЧИЛА 5202 ПИСЬМА?

Свой ответ присылай только на почтовой открытке! Не забудь написать на ней девиз — «Лотерея «Узла связи».

Рисунок К. ЯСИНСКОЙ.

Эдуард УСПЕНСКИЙ

КРАСНАЯ РУКА, ЧЕРНАЯ ПРОСТЫНЯ, ЗЕЛЕНЫЕ ПАЛЬЦЫ

(СТРАШНАЯ ПОВЕСТЬ ДЛЯ БЕССТРАШНЫХ ШКОЛЬНИКОВ)

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО

Продолжение. Начало в № 2.

В одном пионерском лагере начинают происходить странные вещи. Летает какая-то Красная Рука, а может, и не летает, но странные-то вещи происходят! За расследование разных странностей берется юрист-практикант Виктор Рахманин. Он обращается через «Пионерскую зорьку» к ребятам с просьбой рассказать об известных им таинственных случаях. Он получает много писем. Одно из них приводит Виктора в Кирекшанский детский дом. Дети рассказывают практиканту массу новых страшных историй.

— В одном городе жила девочка. У нее была бабушка. Когда бабушка умирала, она сказала девочке: «Не включайте старую зеленую пластинку». Она закрыла глаза и умерла, и ее похоронили. Мама тоже говорила девочке: «Смотри, не включай зеленую пластинку». А девочке нетерпелось, и она все-таки включила пластинку, когда дома никого не было. И страшный голос запел:

«Бегут, бегут по стенке
Зеленые Глаза...
Сейчас девочку задушат,
Да, да, да...»

Девочка услышала звонок в дверь и выключила пластинку. В квартиру вошла мать девочки. У матери не было одной руки. На следующий день девочка снова поставила пластинку, и ее мама вошла без двух рук.

— Ничего себе! — сказал Рахманин.— Освенцим какой-то!

А мальчик продолжал:

— Потом мама пришла без одной ноги. А затем и без двух ног. Когда она пришла последний раз, то она сказала: «Ты меня погубила, и сама тоже погибнешь. Не ставь пластинку». Но девочка не послушала мать и снова завела пластинку. Не успела пластинка пропеть несколько слов, как раздался звонок в дверь. Девочка заглянула в глазок, но никого не увидела. Девочка все же открыла дверь, прямо перед ней стояли огромные от пола до потолка Зеленые Глаза. Они сказали: «Ты не послушала мать и погибнешь сама». И Глаза задушили девочку.

В комнате висела гробовая тишина.

— Интересно,— спросил Рахманин,— а чем они ее задушили?

— Не знаю,— сказал мальчик.— Наверное, руками.

— Есть такое выражение: «штучка с ручкой» — рискнул сказать Рахманин.— Но чтобы глаза были с ручками!

— А может, они ее гипнозом задушили,— сказала девочка с первого ряда.— Ведь такое может быть?

— Может быть,— согласился Рахманин.— А как они на кнопку нажимали, тоже гипнозом?

Никто ему на это не ответил, но история все равно не показалась Рахманину глупой выдумкой. Что-то за всем этим стояло. Что-то-то-то-то-то...

— А что вы еще знаете из таких же веселых историй?

— Про Женщину с Красным Лицом.

— Расскажите.

Тот же мальчик стал рассказывать. Видно, он был главным хранителем-библиотекарем этих рассказов.

— Одна девочка пошла в магазин покупать перчатки. Ей мама сказала, чтобы она купила любые, только красные не покупала. Когда девочка увиде-

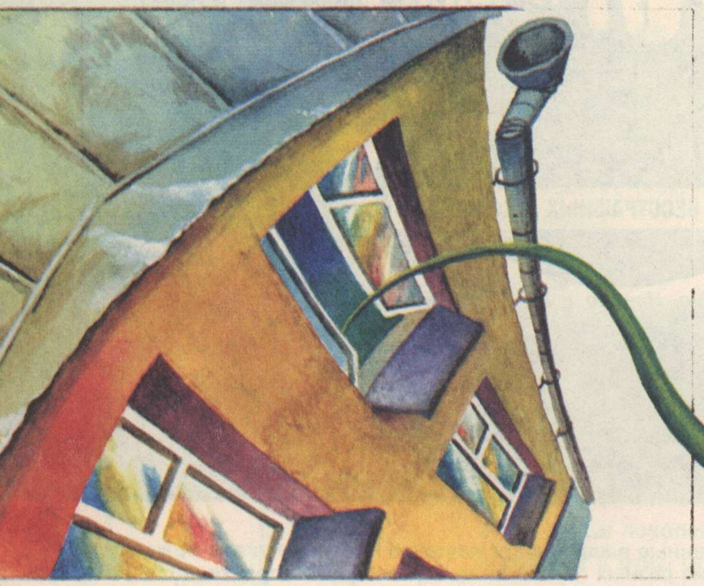
ла в магазине красные перчатки, то они ей понравились, и она их купила.

— И что потом получилось?

— Получилось. Когда она подошла к своему дому, то увидела, что он горит. Приехали пожарные. И они никак не могли погасить пожар. Тут вдруг из-за дерева появилась Женщина с Красным Лицом. Когда ее увидели, все испугались и убежали.

— И пожарные? — спросил Рахманин.

— И пожарные. Девочка одна осталась. Эта женщина сказала, что сможет потушить дом, если девочка потом выполнит одну ее просьбу. Девочка согласилась. Женщина быстро потушила все. По-

том она сказала девочке, чтобы девочка ночью пришла на кладбище и положила на могилу в центре кладбища свои перчатки. Девочка очень испугалась. Но она еще больше боялась не выполнить приказ. Она не знала, что делать.

Слушающие в ужасе замерли. Одна девочка даже лицо руками закрыла. Рахманин решил вмешаться:

— А что же она в нашу славную милицию не пошла? Про которую я вам так много рассказывал.

— Это только у вас в Москве милиция славная,— сказал самый большой мальчик из середины зала.— А у нас она обыкновенная. В нее лучше не ходить.

— Так, понятно,— согласился Рахманин.— Со временем будем укреплять среднее звено... в маленьких городах. И что же было дальше?

Мальчик продолжал:

— И она пошла на кладбище и положила в центре кладбища свои перчатки. Вдруг с одной могилы съехала крышка, и выскочила эта женщина. Она хотела схватить девочку за руку, но девочка побежала. Тогда эта женщина закричала: «Ты просто так от меня не отделаешься! У тебя умрет бабушка!» Девочка пришла домой и увидела, что у нее умерла бабушка.

— Ничего себе! — сказал Рахманин.— А много лет было бабушке?

— Я не знаю,— ответил мальчик.— Только раньше она не умирала, а тут сразу умерла.

— Знаешь что! — сказал Рахманин.— Я двадцать лет на свете живу, а что-то никогда не видел тетенек с красным лицом.

— А я видел! — сказал тот же взрослый мальчик из середины зала.— Когда у нас подсобки горели.

— И мы видели! — сказали девочки из конца зала.

— Если они такие заметные, их давно бы уже всех задержали,— сказал Рахманин.

— А как же их можно задержать, если они на кладбище живут? — спросил черненький мальчик.

Тут уже Рахманин оторопел и растерялся:

— А почему они? Разве их много?

— А вы дослушайте до конца. Потом, когда хоронили бабушку, девочка опять встретила на кладбище эту женщину. Она снова ей сказала приходить на кладбище. Девочка пришла, и эта Женщина с Красным Лицом и в красных перчатках сказала ей, что этой ночью она умрет.

— А что,— сказал Рахманин,— и пора. Тем более на кладбище живет, хоронить не надо.

— Это не женщина умрет. Это девочка умрет! — закричали напряженные слушатели.— Вы слушайте.

— Девочка пришла домой, легла спать и умерла,— затараторил дальше рассказчик.— Ее похо-

ронили. Она лежит и вдруг видит, что она под землей. Она увидела там свою маму и бабушку и побежала к ним. А потом вдруг заметила, что у них красные лица. И у нее самой тоже было красное лицо. Потом они сами стали приходить к людям, которые покупали красные перчатки.

На этом лекция об успехах московской милиции окончательно завяла. Время было позднее, разговор с детьми Крючковыми надо было перенести на завтра. Александр Павлович Молоко предложил Рахманину переночевать в учительской на диване.

Детский дом. Ночь и утро

Молоко принес Виктору подушку, сдвоенное интернатское одеяло и стакан киселя с двумя кусками серого хлеба:

— Опыт показывает, что ночью есть хочется.

И Рахманин заснул как убитый. Ночью он вдруг проснулся. В комнате что-то происходило. Слышалось шипенье и треск. Рахманин выпил кисель

и попытался понять, что случилось. Комната была красной. Во дворе горел стог сена.

Рахманин стал одеваться. Он с трудом надел носки, ботинки, пиджак. Потом он долго тыкался в разные двери в поисках выхода из здания. Наконец он вырвался на хозяйственный задний двор.

Когда он оказался на месте пожара, там были люди. Они встревоженно стояли вокруг, глядя на огненные вихри и бешеные искры. Слава богу, что искры быстро гасли и не долетали до здания.

Люди стояли группками, двигались, разговаривали. И как-то странно выделялась из всего этого одна женщина неопределенных лет в плаще с красиво уложенными волосами, неподвижно, скульптурно стоявшая в некотором отдалении.

Рахманин решил подойти к ней и заговорить. Он подшагал, стараясь не шуршать травой, и спросил:

— Вы не знаете, отчего загорелось?

— Что? — повернулась она. И Рахманин отпрянул, потому что ее лицо оставалось красным, несмотря на то, что она отворотилась от огня. Она закрыла лицо рукой в красной перчатке и быстро пошла в сторону от пламени и бешеных искр. Кажется, в сторону кладбища.

Утром директор принес Рахманину стакан чая и хлеб с маслом.

— Вы будете разговаривать с детьми Крючковыми? — спросил он.

— Конечно, я ведь для этого приехал,— ответил Рахманин.— Будем говорить.

— Они здесь, за дверью.

— Минуту, я только побреюсь.

Рахманин сразу вспомнил, где его бритва, и сказал директору, что бриться не будет, потому что решил отращивать бороду.

Он позвал ребят. Они вошли и сели на диван, но сидели не сгибаясь, прямо, как на лавке.

— Прочитайте, это, ребята.— Виктор протянул им гранки статьи.

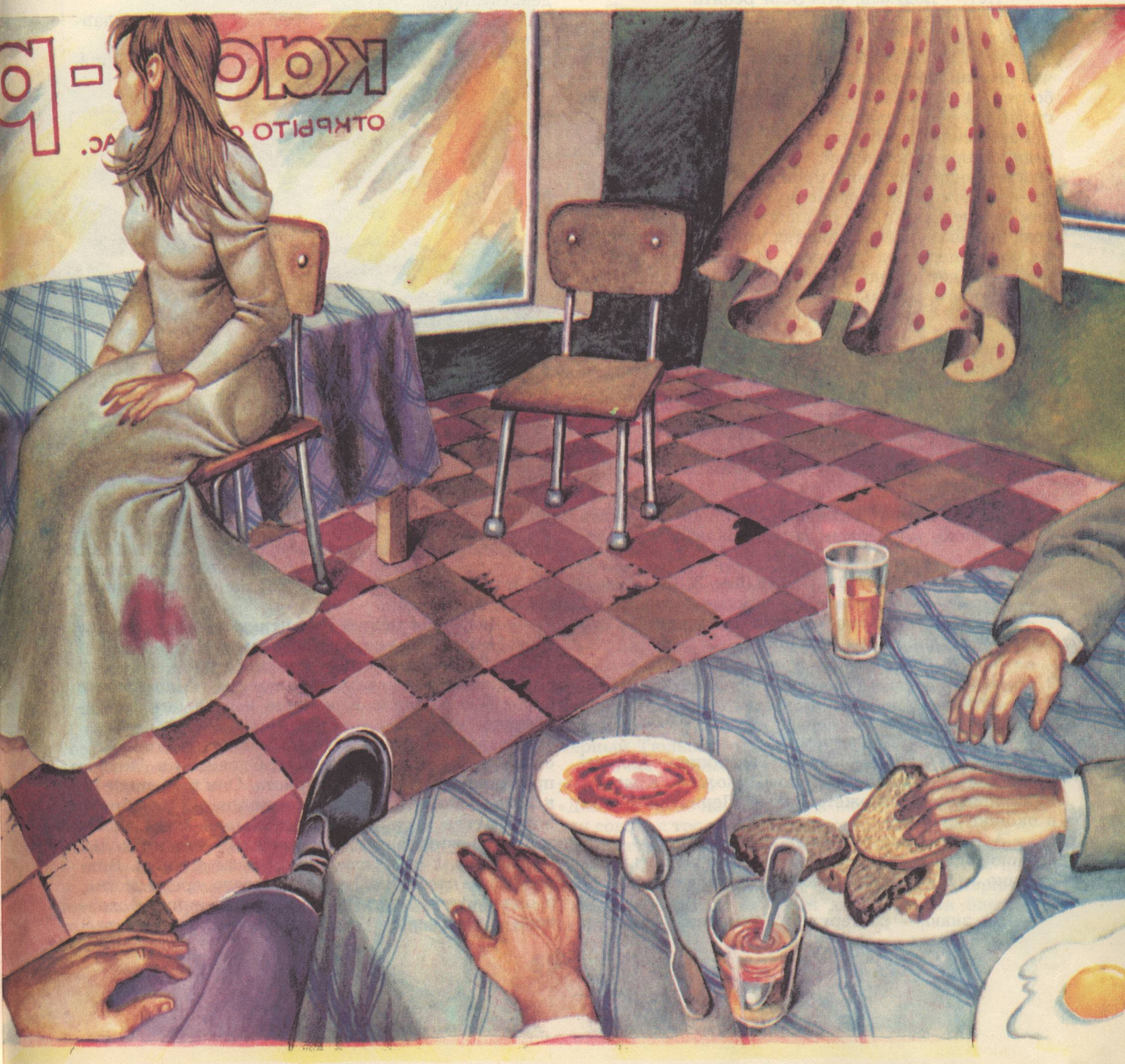
Дети стали читать. Они долго не отрывали глаз от смятой газетной страницы и, казалось, прочитали ее раз двадцать. Видно, им не хотелось начинать разговор.

Рахманин спросил:

— Как вы думаете, можно поймать Красную Руку?

— Нельзя,— сказала девочка.

— Можно,— сказал мальчик.— Надо поставить фотоэлемент с пистолетом.

— Интересная мысль,— сказал Рахманин.— Ты утром проснулся, чтобы на работу идти, поднял голову от подушки, и пистолет как ба-бах тебе прямо в нос.

— Надо фотоэлемент настроить на красный цвет. Человеку ничего, а Руке будет плохо.

— Хорошо,— согласился Рахманин.— А как мы узнаем, что Рука туда придет?

— А там всегда Красное Пятно появляется,— сказал Вася.

— Так, может быть, лучше в Пятно стрелять? — спросил Рахманин.

— Люди пробовали,— ответил Вася.— Не вышло.

— Кто пробовал?

— А как же? Следователь Василенко из милиции и пробовал.

— И что получилось?

— Ничего не получилось. Его задушили, а на стене дырки остались.

— Откуда ты все это знаешь?

— Не знаю... У нас все это знают.

— И ты знаешь? — спросил Рахманин Люсю.

— И я,— кивнула она головой.

— А вы сами Красной Руки не боитесь?

— Нет,— подумав, ответили ребята.

— Я боюсь,— сказал до сих пор молчавший Александр Павлович.

Вот уж этого Рахманин никак не ожидал. И то, что ребята «пострадавшие» от Красной Руки, ее не боятся, а Молоко боится, придавало сказанному странную убедительность.

Рахманин отпустил брата и сестру. И потребовал у директора объяснений.

Александр Павлович провел его в свою комнату — квартиру, расположенную в левом одноэтажном крыле здания. Он подошел к дивану, на котором, очевидно, спал, отдернул угол огромного ковра, висевшего над диваном. И Рахманин увидел ярко-красное пятно в форме черепа, пробивающееся сквозь жухлые обои.

Беседы с капитаном Матвеенко

Матвеенко слушал Рахманина, не перебивая. Все просил рассказывать по два раза. А потом сказал, что хочет хорошенько все обдумать.

— Приходи завтра,— сказал он Виктору.— Покумекаем.

Когда назавтра Рахманин пришел кумекать к Матвеенко, тот первым делом показал ему телеграмму:

«МОЛОКО СКИСЛО. КИРЕКША. ЖДЕМ.»

— Что бы это значило? — спросил Матвеенко.

— Ничего,— угрюмо ответил Рахманин.— Это значит, что директора задушили.

— А кого они ждут?

— Нас.

— Зачем?

— Чтобы задушить.

— А кто давал телеграмму?

— Откуда я знаю,— сказал Рахманин.— Может, Женщина с Красным Лицом. Может, Красная Рука прилетала. Может, Белые Перчатки бланк в окошко сунули.

— А почему же они сюда сами не едут? — настырно задавал свои следовательские вопросы Матвеенко.— Душили бы здесь, не привлекая внимания.

— Не знаю,— растерялся Рахманин.— Может, они застенчивые. Может, они московской милиции боятся. Может быть, дома им стены помогают. Может быть, погода нелетная. Все что угодно может быть.

— А кто у них главный, как ты думаешь?

— Никак не думаю. Может быть, Хозяин Кладбища. Может быть, Зеленый Пистолет.

— Это еще кто такой? Новое действующее лицо?

— Пока еще не действующее. Но скоро задействует.

— Да откуда он взялся?

— Вот отсюда.— Рахманин показал Матвеенко пачку писем, переданную ему из «Пионерской зорьки» за это время.

— Вот и хорошо,— сказал Матвеенко.— Давай-ка приведем наших действующих лиц в систему.

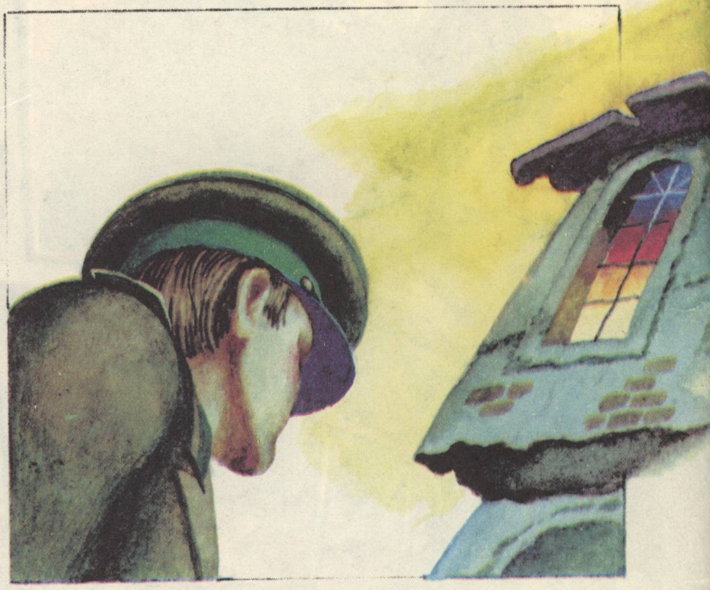
У Матвеенко постоянно звонил телефон. Все о чем-то его спрашивали, чего-то от него хотели. Но он как-то легко по касательной все мимо себя пропускал и, как клещ, держал только одну тему — события в Кирекше, события в Кирекше, и только события в Кирекше.

— Итак, составим список действующих лиц.

— Действующих лиц и их товарищей,— добавил Рахманин.— Потому что целый ряд лиц пока не действует.

— Давай по порядку. Все-таки кто у них главный?

— Не знаю. Скорее всего, Хозяин Кладбища.

Но может быть кто угодно. Тот же самый Человек с Синими Зубами.

— Да у тебя целый паноптикум! — воскликнул Матвеенко.— И все разноцветные. Начнем с Хозяина Кладбища. Что о нем известно?

Рахманин отыскал письмо на «Пионерскую зорьку» о Хозяине Кладбища и стал читать Матвеенко:

«Возле одного английского кладбища стояла гостиница. В ней никто не жил. Однажды в Англию приехали два француза туриста. Они не верили ни в какие ужасы и, узнав о гостинице на кладбище, пошли туда жить. Ночью, открывая окно, чтобы зашел свежий воздух, они увидели, что в проходах между могил светятся два красных огонька. Видно было, что этим глазам надоело среди могил, и они хотят напасть на комнату. Французы схватили револьверы... Послышалось хлопанье кры-

льев... Они стали стрелять... Позвали полицию. Существо убежало. А утром увидели... что мальчишки во дворе стоят около чудовища с крыльями и палками толкают его возле глаз, которые еще светятся... Отдали Хозяина Кладбища на исследование. После исследования им ответили, что чудовище сбежало от генетиков 29 лет назад. Что это очень опасное животное... Клетку человека скрестили с клеткой летучей мыши и оставили в благоприятных условиях. Генетики совсем забыли про клетки, как из ящика, где они лежали, вылетело чудовище, схватило в зубы первого попавшегося человека... («Очевидно, генетика»,— подумал про себя Рахманин)... разбило окно и улетело. И поселилось на кладбище, потому что там спокойно... Но остались другие чудовища, его братья, и они мстят людям, которые с ними борются. Записал историю Берекет Дима, 6-й класс».

— Спасибо,— сказал Матвеенко.— Кто тебе больше всех понравился в этой истории?

— Конечно, французы! — ответил Рахманин.— А вам?

— А мне Берекет Дима, который записал эту историю. Несмотря на то, что эти «хозяева жизни» мстят тем, кто с ними борется. Что еще есть про Хозяина Кладбища?

— Есть другие варианты. Что это умершие люди, которых не принимает земля. Есть даже стихотворная версия.

— Читай.

Рахманин прочел:

— По ночам на кладбище Хозяин
Приготовил мраморный столешник,
Ждет своих начальников на ужин,
Приготовил он кагор кровавый,
Приготовил шпагу и свечу...

— Это уже просто Малый театр,— сказал Матвеенко.— Слишком уж натуралистично. Это, пожалуй, совсем из другой серии. А что это за Зеленый Пистолет?

Рахманин вытащил из папки письмо:

— «В одной деревне жил мальчик. Один раз мальчик пошел гулять и увидел около реки бабушку. Она была одета во все черное и в руках у нее была корзина, накрытая сверху черным платком. Бабушка показалась мальчику подозрительной, и он, чтобы проверить, ведьма она или простая старушка, сунул руки в карманы и сделал фиги. Бабка сразу оглянулась и, чмокая губами, спросила, что ему нужно. От страха мальчик сказал, что в голову пришло: «Я здесь пистолетик потерял. Вот и ищу его». «Вот этот?» — спросила старуха и достала из корзины большой блестящий пистолет. Мальчику так захотелось иметь его, что он тут же соврал: «Да, это мой пистолет». Мальчик взял пистолет. И вдруг бабка вся стала зеленая, и корзинка зеленая, и они постепенно исчезли. Мальчик обрадовался и пошел домой. Идет и пистолетом иногда любуется. А навстречу цыганка шла. Она сказала: «Что это, мальчик, у тебя?» «Вот я пистолетик нашел». «Дай сюда!» — сказала цыганка. Она схватила пистолет и бросила его в речку. И вдруг река в этом месте зашипела и стала зеленой. А у мальчика на всю жизнь остались зеленые ладошки».

— И много у тебя таких историй? — спросил капитан.

— Почему у меня? У всех советских детей. Остановите на улице любого ребенка и спросите: «Знаешь историю про Желтые Шторы?» Он ответит: «Знаю». Или спросите: «Знаешь историю про Черный Тюльпан?» И вам скажут: «Конечно».

— Странно,— сказал Матвеенко,— на глазах у всей страны действует шайка потусторонних душителей и убивал, все о ней знают, одна милиция не в курсе.

Он немного подумал и добавил:

— Хорошо, давай проведем следственный эксперимент. Выйдем на улицу и спросим у первого школьника про твой Черный Тюльпан.

Первый встречный школьник оказался сыном Матвеенки Петром. Он крутился на велосипеде возле кинотеатра «Горизонт», вместо того, чтобы помогать матери на маленьком Матвеенковском участке.

— Слушай,— спросил его отец.— Ты знаешь историю про Черный Тюльпан?

— Конечно, знаю,— обрадовался мальчик.

— Ну-ка, расскажи.

— Пожалуйста. У одной девочки мама уехала в командировку надолго,— бодро начал молодой Матвеенко.— А дело было под Новый год. И она ей оставила 10 рублей, чтобы девочка купила себе карнавальный костюм. Приходит она в магазин, а там костюм принцессы стоит 20 рублей и костюм снежинки 15, и больше ничего нет. И вдруг продавщица говорит:

— Девочка, хочешь костюм Черного Тюльпана?

— А сколько он стоит?

— Десять рублей.

И показывает костюм отличный. Платье черное шелковое и все остальное, что нужно для девочки. Девочка, конечно, купила костюм и побежала домой.

— Так, а дальше? — спросил старший Матвеенко.

— А дальше на другой день сидит она на кухне. И вдруг само собой заговорило радио. А оно было поломанное. «Девочка, девочка, прыгай в окно, Черный Тюльпан появился в городе».

Девочка подумала, что это кто-то шутит. Она жила на втором этаже. А радио опять говорит: «Девочка, девочка, прыгай в окно, Черный Тюльпан сошел с троллейбуса, подходит к твоему дому». Девочка говорит тому голосу в радио: «Сам прыгай. Я не дура». А радио как закричит: «Девочка, девочка! Зря ты меня не слушаешься, Черный Тюльпан подходит к твоей квартире. Он близко стоит».

— Ну и кочергой его! — подсказал старший Матвеенко.

— Это ты кочергой,— возразил Петр,— а она маленькая. Она встала, пошла к дверям, чтобы посмотреть, кто это так шутит, а в это время дверь шкафа сама собой открылась и на пороге появился Черный Тюльпан. И прямо пошел на девочку. Радио как закричит еще сильнее: «Девочка, девочка, не теряй времени! Прыгай теперь в окно! Может, еще спасешься! Тебе говорят!» Девочка прыгнула в окно. Падает, только не камнем, а как на парашюте. Может быть, и не расшибется. А Черный Тюльпан перегнулся через подоконник, вытянул руки, и они у него начали расти. Растут, растут и все хотят схватить девочку. И уже у самой земли схватили девочку и обратно втянули. И Черный Тюльпан сказал: «Ти хотела от меня убзять, я тебя за это убю».

— Он что, иностранец был? — спросил Рахманин.

— Нет. Он просто плохо по-русски говорил.

— Значит, он не русский? — спросил Матвеенко-старший.

— Он никакойский.

— И что, убил он девочку?

— Нет. Он заставил ее быть служанкой. И все время уходил в шкаф. Вот однажды, когда Черного Тюльпана не было, радио опять заговорило: «Девочка, девочка, достань из шкафа костюм Черного Тюльпана и сожги его». Она бросила костюм на пол и подожгла. Он весь сразу вспыхнул черным пламенем с синим уклоном, кто-то страшно закричал, и девочка потеряла сознание. Когда она пришла в себя, на месте костюма ничего не было. И Черный Тюльпан больше не приходил.

«Ознакомившись с делом» при помощи сына, Матвеенко поделился своими выводами с Рахманиным:

— Ты смотри, у этих Красных Рук и Черных Простыней есть не только сторонники. Кто-то по радио старается их опередить, предупредить об опасности.

А Рахманин пытался представить себе, как выглядит Черный Тюльпан. Он как капустные листья разматывал бинты темноты с его лица и все пытался и пытался разглядеть — что же под ними... что там под ними... Но неведомые черты не прояснились, а все затуманивались и уходили, затуманивались и уходили.

Отпустив «свидетеля Петра», милицейские работники пошли в ближайшее кафе обедать.

Кафе-ресторан (странное сочетание) находилось (находился) при местной новой гостинице «Зеленгород».

В нем было пусто. В самом светлом углу только сидела одна девушка в свадебном белом платье.

Рахманин сказал Матвеенко:

— Она от них.

— Кто она? От кого от них?

— Эта девушка. Она от Красных Рук.

— Ты что, студент, с ума сошел? Почему?

— Потому что у нее на платье Красное Пятно.

— На этой скатерти тоже красное пятно,— сказал Матвеенко,— значит, она тоже от них, от этих занавесок?

— Скатерть не от них, а девушка от них,— уперся Рахманин.— Можете проверить. Никаких документов у нее нет.

Матвеенко молча поднялся и направился к девушке. Он подошел и вежливо сказал:

— Извините, пожалуйста, мы из милиции. Мы разыскиваем одну женщину, похожую на вас. У вас есть какие-нибудь документы? Разрешите взглянуть.

Тут произошло неожиданное и несуразное. Девушка встала и почему-то спиной вперед, как в балете «Лебединое озеро», поплыла к выходу. Все

дальше и дальше. Дальше и дальше. Как в кино. Казалось, что капитан сейчас тоже взмахнет руками и плавно, как в балете, засеменит за ней в своих просмоленных сапогах. Но Матвеенко руками не взмахивал и никуда не семенил. Он просто вернулся за столик к Рахманину и сказал сердито:

— Чумовая какая-то. Так почему же она от них? Кто она такая?

— Это Девушка с Красным Пятном. Про нее есть много историй.

— Пожалуйста, излагайте.

— А чего тут излагать. Читайте сами,— сказал Рахманин.— Вот письмо из того же города Покровска.

Матвеенко быстро прочел:

«Один юноша солдат сидел в ресторане и пил красное вино. К нему подошла одна очень красивая девушка в белом платье. Они познакомились, и она дала ему свой номер телефона. Она написала его на салфетке и протянула ему. А он нечаянно опрокинул вино. Несколько больших капель попало на белое платье девушки. Вечером он позвонил по телефону. Трубку подняла пожилая женщина. Он попросил девушку к телефону, а женщина расплакалась и сказала, что та, которая нужна ему, ее дочь, и что она умерла два года назад. Он ответил, что этого не может быть, потому что он видел ее сегодня утром и разговаривал с ней... Дело дошло до того, что раскопали могилу, чтобы пролить свет на это темное дело.

Когда этот человек увидел девушку, то он сразу узнал ее. У нее на платье были свежие капли вина. И тут раздался голос: «Уходите отсюда. Тот, кто будет долго смотреть, скоро умрет». Все. Варежкина Катя. Пятнадцать лет».

— Так это была она? — спросил Матвеенко.

— Или она или такая же,— ответил Рахманин.

— Плохи наши дела,— сказал Матвеенко.— Если бы я во все это верил, я бы сказал, что мы засветились и что пора сматывать удочки.

— А я и в самом деле так думаю, что мы засветились и что пора сматывать удочки.

— И все-таки не надо спешить. Давай-ка мне сюда всю эту пачку писем. Я их почитаю и постараюсь привести в систему. Я так думаю. Пусть все это есть... Тогда это или инопланетяне с какой-то чудовищной техникой и странным смыслом жизни, или это потусторонние силы, объединенные в шайку: ведьмы, фантомасы, мефистофелевщина всякая...

— Или наши галлюцинации,— добавил Рахманин.— А может быть, еще хуже — материализованный бред.

Он передал Матвеенко все имеющиеся письма и отправился в отпуск на неопределенное время.

Есть ли в этом безумии система?

Уже несколько часов ломал над этим голову Матвеенко. Все воскресенье Анатолий Петрович сидел у себя в комнате и перебирал пачки писем, которые принес Рахманин из «Пионерской зорьки». Его никто не беспокоил. Ребята знали, если отец работает дома, значит, занимается самым важным. А жена была счастлива, что вся семья в сборе, и постоянно приносила ему то чай, то блинчики.

Но капитану было не до чая и не до блинчиков.

Перед ним открывались истории одна страшней и уголовнонаказуемее другой.

«СЕКРЕТНЫЙ СЛУЧАЙ НА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЕ.

На советско-польской границе произошла эта история. Есть там в самом центре темной дубравы старый замок, который был заброшен в стародавние времена и совсем был бы забыт людьми, если бы рядом не проходила граница, а значит, и пограничная тропа.

На заставе знали расположение комнат в замке, но не каждый раз осматривали их, а лишь когда что-то вызывало тревогу.

Однажды в наряд мимо замка пошел один солдат, служивший недавно, но хорошо знающий те места. Звали его Юрой. Он, собственно, и рассказал эту историю. Кроме него, в наряде были сержант Березов и солдат Гвоздин.

Шли они около замка и увидели, что в верхнем окошке на втором этаже мелькнул свет и что-то заискрилось. (Это была самая маленькая комната на втором этаже в углу.)

Сержант приказал Юре остаться внизу, а сам с Гвоздиным отправился на обследование замка.

— Если услышишь что-то подозрительное, свяжись с заставой и сообщи обо всем,— сказал он перед уходом.

Стоит Юра, прислушивается: вот прошли дверь, топают по лестнице, по коридору, скрип открываемой тяжелой двери в комнату... автоматная очередь, страшный крик и глухое падение тел одного за другим.

Юра опешил, но спустя несколько мгновений пришел в себя и бросился к ближайшему потайному телефону, чтобы сообщить на заставу о происшествии. Через несколько минут застава, поднятая в ружье, была у замка, и все побежали наверх, на выручку.

Когда открыли дверь одной из комнатушек, предстала страшная картина: в нескольких шагах от двери лежал лицом вниз сержант Березов, а у дверей с автоматом на предохранителе — солдат Гвоздин, но глаза у сержанта были широко открыты.

Когда врач заглянул в них, он дико закричал и упал без признаков жизни. Оказалось, что на сетчатке глаз сержанта отпечаталось то страшное видение, которое он видел перед смертью. Постепенно оно растворилось и ушло.

Когда врача откачали, сознание вернулось к нему, но он ничего не помнил. Он совершенно все забыл, и его заново пришлось учить всему как маленького: словам, умению завязывать ботинки, есть и пить. Потом он снова стал ходить в школу при погранзаставе. Во все классы.

А этот замок обнесли колючей проволокой, и больше туда никто не заходил. Иногда в этой комнате в углу что-то тихонько светится и искрит. Ученые хотят туда попасть, но пограничники никого в эту секретную зону не пропускают».

Про сетчатку глаза, с которой все можно читать, Матвеенко как следователь знал, что это ерунда. Но в остальном рассказ звучал убедительно.

— Вот бы допросить этого Юру по-настоящему да и всыпать ему, чтобы ерунды не нес. А впрочем, я думаю, его и без меня допрашивали. Там у военных свои следователи есть. А доктор снова в школу будет ходить десять лет — не позавидуешь.

Следующая история была очень похожей.

В одной пустыне шла экспедиция. И вдруг на пути — колодец. Одного геолога решили туда опустить. Его долго опускали, вдруг он дико закричал и задергался. Когда его достали, он был мертвый и седой. Тогда вместо него опустили фотоаппарат. Фотоаппарат что-то сфотографировал. Вот стали проявлять пленку. Проявщик как взглянул на нее, так страшно закричал и умер.

Его помощник догадался сжечь фотографию, не заглядывая в нее. Он понял, что эта фотография может погубить сотни людей. Так никто и не узнал, что же было там, в этом пустынном колодце.

— А действительно,— думал Матвеенко,— что же было в этом пустынном колодце? Может быть, страшный скелет? Может быть, пистолет, направленный в глаза? Может быть, тигр с зубами?

— Ну ладно,— думал он.— Я еще могу испугаться тигра с зубами или скелета, но чтобы испугался закаленный в нервах геолог?

— Да! — возражал он сам себе.— А если это был его собственный скелет. Он его узнал и испугался.

— Да ерунда! Что он, своих рентгеновских снимков не видел? И опять же: как это скелет геолога мог оказаться в колодце раньше самого геолога?

Матвеенко кликнул сына. Дал ему прочитать оба письма. И спросил:

— Ты знаешь, что там было?

— Конечно, знаю.

— И что же?

— Космические Глаза.

— Чего, чего? — оторопел Анатолий Петрович.

— Космические Гипнотизирующие Глаза. Они смотрят на человека и приказывают: «Немедленно умирай». И человек умирает от космического гипноза.

— Спасибо, сынишка,— сказал строгий капитан.— Вот не знал, что у тебя голова такой ерундой набита!

Но про себя он подумал, что этот довод, пожалуй, самый убедительный. И что думай он три дня, такого, пожалуй, не придумал бы.

На следующем конверте было написано:

«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ В ГОРОДЕ НЬЮ-ЙОРКЕ».

— Ну и пусть этой смертью нью-йоркская полиция занимается,— подумал Матвеенко. Но любопытство взяло верх. Тем более что на последнем Съезде депутатов очень много говорилось о вступлении в Интерпол. Он начал читать:

«Однажды в море один грузовой корабль дал сигнал SOS. Мимо проходил другой корабль, и его экипаж решил прийти на помощь.

Когда они поднялись на борт, то никого там не нашли. Только помощник капитана второго корабля зашел в одну каюту и увидел, что на полу лежит груда одежды. Из этой груды вдруг выползла какая-то черная туманная масса и бросилась на помощника.

Она обволокла его и съела. Осталась одна морская форма с фуражкой. Это была Черная

Смерть. Все остальные испугались, убежали и уплыли.

Этот случай был описан в газетах.

Через несколько лет в одной квартире где-то на западе какой-то богач проснулся и увидел, что его любовница пошла в ванную. Ее очень долго не было. Он удивился и пошел за ней следом. В ванной лежал только халатик и тапки.

И вдруг на него с потолка набросилась Черная Смерть. Она кинулась на богача, но у него в кармане халата всегда был пистолет. Он несколько раз выстрелил. Черная Смерть съежилась, но не умерла. Она втянулась в дыру в полу, куда уходит вода, и пошла по городу.

С той поры Черная Смерть погубила множество людей. Она растворяла их, оставляя лишь одежду. Она перебиралась из одного места в другое по канализации и водопроводу, и ее невозможно было поймать.

Но однажды она выползла на улицу из канализационного люка и напала на полицейского. Тот стал стрелять из автомата, и она уползла обратно. Полицейский вызвал по радио подмогу, они открыли люк и увидели, что дальше нет хода. Они забросали Черную Смерть слезоточивыми гранатами, а потом и простыми.

Потом в люк спустились ученые и взяли несколько кусочков Черной Смерти в стеклянные банки.

Оказалось, что Черная Смерть зародилась от биомассы, когда американцы проводили в океане испытание водородной бомбы. Когда во всем разобрались, последний кусочек сожгли, и ее не стало».

Прочитав много писем, Матвеенко понял, что все истории можно было разделить на группы. К первой группе относились

ПОНЯТНЫЕ УЖАСЫ.

Сюда входили традиционные рассказы, связанные со скелетами, вампирами, красным печеньем, с котлетами, в которых встречался человеческий ноготь, и т. д.

Ко второй группе относились

УЖАСЫ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ.

К ним относились Черная Смерть из канализации, Космические Гипнотизирующие Глаза, смесь человека с летучей мышью.

И к третьей группе относились самые ужасные ужасы —

УЖАСЫ НЕОБЪЯСНИМЫЕ.

Такие, как Красная Рука, Черная Простыня, Черный Тюльпан, Женщина с Красным Лицом, Белые Перчатки, Зеленые Пальцы и т. д.

Именно от этих историй исходила непонятная угроза, и никак Матвеенко не мог отмахнуться от них, считая пустым вымыслом.

Рахманин уже не рад

Рахманин жил в Москве один. Он снимал угол у старушки. Но сама его старушка постоянно жила у другой старушки — своей соседки. Так что Рахманин, снимая угол, фактически снимал целую московскую комнату с телефоном. И первое, что он увидел, войдя к себе, большое красное пятно на стене. Точнее, блекло-красное. Он позвал хозяйку.

— Нина Николаевна, что это?

— Где?

— Вот здесь на стене.

— Ничего. Обои потрескались.

— А вот это красное что?

— Где красное, Витек? Это серебряный накат.

— А красного нет?

— Нисколечко нет. Это у тебя пятна радужные в глазах. Со мной такое тоже бывает. Особенно после гимнастики.

— Вот это новость! — поразился Рахманин.— Вы гимнастикой занялись?

— И я занялась. И Наталья Ивановна занялась. Нам по телевизору велели. «Для тех, кому больше семидесяти».

— Вот и хорошо,— сказал Рахманин.— Со временем и я к вам присоединюсь. Особенно если буду жив. Значит, нет красного?

— Нет, совсем нет.

Рахманин успокоился. Но тут зазвонил телефон. И страшный голос пропел Рахманину:

— Бегут, бегут по стенке Зеленые Глаза. Они девочку задушат, да, да, да.

Потом раздались гудки.

Он плюнул и пошел на улицу.

Рахманин был одинокий ковбой. Обходился в Москве без друзей и знакомых. Пожалуй, в первый раз он пожалел, что не к кому пойти и рассказать о происшествиях последних двух недель.

Он шел куда глаза глядят. В своем Покровском-Стрешневе он знал каждый уголок. Но сейчас он увидел, что оказался в районе, в котором никогда не был. Стояли дома непривычной конструкции, росли деревья незнакомого вида. И на улице не было ни одного человека. Казалось, что в этой части города только что наступило самое раннее-раннее утро.

Он подошел к остановке трамвая. Номера были какие-то странные № 1932—1958, № 1983—19...

— Как цифры на кладбище,— подумал Рахманин.

И сразу же показался трамвай. Он шел почти бесшумно, хотя выглядел очень старым на вид, как будто сошел с дореволюционной фотографии, и по логике должен был бы греметь.

Он все ближе и ближе. Глаза у Рахманина полезли на лоб, потому что трамвай был черного цвета. Не трамвай, а катафалк.

Двери распахнулись. Виктора так и потянуло в черную прямоугольную дыру. Еще секунда, и он сделал бы шаг. Но у него хватило разума повернуться и шагнуть в обратную сторону.

И все резко переменилось. Появились люди. Возник шум города.

— Почему я не вошел в него? — думал Рахманин.— Почему?

И он понял. На трамвае стояла цифра — 1968. Это был год его рождения.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Специальный выпуск для мальчиков

И вдруг ты влюбился...

Попробуй провести маленький эксперимент. Подбери за одну минуту возможно большее количество бранных, ругательных, порицающих слов и выражений, которые бы обозначали твою неприязнь к другому. Подсчитай, сколько таких слов и выражений слетело у тебя с языка за столь короткий отрезок времени? Затем проделай то же, но со словами, выражающими доброту, ласку, симпатию, дружбу, любовь. Каких выражений набралось больше?

Таким образом, ты получил довольно простую иллюстрацию своего настроя на окружающих. Что на самом деле и прежде всего ты ожидаешь от общения с людьми? Это может быть ожидание насмешки, нападения, презрения, обиды, если ругательств набралось больше. Или, наоборот, одобрения, поддержки, дружелюбия, любви.

КОЕ-ЧТО О «РАЗДВОЕНИИ ЛИЧНОСТИ»

Низменные, грубые чувства примитивны. Их проще понять, нежели глубокие переживания человека. А раз понять проще, то и обсуждать легче. Что и происходит, например, за углом школы, где тринадцатилетние «мужики», затягиваясь сигаретой и мучительно сдерживая при этом тошноту, перемывают кости «девкам» и «бабам».

Недавно ты обнаружил, что девочки вызывают у тебя весьма противоречивые чувства. В тебе теперь как бы два разных человека, два различных «Я». Одно «Я» — внешнее. Оно управляет тобой, когда ты вечером идешь в ребячьей ватаге по пятам стайки восьмиклассниц. Сколько колкостей, насмешек, а порой и оскорблений отпускает ваша ватага при этом. Как вы соревнуетесь в смаковании всевозможных «неприличностей», откровенных непристойностей, обсуждая девчонок между собой. Тут твое внешнее «Я» не отстает от таких же внешних «Я» других мальчишек.

Другое «Я» — внутреннее. Оно владеет тобой тогда, когда, допустим, на последнем уроке ты, забыв на минуту о жестокой необходимости быть как все пацаны, обернулся и встретился с Ней глазами. Через несколько дней, стараясь не столкнуться случайно с ребятами, ты, по приказу своего внутреннего «Я» ищешь с Ней встречи. Вы ходите молча по улицам. Ты мечтаешь о том, чтобы на улице не было ни души. А лучше бы и во всем городе. Вы больше молчите, говорить трудно. И за руку ее взять — проблема. Даже смешно. Как будто не ты сегодня в школе гоготал над солеными шутками самого откровенного свойства и одобрительно наблюдал, как кто-то из парней пытался задрать девчонкам платья на перемене. Все это сейчас, пока вы гуляете по улицам одни, слетает с тебя, как шелуха.

КАК ВЫЗВАТЬ СИМПАТИЮ

Не меньше, чем девчонок, тебя одолевают сомнения в собственной привлекательности. По правде говоря, ты даже не представляешь, за что Она может полюбить тебя? Нет, слово «полюбить» здесь не совсем уместно, правда? Лучше сказать так: что может вызвать Ее симпатию? Ведь, общаясь с Ней, ты чувствуешь себя крайне неуклюжим, боишься показаться смешным. Ты стесняешься своего голоса. Голос ломается. То он тонкий, почти девчоночий, то хрипящий. В зеркале ты видишь свое полудетское лицо, слегка подурневшее за последний год. Но дурнота эта пройдет, когда ты станешь окончательно взрослым. То, что один человек рождается более красивым, чем другой,— явная несправедливость. Но никуда от нее не деться.

Правда, исследования психологов показывают, что чересчур красивых юношей большинство девушек считают не особенно умными и не очень серьезными в вопросах нравственности. Наблюдается даже некоторое предубеждение против очень уж красивых мужчин. (Примерно так же юноши относятся к очень уж красивым девушкам.) Обнаружено также, что красивые люди испытывают трудности не только в любви, но и в дружбе. Так что дело не только в личной красоте.

Несмотря на то, что идеалы красоты у разных народов и в разные времена заметно отличаются один от другого, внешние признаки мужской привлекательности испокон века связываются с мощью мышц, развитостью мускулатуры. Но это касается красоты внешней. А ведь по внешнему виду только встречают — таков смысл русской пословицы. И это соображение подтверждается исследованиями психологов. Действительно, не только новенький в классе подвергается перекрестному обстрелу глаз. Встречаясь каждый день с другом, ты в первый момент остро воспринимаешь все внешнее в нем, от одежды до царапины на ухе. Но через несколько минут тебя перестают интересовать его кроссовки, поскольку внимание сосредоточивается на том, что и как он говорит. И твой приятель вызовет больше симпатии к себе, если, разговаривая с тобой, будет смотреть тебе в глаза. Прими к сведению это психологическое наблюдение. Часами гуляя с Ней по улицам, часами сидя в темном зале кинотеатра, и ты и она меньше узнаете друг о друге, чем за минуту взгляда «глаза в глаза».

ЛИКУЮЩИЙ СЕНБЕРНАР ПОНИМАЕТ, ЧТО ОН ВИЛЯЕТ ХВОСТОМ?

Мы, люди, как-то убеждены, что речь — самый главный способ сообщить другому о том, что ты думаешь, что чувствуешь, что желаешь. На самом деле все несколько иначе. От дальних-дальних наших предков у нас остался язык жестов, мимики, поз, которым так успешно пользуются все животные. В отличие от речи этот язык не осознается нами. Мы не пользуемся им специально, поэтому этот язык не может врать. Своими размахивающими либо вяло опущенными руками, сверкающими либо потухшими глазами, громким либо тихим голосом, даже ногами, либо поджатыми под стул либо закинутыми одна на другую, мы пробалтываемся собеседнику об истинных наших переживаниях. Собеседник, как правило, чувствует это. И реагирует соответственно.

Диалог мимики и жестов всегда происходит между нами, хотим мы этого или нет. Мы не думаем о нем. Поэтому, если ты настроен агрессивно к окружающим тебя людям, какие бы ласковые слова ты ни произносил, люди все равно будут чувствовать твою повышенную боевую готовность. И сами начнут вести себя точно так же.

Подумай, этого ли настороженного, подозрительного отношения к себе ты ждешь, общаясь с девочкой, которая тебе симпатична? Уменьшить свою привычную агрессивность ты вполне можешь сам. Например, с помощью такого психологического приема. В разгаре дня или вечером, утром, в школе, на улице, дома на мгновение отвлекись от дел. Прислушайся к себе. Постарайся определить, какое чувство охватывает тебя в этот миг: радость, печаль, бешенство, ликование, стыд, удовлетворение, тоска, покой, гнев, веселье, азарт..? Не откладывая в долгий ящик, сделай это сейчас же, читая этот текст. Подчеркни наиболее подходящее из перечисленных чувств, ощущений. А теперь назови его шепотом: «Я в гневе». И выдержи небольшую паузу. При этом протри глаза и лицо руками, как сделал бы просыпающийся человек. Гнев вроде бы остыл. Правда? Но не прошел, конечно. Только теперь уже владеешь своим гневом ты, а не гнев — тобой. Проделывая такую штуку несколько раз на дню, через некоторое время ты будешь управлять своими эмоциями не хуже иного дипломата.

И, ради бога, не бойся собственной улыбки. Улыбка всегда вызывает симпатию.

ЕЩЕ О ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ И «РАЗДВОЕНИИ ЛИЧНОСТИ»

Понимая твое стремление оказывать девочке, которая нравится, всевозможные знаки внимания и даже услуги, я все же рискну предупредить тебя — не следует слишком усердствовать. Не забывай, что и Она считает себя личностью, способной на самостоятельные поступки и даже на помощь другому. Уверяю тебя, ты доставишь ей удовольствие, если изредка будешь просить помочь тебе в чем-то таком, что она умеет делать хорошо. Подготовить-

Фотография А. КРУПНИКОВА.

ся по истории, например. Нет, ты не уронишь себя в ее глазах. Это лишь позволит вам сделать еще один маленький шаг навстречу друг другу.

Стоп. А как же мальчишки? Ведь отношения с ними ты прекращать не собираешься. Да, неожиданно наступает момент, когда ты, забывая о Ней, вновь с головой окунаешься в свою прежнюю несколько грубоватую, порой жестковатую, но такую знакомую мальчишескую жизнь. Это твое внешнее «Я» решило напомнить о себе. Как здесь быть? Ответить на этот вопрос самому себе стремится каждый взрослый человек.

В течение всей жизни.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ

О влюбленностях своих детей родители обычно узнают последними. И первыми бросаются на помощь с расспросами и наставлениями. Чтобы оказаться первыми среди посвященных, стремитесь быть последними в очереди советующих. Но и этого мало. Чтобы тринадцатилетний сын охотно прислушался к вашему совету, предоставьте и ему право давать советы вам.

Герман Игоревич МАРАСАНОВ,
психолог.

ФОРМУЛА БЕГА

ВЫПУСК ВТОРОЙ

Почему же животные бегают лучше человека? После успеха Шерилла спортсмены еще пристальнее стали приглядываться к своим меньшим братьям: нельзя ли у них еще что-нибудь позаимствовать? И, представь себе, обнаружили замечательные приспособления...

Три кита

Оказалось, что у одних животных (гепард, тигр, заяц) преимущество в гибкости позвоночника. Он распрямляется, как стальная пружина, при каждом прыжке и дополняет силу ног силой мощнейших мышц спины (рис. 1). У других животных (антилопа, джейран, сайгак) — с малоподвижным позвоночником — высокая скорость бега связана с особым устройством ног. Кости голеней у них тонкие, легкие, мышц на них мало. Зато бедра массивные, и именно мышцы бедер, приводя в движение ноги, позволяют бежать быстро. Кроме того, и те и другие животные во время движения опираются лишь на кончики пальцев, а иногда всего лишь на один палец — копыто, как, например, лошадь или зебра. При маленькой площади опоры трение о почву невелико, и на его преодоление затрачивать особых усилий не приходится.

Получив столь важную информацию, атлеты ее переосмыслили и немедленно приступили к делу. Прежде всего для уменьшения площади опоры спринтеры стали бегать исключительно на цыпочках. Затем настал черед задуматься о позвоночнике. Как ни мудрили, а выходило, что у людей при беге он все же малоподвижен и использовать преимущества его гибкости не удается.

«Но не пропадать же такому открытию даром»,— подумал американский атлет А. Кренцлейн. И он использовал силу мышц спины, возникающую при резком разгибании позвоночника, при «атаке» барьеров в барьерном беге и при отталкивании от планки в прыжках в длину. Итог его поисков оказался впечатляющим: несколько мировых и олимпийских рекордов и 4 золотые медали чемпиона II Олимпийских игр 1900 года. Кстати, принцип максимального использования гибкости позвоночника в этих видах легкой атлетики (а также некоторых других) сохраняет свое значение и в наши дни.

А каков же вклад в развитие бега идеи об особенностях строения ног? Тут можно без преувеличения сказать, что стали с успехом применять для отбора самых перспективных — «легконогих» и тонкокостных бегунов. Во-вторых, были созданы специальные комплексы упражнений, с одним из которых ты познакомишься, для развития и укрепления мышц бедер. И наконец, тренируя своды стоп, добивались минимальных потерь энергии при соприкосновении ног атлета с беговой дорожкой. В результате человек научился бегать значительно лучше, а максимальная скорость бега возросла до 34 км/ч.

Великий Нурми

Итак, заглянув в тайники природы, бегуны добились заметных успехов. Но природа хранила еще много секретов, овладеть которыми предстояло человеку. В 20-е годы таким человеком оказался замечательный финский бегун Пааво Нурми. Он был ниже среднего роста, плотно сбитый и мало напоминал бегуна. Пааво отличался молчаливостью, скромностью и даже застенчивостью в жизни, но, появляясь на беговой дорожке, преображался. Казалось, не было таких соперников, которые могли бы помешать ему победить.

Нурми выступал на средних и длинных дистанциях, которые вроде бы не имели прямого отношения к скорости, а были связаны с выносливостью. Но именно этот атлет внес огромный вклад в повышение скорости бега. А дело в том, что выносливость, то есть способность выполнять работу длительное время, зависит от ее экономичности: чем рациональнее используешь «топливо», тем выше его коэффициент полезного действия (кпд).

В поисках наиболее экономичной формы бега Нурми обратил внимание на то, что самые быстроногие животные движутся не толчками, а очень плавно, будто парят над землей.

Не в этой ли плавности одна из причин их превосходного бега, рассуждал Пааво. Ведь у организма запас энергии ограничен, и чем меньше ее тратится на скачки вверх-вниз и раскачивания тела из стороны в сторону, тем больше можно израсходовать на продвижение вперед, то есть выше должна быть скорость бега.

Так этот великий спортсмен сформулировал один из важнейших принципов быстрого бега — его экономичность и создал такой совершенный стиль, в котором не имел себе равных. Недаром современники, восхищенные его бегом, говорили, что Нурми не бежит, а летит над дорожкой.

И еще одним замечательным

качеством обладал Нурми — умением рассчитать свои силы, распределить их так, чтобы хватило на всю дистанцию. Для того времени это имело огромное значение, потому что закономерности бега еще не были изучены и атлеты нередко выступали, как в песне у Высоцкого: «...рванул, как на пятьсот, и спекся». Дабы избежать такого конфуза, Пааво первым из спортсменов догадался бегать с... секундомером в руке. Сегодня этим никого не удивишь: и атлеты и любители бегают с часами и по часам, а в 20-е годы Нурми со своим новшеством совершил подлинную революцию на беговой дорожке.

Зная свои возможности, он заранее составлял графики бега на тренировки и соревнования, в том числе и на те, где собирался установить мировой рекорд. Отмеряя круг за кругом на беговой дорожке и посматривая на секундомер, Пааво, как правило, точно выполнял графики бега. Стоит ли после этого удивляться, что, выступая на трех Олимпиадах, он девять раз становился олимпийским чемпионом и установил свыше дюжины мировых рекордов на разных дистанциях. Ни до, ни после Нурми такого успеха не удалось добиться ни одному бегуну на нашей планете. В память о великом спортсмене в столице Финляндии поставлен памятник.

Физкульт-практикум

(Только для тех, кто хочет бегать ХОРОШО)

I. Комплекс упражнений для укрепления мышц бедер (рис. 2).

Поочередно поднимать прямые ноги, стараясь максимально растянуть резиновый бинт. До 5—8 раз.

Не отрывая пятки от пола, выполнить приседания и подъемы с гантелями, гирей или штангой. До 10—12 раз.

Приседания на правой и левой ноге поочередно до 5—8 раз.

Подскоки на двух ногах из глубокого приседа. До 12—15 раз.

II. Комплекс упражнений для укрепления сводов стоп и бега «на цыпочках» (рис. 3).

Серединами ступней босых ног катать в течение 1 минуты круглую палку диаметром 2,5—3 сантиметра.

Подгибая пальцы босых ног, передвигаться по полу в течение 1 минуты.

Не отрывая ноги от пола, а лишь поочередно упираясь в него носками, имитировать «бег в стенку» в течение 1 минуты.

III. Пригревает солнышко. В погожие дни советую надеть шерстяной костюм и делать разминку (читай выпуск 1), а также упражнения для бедер на свежем воздухе. Потом можно совершить небольшую пробежку, и домой — под душ. К настоящим беговым тренировкам мы приступим через месяц, а пока достаточно «стихийных» пробежек: в школу, домой, к приятелю.

IV. В следующем выпуске физкульт-практикума мы расскажем, как лучше построить занятия бегом, и ты, надеюсь, начнешь регулярно бегать. А пока надо хорошенько подготовиться.

Прежде всего провериться у врача и получить от него «добро» на занятия бегом.

Лучше, конечно, раздобыть секундомер, но вполне годятся и часы с секундной стрелкой.

Для бега в прохладную погоду тебе потребуется хлопчатобумажный спортивный костюм, на случай дождя — ветровка, а в жару можешь бегать в трусах и майке.

Тебе потребуются также кроссовки, полукеды или беговые туфли и обязательно смена шерстяных носков.

Заранее выбери трассу бега, чтобы на ней не было канав, рытвин, нагромождений камней: можно повредить ноги. Желательно, чтобы трасса была в зеленом массиве, подальше от больших автомагистралей. Присмотри также какой-нибудь стадион — он тоже тебе пригодится.

М. ЗАЛЕССКИЙ

Рис. 1.

Рис. 2.

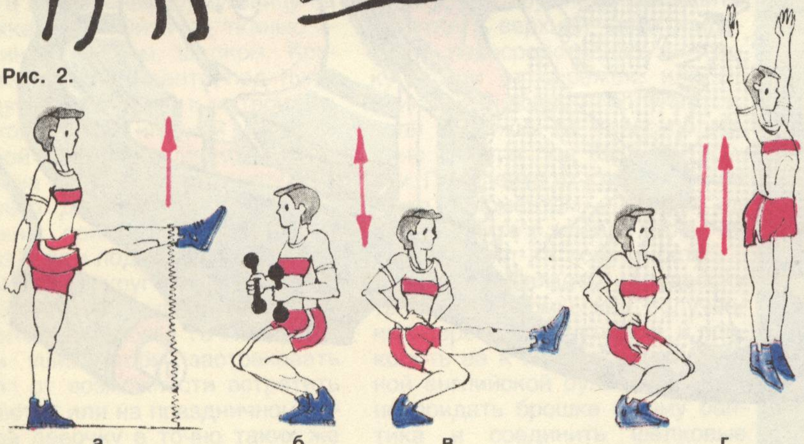
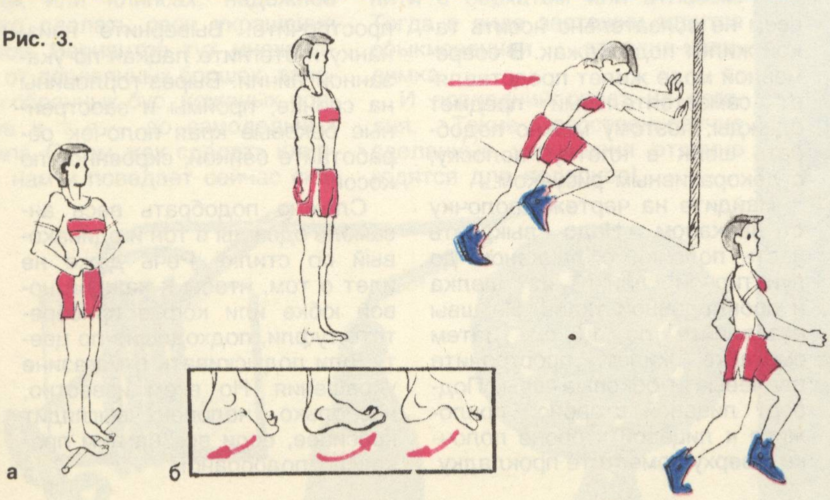

Рис. 3.

Рисунки И. КЛИМОВА.

Наши джентльмены любезно пропустили Белоснежку к компьютеру. Ибо если леди сама не позаботится о собственном наряде, то кто это сделает за нее?

И вот на дисплее возникло графическое изображение ЖИЛЕТА, вещи, модной во все времена.

Даются описание работы и расход материала на 42-й размер. Перед делается из плотного шелка, спинка — из подкладочной ткани. При ширине 90 см нужен 1 м шелка, 80 см подкладочной ткани и прокладочная ткань. Учтите, что совсем не обязательно носить такой жилет под пиджак. В современной моде жилет представляет самостоятельный предмет одежды, поэтому можно подобрать шелк в клетку, полоску, с декоративным рисунком...

Найдите на чертеже полочку с лацканом. Надо выкроить часть полочки с лацканом до пунктирной линии из шелка и прокладочной ткани. На швы оставляйте по 1,5 см. Затем сметайте жилет, прострочите плечевые и боковые швы. Подборт лицевой стороной приложите к лицевой стороне полочки, сверху поместите прокладку, прострочите. Выверните наизнанку и отогните лацкан по указанной линии. Вырез горловины на спинке, проймы и заостренные боковые края полочек обработайте бейкой, скроенной по косой.

Сложно подобрать весь ансамбль одежды в тон и одинаковый по стилю. Речь даже не идет о том, чтобы к каждой новой юбке или кофте приобретать туфли, подходящие по цвету, или подыскивать в магазине украшения. Но всем известно, насколько человек выглядит красивее, если все на нем прекрасно подобрано!

Компьютер поможет и тут!

Казалось бы, что можно сделать с туфлями — кожаными или замшевыми? Однако даже галоши поддаются украшательству!

Небольшой искусственный цветок легко прикрепляется к носку туфельки с помощью обыкновенной иголки и крепкой нитки. Можно, кстати, скрутить симпатичный бутончик из ткани того цвета, который наиболее подойдет к туфлям и всему остальному наряду.

Вариант второй. Маленький бантик — из кожи, замши, кожзаменителя и т. д.,— предварительно сшитый и с заделанными краями, прикрепляется к туфельке сзади обыкновенной скрепкой или клипсой. Когда расправляете бантик, его хвостики оставляете в месте крепления, чтобы замаскировать скрепку.

А вот и самый сложный вариант. Возьмите кружева (годится для этой цели и старый тюль, но предварительно отбеленный или подсиненный), подкрахмальте их немножко и соберите на нитку в форме цветка. Можно выкроить фигурные лепестки. Затем подберите небольшую (но и не маленькую) пуговицу на ножке и обтяните ее тканью — сатином, ситцем, шелком. Кружева подкладываете под пуговицу и пришиваете к материалу. Потом тонкой иголкой и капроновой ниткой пришиваете цветочек на туфлю. Кстати, необязательно делать это по центру, можно прикрепить украшения и по бокам лодочек или даже на ремешке вокруг ноги.

Займемся украшательством с пяток до головы. Точнее, украсим уши. Чтобы застраховать себя от возможности встретить в гостях или на праздничном вечере девочку в точно таких же бусах или клипсах, надежнее всего сделать свои украшения самой. Вариантов тут множество: от деревянных брошек, заново собранных бус, кожаных поясков и т. п.— до самодельных клипс. О том, как сделать клипсы, нам и поведает сейчас сказочный компьютер.

Потребуются старенькие клипсы. Вернее, их застежки. Если же у вас уже проколоты дырочки в ушах, смело используйте надоевшие серьги.

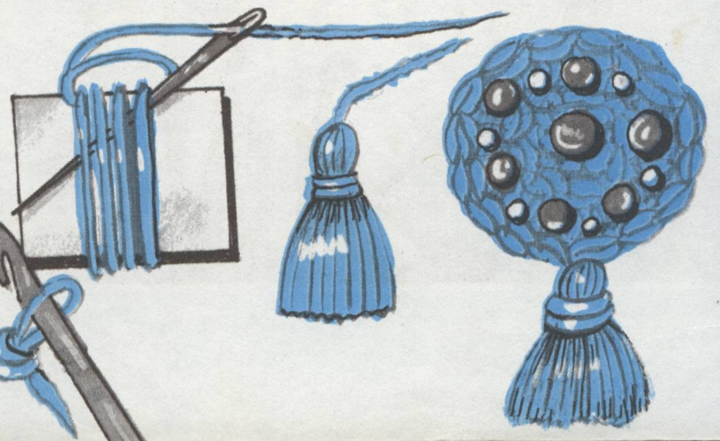
Подберите красную и черную шелковые нити, блестки или малюсенькие бусинки, тонкий крючок. Кстати, если вы точно знаете, с чем будете носить это украшение, можете вполне связать его из синих и белых ниток, зеленых и рыжих... Словом, сочетание цветов всегда зависит от всего ансамбля.

Начинаем вывязывать красной нитью столбиками без накида центр подвески. Получается круг диаметром около 2 см — и мы меняем красную нитку на черную, продолжая плести круг крючком. Черный круг должен быть шириной около одного сантиметра. Аккуратно закрепите последний столбик. В центр плетенки круга пришейте блестки или бусинки, расположив их тоже кругом. К нижней части подвешивается кисточка из красных и черных нитей. В кисточку можно вплести ниточку с бусинками. Кстати, можно использовать и бусинки, и блестки. Тогда в центр нашейте одну бусину, а вокруг нее прикрепите блестки. К верхней части приделайте непосредственно застежку — или от сережек, или от клипс. Красиво получается, если застежки от клипс полностью скрыты под вязаным кругом. Приклейте их клеем БФ или даже «Моментом», только не переборщите с клеем, чтобы он не выступил на поверхности.

Можно вывязать и подвеску такой же формы, как полученные сережки или клипсы, и приколоть ее к платью обыкновенной английской булавкой. Можно придать брошке форму бантика и соединить шелковые нити с бархатом или атласом. Тогда в виде застежки годится обыкновенная заколка-невидимка.

И последний совет на сегодня. Такие собственноручно сделанные украшения отлично годятся для подарков!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН (редактор отдела литературы и искусства), В. П. КРАПИВИН, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), С. В. МИХАЛКОВ, В. И. ПОРУДОМИНСКИЙ, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА (ответственный секретарь), Р. С. СЕФ, Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Главный художник И. Г. ПАНКОВ.
Технический редактор И. В. КЛИМОВ.

ЧИТАЙ В АПРЕЛЕ:
окончание страшной повести для бесстрашных школьников Э. Успенского, а также о совершенно необычайных приключениях «Черной курицы».

Сдано в набор 04.01.90.
Подписано к печати 19.01.90. А 00210.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 1797.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

30 коп. 38 Индекс 70694.

ISSN 0130-8009. Пионер. 1990. № 3. 1—64.